

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права»
На правах рукописи **ЛЕБЕДЕВ Александр Геннадьевич**

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ РОССИИ**

12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Б.Т. Разгильдиев
Саратов 2004

2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

**Глава 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ 13
ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

1.1. Уголовно-правовая теория

и законодательная практика объекта состава преступления 13

1.2. Предмет преступления и его связь

с объектом уголовно-правовой охраны 34

**1.3. Объект, состава преступления,
предусматривающего уголовную ответственность
за привлечение заведомо невиновного**

к уголовной ответственности

(ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации) 52

**Глава 2. ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
СОСТАВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНЫХ ЛИЦ**

И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕЕ ПРИЗНАКОВ 72

2.1. Понятие объективной стороны состава привлечения

к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц 72

2.2. Уголовно-правовая характеристика признаков,
образующих объективную сторону состава привлечения
к уголовной ответственности заведомо невиновного 89

Глава 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ВИНЫ

3.1. Уголовно-правовая характеристика субъекта привлечения
заведомо невиновного лица к уголовной ответственности 154

3.2. Вина лица, совершившего деяние,
предусмотренное ст. 299 УК РФ 175

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 218

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 226

3 ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Формирование правового, демократического государства предполагает неукоснительное исполнение гражданами своих юридических обязанностей. Еще в большей мере это касается должностных лиц, особенно — в сфере борьбы с преступностью, которые решают задачи, стоящие перед уголовным и уголовно-процессуальным законодательством РФ. Тем самым создаются условия, обеспечивающие гражданам, организациям, учреждениям и предприятиям возможность пользоваться своими правами. И, напротив, работники правоохранительных органов, суда, злоупотребляя своим статусом, нередко ограничивают, таким образом, возможности граждан, общества и государства по реализации принадлежащих им прав. Такого рода злоупотребление, если оно связано с исполнением уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, нередко выливается в действия, противоречащие задачам указанных отраслей права, отрицательное отношение не только к уголовному и к уголовно-процессуальному законодательству России, но и к органам, их реализующим. В результате ставится под сомнение деятельность государства и общества по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи исключительно важно, чтобы должностные лица правоохранительных органов, суда, осуществляющие борьбу с преступностью, действовали в рамках требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ. Важно, чтобы уголовное законодательство РФ в рассматриваемой части ставило под охрану те отношения, посягательства на которые объективно являются общественно опасными. Реализация такого закона будет в полной мере соответствовать задачам УК и назначению УПК РФ. Не менее важен и тот факт, что нормы, посредством которых осуществляется охрана соответствующих отношений от преступных посягательств, соответствовали бы требованиям устоявшихся институтов как уголовного, так и других отраслей права. Если рассматривать состав, регламентирующий уголовную ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной от-

ветственности (ст. 299 УК РФ), то можно констатировать его противоречивость. Названная норма в настоящее время берет под уголовно-правовую охрану лишь отношения, связанные с предъявлением лицу обвинения, в то время как отношения, сопряженные с

началом уголовного преследования, последующим законом не охраняются, что порождает проблему охраны прав и свобод граждан с момента возбуждения уголовного дела. По данным проведенного диссертантом социологического исследования, 69% опрошенных должностных лиц правоохранительных органов и судей признали общественную опасность деяния в момент незаконного возбуждения уголовного дела¹. Кроме того, ст. 299 УК РФ рассматривает дознавателя, следователя, прокурора в качестве субъектов привлечения к уголовной ответственности, что противоречит презумпции невиновности, то есть требованиям ст. 49 Конституции РФ. Так, по нашим данным, 63% опрошенных граждан связывают привлечение к уголовной ответственности с судом. Эта цифра составляет 81 % применительно к практическим работникам.

Судебная практика борьбы с привлечением к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц имеет единичные случаи применения. Так, по данным ГИЦ МВД РФ, за 2003 г. преступлений, предусмотренных ст. 299 УК РФ, в России было зарегистрировано 6. По данным А.И. Долговой, за 2001 г. — 10 преступлений. В то же время, по материалам А. Хинштейна, только в 2001 г. на дополнительное расследование суды вернули порядка 52 тыс. уголовных дел, не было поддержано прокурорами 22 тыс. обвинительных заключений³. А по материалам ГИЦ МВД России за 2002-2003 годы за отсутствием состава и события преступления было прекращено 301 792 уголовных дела. Приведенная статистика выступает серьезным основанием для вывода о том, что ст. 299 УК РФ не обеспечивает должный уровень охраны деятельности орга-

¹ Нами было опрошено 550 работников правоохранительных органов и 550 граждан, не имеющих отношения к деятельности правоохранительных органов и судов.

² Долгова А.М. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 558.

³ Хинштейн А. Генералы случайной карьеры // Московский комсомолец. 2003. 2 сент.

5

нов правосудия в рассматриваемой части, не предупреждает такого рода преступления. Все сказанное и обуславливает актуальность избранной темы диссертационного исследования.

Степень разработанности. Теория уголовного права уделяет серьезное внимание проблемам уголовно-правовой охраны деятельности органов правосудия. Объектом исследования выступала и глава «Преступления против правосудия» в целом, и отдельные ее блоки, скажем, прикосновенность к преступлению, и некоторые нормы, регламентирующие, к примеру, ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание. Наиболее значительный вклад в разработку проблем преступлений против правосудия внесли ученые: Г.И. Баймурзин, Д.Б. Бектибаев, В.А. Блинников, И.А. Бушуев, И.С. Власов, Г.Б. Виттенберг, А.Т. Гужин, М.А. Гаранина, А.С. Горелик, В.Д. Иванов, П.И. Гришаев, В.И. Егоров, Г.А. Кригер, Л.Л. Кругликов, Ю.И. Кулешов, ЯМ. Кульберг, В.Н. Кудрявцев, Л.В. Лобанова, В.В. Мальцев, В.П. Малков, А.В. Наумов, Н.А. Носкова, П.Н. Панчен-ко, Н.Г. Радунцева, Б.Т. Разгильдиев, Ш.С. Рашкова, Р.А. Сабитов, А.Б. Сахаров, Б.В. Сидоров, В.Г. Смирнов, СИ. Тихенко, Ю.М. Ткачевский, В.С. Устинов, М.Х. Хабибуллин, И.М. Черных, А.И. Чучаев, М.Д. Шаргородский, СМ. Юдушкин и др. Абсолютное большинство названных ученых исследование составов преступлений против

правосудия проводили на базе уголовного законодательства, предшествовавшего ныне действующему, когда перед государством, а значит, и перед уголовным законодательством стояли иные цели и задачи, что, по вполне понятным причинам, не могло не отражаться на результатах исследований. Не менее важен и тот факт, что анализируемый состав ни в тот период, ни в настоящее время не был предметом самостоятельного исследования. А поскольку каждая уголовно-правовая норма Особенной части УК РФ направлена на обеспечение уголовно-правовых задач в своей части, то становится очевидной необходимость ее научного осмысления.

6

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель настоящего исследования заключается в научном выявлении резервов ст. 299 УК РФ, позволяющих повысить ее эффективность при решении уголовно-правовых задач.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

определение родового и видового объектов составов преступлений против правосудия, составов преступлений, совершаемых должностными лицами правоохранительных органов, в том числе привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности;

обоснование необходимости перевода гл. 31 УК РФ (Преступления против правосудия) в самостоятельный раздел, состоящий из трех глав: Преступления против правосудия; Преступления против органов расследования; Преступления против органов, исполняющих наказания. Состав преступления, предусматривающий ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, расположить в гл. 2;

формулирование и обоснование вывода о том, что наименование ст. 299 УК РФ, ее содержательный аспект противоречат конституционной норме, регламентирующей презумпцию невиновности, в частности ст. 49 Конституции РФ;

разработка предложения о введении в анализируемую уголовно-правовую норму (наименование и содержание) категории «незаконное уголовно-процессуальное преследование», ее реконструкция;

уточнение, исходя из объекта уголовно-правовой охраны, круга субъектов состава, предусмотренного ст. 299 УК РФ и обоснование квалификации их деяний по названной статье;

обоснование возможности совершения указанного преступления не только с прямым, но и косвенным умыслом.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования выступают отношения, охватываемые нормой, предусмотренной ст. 299 УК РФ. Предмет исследования составляют положения теории уголовного права, законодательная практика, данные социологических исследований.

7

Методология и методика диссертационного исследования основываются на общенаучной диалектической характеристике изучаемого явления и решаются посредством формально-логического, сравнительно-правового, догматического, конкретно-социологического и других методов познания.

Нормативно-эмпирическая база диссертационного исследования основывается на

Конституции РФ, уголовном законодательстве России и ряда зарубежных стран, отдельных постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, данных, полученных диссертантом в результате опроса 550 работников правоохранительных органов и 550 иных граждан, статистических данных ГИЦ МВД России информационных центров ГУВД субъектов РФ и данных других исследователей.

Научная новизна диссертационного исследования характеризуется рядом обстоятельств. Прежде всего в уголовно-правовой теории РСФСР и РФ данная работа является первым монографическим исследованием проблемы привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. В ней на основании анализа существующих в науке точек зрения относительно объекта преступления дается новое понимание объекта преступлений против правосудия, что позволило предложить иную дифференциацию составов преступлений, образующих названную главу. Такая дифференциация исключает самостоятельное существование состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. обстоятельное исследование признаков объективной стороны состава, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, дает основание предположить его несоответствие презумпции невиновности. Такая ситуация побудила разработать новую конструкцию состава ст. 299 УК РФ. Уголовно-процессуальное законодательство России, регламентирующее иной порядок возбуждения уголовных дел, требует определенной уголовно-правовой переоценки субъектов преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. Изучение существующих в теории суждений относительно понятия

8

«вина» позволило сформулировать новое ее понимание, предложить внести изменения в содержание отдельных ее видов и соответственно в субъективную сторону исследуемого состава преступления. Научная новизна настоящего исследования характеризуется целым рядом выводов, предложений, рекомендаций, направленных на развитие теории уголовного права, совершенствование уголовного законодательства. Именно поэтому некоторые из них выносятся на публичную защиту.

Выводы, положения и рекомендации, выносимые на защиту:

1. Составы преступлений, расположенных в гл. 31 (Преступления против правосудия) УК РФ, обеспечивают уголовно-правовую охрану не одного, а трех видовых объектов: преступления против правосудия; преступления против органов расследования; преступления против органов, исполняющих наказания, в связи с чем образуют не главу, а раздел, который должен быть дифференцирован на три соответствующих главы.
2. Норма, регламентированная ст. 299 УК РФ, обеспечивает уголовно-правовую охрану деятельности органов предварительного расследования, направленной на обеспечение назначения уголовно-процессуального законодательства РФ, предусмотренного ст. 6 УПК РФ. Следовательно, ее место в гл. 2 «Преступления против органов предварительного расследования» Особенной части УК РФ.
3. Объективная сторона привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности — это предусмотренное уголовным законом общест

венно опасное действие, непосредственно направленное на конкретное уголовно-процессуальное преследование конкретного человека.

4. Категория «уголовная ответственность» с позиции границ ее действия, в том числе момента возникновения, дает основание полагать о недостаточной степени ее разработанности в теории уголовного права, а потому не целесообразности использования в нормах УК РФ, регламентирующих составы преступлений, ответственность за совершение которых непосредственно связана с названной категорией (ст. 299 и 300 УК РФ).

9

5. В ст. 299 и 300 УК РФ категорию «уголовная ответственность» необходимо заменить категорией «уголовно-процессуальное преследование».

6. Объективная сторона незаконного уголовно-процессуального преследования заключается в вынесении прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем постановления о возбуждении уголовного дела и его отправки прокурору, если такое постановление вынесено следователем, органом дознания или дознавателем при отсутствии поводов и основания для его возбуждения.

7. Незаконное уголовно-процессуальное преследование, начавшись вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, может продолжиться посредством проведения тех или иных следственных или иных действий, в том числе посредством задержания лица в качестве подозреваемого.

8. Статья, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное уголовно-процессуальное преследование, должна состоять из трех составов: простой — незаконное уголовно-процессуальное преследование; квалифицированный — незаконное уголовно-процессуальное преследование, выразившееся в незаконном задержании лица в качестве подозреваемого, в незаконном обвинении лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести; особо квалифицированный — незаконное уголовно-процессуальное преследование, характеризующееся незаконным обвинением преследуемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

9. Норма, предусмотренная ст. 19 (Общие условия уголовной ответственности) УК РФ, и по наименованию, и по содержанию не обеспечивает должного уровня реализации уголовно-правовых принципов, а потому нуждается в изменении. Ее суть может быть представлена в следующей примерной редакции:

Статья 19. Лица, обязанные воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных настоящим Кодексом. «Вменяемые, физические лица, достигшие возраста, установленного настоящим Кодексом, обязаны под угрозой

10

уголовной ответственности воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных Особой частью настоящего Кодекса как в качестве их исполнителей, так и в качестве соучастников.

Вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста, обладающие другими, специально предусмотренными соответствующими уголовно-правовыми нормами настоящего Кодекса свойствами или качествами, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса».

10. Критерием для определения круга лиц, обязанных воздерживаться от совершения преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, выступает видовой объект: деятельность по обеспечению органами предварительного расследования назначения уголовно-процессуального законодательства РФ.

11. В качестве лиц, обязанных воздерживаться от преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, могут выступать только дознаватель, следователь либо прокурор.

12. Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им: общественно опасному, непосредственно запрещенному настоящим Кодексом под угрозой уголовного наказания деянию, основанному на мотивах и целях, противоречащих общеправовому принципу справедливости и выливающаяся в предусмотренные законом формы и виды.

13. Вина лица, совершающего незаконное уголовно-процессуальное преследование, характеризуется только умыслом. Умысел предполагает, что сознательно-волевой аспект лица, совершающего незаконное преследование (возбуждение уголовного дела, задержание лица в качестве подозреваемого, проведение любых других следственных действий), основывается на незаконности уголовно-процессуального преследования. Она заключается в том, что уголовно-процессуальное преследование осуществляется вопреки назначению уголовного судопроизводства. Волевой момент при этом может характеризоваться желанием такого преследования, если реализация мотивов и целей непосредственно связана с совершением незаконного преследования.

И

В тех же случаях, когда мотивы и цели напрямую не связаны с таким деянием, имеет место допущение либо безразличное отношение лица к факту незаконного преследования.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в работе выводы направлены на развитие уголовно-правовой науки и могут быть использованы при дальнейшем исследовании проблем объекта преступления, уголовной ответственности, вины, в целом составов преступлений против правосудия.

Отдельные предложения и рекомендации направлены на развитие уголовного законодательства в части преступлений против правосудия и главным образом на совершенствование состава преступления, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Кроме того, выводы, предложения и рекомендации могут использоваться в судебно-следственной практике, подготовке учебников, учебно-методических пособий по уголовному праву. Они окажутся полезными в процессе преподавания курса уголовного права.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения

диссертационной работы обсуждены на заседаниях кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права СГАП и изложены в четырех опубликованных работах, а также в ряде выступлений автора на научно-практических конференциях (Уголовное, уголовно-процессуальное воздействие на лиц, совершивших преступление в учреждениях, исполняющих наказания: Учебное пособие. Саратов, 2001. — 4 п.л.; Уголовно-правовая охрана интересов правосудия от преступных посягательств и их предупреждение на федеральном и региональном уровнях // Разграничение полномочий по предметам совместного ведения между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления: Научно-практический семинар. Саратов, 2002. — С. 72-75; Объект состава преступления, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к

12

уголовной ответственности // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: Научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А.Н. Красикова. Саратов, 2003. — С. 70-72; Уголовно-правовые проблемы состава, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ-2002: Международная научно-практическая конференция. Челябинск, 2002. — С. 267-271).

Структура и объем диссертационного исследования определяются его целями и задачами. Работа состоит из введения, 3-х глав, включающих в себя 7 параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы.

13

Глава 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1.1. Уголовно-правовая теория и законодательная практика объекта состава преступления

Важность объекта в теории уголовного права, законодательной и судебной практики трудно переоценить. Исходя из объекта в теории уголовного права определяется сущность совершенного преступления¹, структурно формируется уголовное законодательство в части, предусматривающей уголовную ответственность за те или иные составы преступлений², устанавливается характер общественной опасности совершенного деяния и объем ответственности для лиц, их совершивших³.

Все это обязывает и законодателя, и исследователя проблем уголовного права, и естественно, правоприменителя иметь ясное представление о самом понятии «объект преступления», элементах и признаках, составляющих его содержание. Объект преступления — категория, которая активно начала разрабатываться с конца XVIII в.⁴ Казалось бы, прошло достаточно времени, чтобы достичь единства мнений среди ученых-юристов по данной проблеме, по крайней мере — основным ее аспектам. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что законодатель, видимо, для «себя» решил ее. Об этом свидетельствует тот факт, что действующий УК РФ, в частности, его Особенная

часть, дифференцирована по разделам и главам исходя из объекта преступления. Так, в науке уголовного права является достаточно устоявшимся суждение о том, что в основе формирования разделов Особенной части лежит объект родовой, а в основе создания ее глав — видовой объект преступле-

¹См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 8 и др.

²См.: *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 151.

³См.: *ЛесниееКУ-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 17.

⁴См.: *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. М., 2001. С. 1.

14

ния. Интересующий нас как объект и предмет исследования состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за заведомо невиновное привлечение лица к уголовной ответственности, находится в разд. X (Преступления против государственной власти), в гл. 31 (Преступления против правосудия). Исходя из этого допустим, что родовым объектом названного состава выступают отношения государственной власти, а видовым — отношения правосудия. Именно эти отношения явились для законодателя определяющими при формировании им названного раздела и главы. Вместе с тем содержание отношений, которые охраняются уголовным законом, многими авторами толкуются по-разному. В настоящее время данная проблема активно дискутируется в теории уголовного права и поэтому, прежде чем определиться с объектом состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица, следует уяснить, что представляет собой объект преступления вообще.

В течение практически всего периода существования советского государства в качестве объекта единодушно признавались охраняемые уголовным законом общественные отношения³. Серьезный вклад в формирование и развитие категории «общественные отношения» как объект преступления в уголовно-правовой науке внес А.А. Пионтковский. В известной мере он предпринял серьезную попытку обосновать идею общего объекта преступления в виде общественных отношений⁴. Однако, как это не покажется странным, но именно А.А. Пионтковский, признавая объектом преступления общественные отношения на общем и родовом уровнях, практически исключал

¹См.: *Игнатов А.Н., Красииков Ю.А.* Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2001. С. 127.

²См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красиикова. Саратов, 1999. С. 483.

³См.: *Красииков А.Н.* Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 49 и др.

⁴См.: *Пионтковский А.А.* Система Особенной части уголовного права // Советское право. 1926. № 2. С. 43-63; *Он же.* Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 2: Часть Общая. М., 1970. С. 119-120.

15

их из объекта непосредственного. По его мнению, непосредственным объектом

преступления могут выступать не общественные отношения, а имущество, физические лица, продукты, инвентарь и т.п.¹ Данная позиция была подвергнута серьезной критике². Отмечая всеобщее признание общественных отношений в качестве объекта преступления, уместно подчеркнуть, что многие из них наполняли эти общественные отношения «своим» содержанием. Например, Б.С. Никифоров составными частями охраняемых уголовным законом общественных отношений считал их участников, отношения между ними и необходимый порядок существования и функционирования общественных условий³. Я.М. Брайнин в состав понятия «общественные отношения» как объект преступления включал следующие элементы: субъекты или участники этих отношений, их действие или состояние по отношению друг к другу, охраняемые законом интересы субъектов общественного отношения и их материальное выражение в виде предметов, вещей или иных материальных ценностей⁴. Иного мнения на этот счет придерживается Е.К. Каиржанов, который полагает, что «изучение социалистических общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны возможно только через установление интереса, принадлежащего тому или иному социальному объекту-обществу, государству, тем или иным общественным или государственным учреждениям, предприятиям, организациям, коллективу, личности и т.д.»⁵.

По мнению В.К. Глистина, «объект уголовно-правовой охраны общественное отношение — это совокупность имманентных ему элементов-участников отношения, предмет (объект) отношения и связь между участни-

¹ См.: *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961. С. 132; Курс советско-уголовного права: В 6 т. Часть общая. М., 1970. Т. 2. С. 111, 116.

² См.: *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 163; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С.20-21 и др.

³ См.: *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 72, 132.

⁴ См.: *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 167.

⁵ *Каиржанов Е.К.* Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973. С. 52.

ками по поводу конкретного предмета»¹. Содержание общественных отношений как объекта преступления, по мнению Н.И. Коржанского — это обеспеченная «...социалистическим обществом субъектам социалистических общественных отношений возможность соответствующего интересам социалистического общества поведение его членов, групп, классов или их состояния»².

Б.С. Никифоров родовым объектом признавал охраняемые уголовным законом условия нормального функционирования отдельных установлений, а непосредственным — условия нормального функционирования социального установления³.

Изложенные относительно общественных отношений, выступающих в качестве объекта преступления, суждения ученых-юристов позволяют предположить, что общественные отношения — это некая форма существования объекта. Ее содержанием являются люди,

их состояние, взаимоотношения друг с другом и в целом возможность нормального функционирования и человека, и общества, и государства.

За весь период существования советского государства изложенное положение по вопросу объекта преступления сомнению практически не подвергалось. И лишь во второй половине 90-х годов XX в. известным теоретиком в области уголовно-правовой науки А.В. Наумовым было высказано сомнение относительно признания общественных отношений объектом преступления в таких составах, как убийства. «В советской юридической литературе объект преступления традиционно определяется как общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. При этом под общественными отношениями понимались отношения между людьми в процессе их совместной деятельности или общения, находящиеся под охраной правовых или моральных норм. Во многих случаях трактовка объекта преступления как определенных общественных отношений вполне

¹ Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 28.

² Коржанский НИ. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 43.

³ См.: Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 114-116.

17

справедлива, например, в случаях признания объектом преступления отношений собственности при краже, грабеже... Однако в ряде других случаев теория объекта преступления как общественного отношения «не срабатывает». Особенно это относится к преступлениям против личности, в первую очередь к убийству... В науке советского уголовного права принято было считать, что объектом убийства является жизнь человека не как таковая сама по себе, а именно в смысле совокупности общественных отношений... Очевидно, что такое понимание жизни человека как объекта убийства явно принижало абсолютную ценность человека как биологического существа, жизни вообще как биологического явления. Человек из самостоятельной абсолютной ценности превращался в носителя общественных отношений... В связи с этим теория объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не может быть признана универсальной теорией: Представляется возможным возвращение к теории объекта как правового блага...»¹.

А.В. Наумов был сторонником признания общественных отношений объектом преступления. Он продолжает оставаться на той же позиции, но это не касается всех составов преступления, а касается лишь некоторых из них, в частности преступлений против личности. Вместе с тем А.В. Наумов считает возможным признание в качестве объекта правовое благо.

Было бы несправедливым не сказать, что и в советский период были исследователи, которые, рассматривая преступления против жизни и здоровья, объектом считали не общественные отношения, а саму жизнь, само здоровье. Речь, в частности, идет о М.Д. Шаргородском, который не считал жизнь и здоровье общественными отношениями². Несколько иную позицию занимал В.Н. Кудрявцев, который писал, что «человек в нашем государстве ценен не только как носитель общественных отношений и производитель материальных благ... Между тем ряд преступлений посягает, в первую очередь,

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 147.

² См.: Шаргородский М.Д. Предмет и система уголовного права // Советское государство. 1941. № 4. С. 44; Он же. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 471.

на жизнь и телесное здоровье человека ... Во всех этих случаях правильно говорить о людях как одном из объектов... посягательств»¹.

Как уже отмечалось, с середины 90-х годов XX в. по данной проблеме в науке уголовного права начинается активная дискуссия. Еще до появления ныне действующего УК России А.А. Тер-Акопов отмечал, что при определении объектов, охраняемых уголовным законом, личность должна быть поставлена на первое место. Это, считает он, вызовет необходимость уточнить содержание общего объекта преступления, поскольку признание в этом качестве общественных отношений не обеспечивает современного понимания задач уголовного права². Основательной критике общественные отношения как объект преступления подвергли О.В. Корягина и И.Б. Степанова. По их мнению, категория «общественные отношения» есть не что иное, как совокупность обезличенных социальных связей, не имеющих никакой ценностной-нагрузки. Авторы считают объектом преступления сам общественно значимый интерес, характеризующийся позитивным содержанием³.

Серьезной критике объект — общественные отношения подверг А.Н. Красиков. По его мнению, данная концепция появилась в первые годы советской власти и разработчиком ее явился А.А. Пионтковской, который, полемизируя с Фр. Листом и И.Я. Фойницким, пришел к выводу о том, что «...понимание объекта преступления с позиции буржуазной теории уголовного права не может быть воспринято марксистской теорией уголовного права по следующим причинам:

- 1) упомянутые теории носят внеклассовый характер;
- 2) нормативная теория объекта преступления является, с методологической точки зрения, идеалистическим взглядом на объект преступления;

¹ Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 51-60.

² См.: Тер-Акопов А.А. Защита личности — принцип уголовного закона // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 52-53.

³ См.: Уголовный закон и преступление / Под ред. Э.С. Тенчева. Иваново, 1997. С. 54-59.

3) взгляд на объект преступления как на правовое благо, защищенный интерес является с методологической стороны вульгарно-материалистическим взглядом на объект преступлений»¹.

Эти и другие соображения А.А. Пионтковского, по мнению А.Н. Красикова, служат основанием для исключения общественных отношений из содержания объекта преступления. В конечном итоге А.Н. Красиков сформулировал вывод о том, что «уголовное право призвано охранять определенную совокупность благ (части общего

блага), которая и является объектом преступления. Определенная часть благ, взятая уголовным законом под охрану, — продолжает он, — становится правовыми благами»².

Оригинальную позицию по вопросу об объекте преступления представил Г.П. Новоселов. Критически осмысливая позиции ученых, рассматривающих в качестве объекта преступления общественные отношения, он отмечает: «Если вникнуть в логику рассуждения авторов, усматривающих в объекте преступления общественные отношения, то нетрудно обнаружить в объекте две исходные ссылки: а) объектом преступления должно признаваться то, чему преступление причиняет вред или создает угрозу его причинения. Такое явление, которому не может быть причинен ущерб, не нуждается в уголовно-правовой охране; б) любое преступление наносит или создает угрозу причинения вреда именно общественным отношениям, а не чему-либо иному (нормам права, правовому благу, имуществу и т.д.)... Не оспаривая положений, согласно которым состав преступления включает в себя в качестве самостоятельных составных частей объект, субъект, объективную... и субъективную сторону посягательства, с одной стороны, и характеризуя объект преступления как общественные отношения, посягательство на которые осуществляется внутри, — с другой, сторонники такой точки зрения обычно не замечают возникающего логического противоречия, связанного с понятием субъекта преступления. В учении о составе преступления его объект и

¹ Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 50-53.

² Там же. С. 69.

субъект выступают как самостоятельные элементы, пусть даже и неразрывно связанные друг с другом. В учении же об объекте преступления субъект признается участником общественного отношения, на которое он посягает изнутри, и, стало быть, играет роль уже элемента не состава преступления, а общественного отношения, то есть объекта преступления. То же происходит и с деянием (действием). В итоге в теории состава преступления субъект и совершаемое им деяние не поглощаются объектом, в то время как в концепции «объект преступления есть общественные отношения» они оказываются его внутренним образованием. Именно это соображение позволяет утверждать, что объектом любого преступления, а не только направленного против личности, выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других — как некоторого множества лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в третьих — как социум (общество)¹».

Представленные позиции относительно объекта преступления позволяют вычленил следующие их виды: объект как общественное отношение; объект как интерес, не связанный с общественным отношением; объект как правовое благо или благо вообще; объект как люди: физические, юридические, общество.

Рассмотрим каждую из представленных позиций, поскольку без их критического осмысления отдать предпочтение какой-либо из них, по вполне понятным соображениям, не представляется возможным.

Концепция Г.П. Новоселова, обосновывающего в качестве объекта людей как физических, так и юридических и общество в целом, в юридической литературе не раз подверглась основательной критике. Например, А.В. Пашковская отмечает, что «такое понимание объекта преступления противоречит как позиции законодателя, так и обыкновению

здоровому смыслу.

¹ Г.П. Новоселов не видел разницы *между* сторонниками, рассматривающими в качестве объекта общественные отношения, правовое благо, интерес, норму права (Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические объекты. М., 2001. С. 29,39,53-60).

21

Подобная трактовка как бы меняет местами объект и предмет преступления, необоснованно примешивая сюда и категорию потерпевшего; при этом субъект — всегда лицо или множество лиц, предмет — определенные материальные или нематериальные ценности этих лиц. Помимо того, что не совсем ясен смысл такой «рокировки», данная позиция не отвечает главному требованию понятия объекта преступления — определению того, чему именно причиняется или может быть причинен вред в результате преступного посягательства. При таком подходе невозможно разграничить отдельные преступления между собой: так, например, и диверсия, и терроризм совершаются против множества лиц, следовательно, разграничить эти преступления можно только по «предмету» (согласно данной трактовке) — тем ценностям, которым причиняется вред. Именно эти ценности и должны признаваться объектом преступления...»¹.

Как видно, «ущербность» суждения Т.П. Новоселова об объекте преступления заключается в том, что она противоречит законодательству, здравому смыслу и невозможности разграничения отдельных составов преступлений. Что касается здравого смысла, то этот критерий вряд ли может быть взят на вооружение для решения столь «тонкого» вопроса, каковым является объект преступления. Есть определенные основания полагать, что все авторы, предложившие свое понимание объекта преступления, руководствовались здравым смыслом. Отсюда следует, что для каждого или, по крайней мере, для многих людей существует «свое» восприятие категории «здравый смысл». Достаточно сильный, по нашему мнению, аргумент А.В. Пашковской заключается в том, что позиция Г.П. Новоселова противоречит законодательству. Так ли это? Обратимся к законодательству УК РФ. Общеизвестно, что законодатель говорит об объекте преступления в ст. 2 (Задачи Уголовного Кодекса Российской Федерации) Общей части, а также в шести разделах Особенной части УК РФ. Свою позицию по объекту преступления

¹ Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. Т. I. С. 199-200.

22

законодатель представил и в наименованиях глав Особенной части УК РФ. Необходимо подчеркнуть, что ни в одном из разделов, ни в одной из глав законодатель не выделяет людей в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Он говорит о жизни и здоровье (гл. 16), о свободе, чести и достоинстве личности (гл. 17), о конституционных правах и свободах человека и гражданина (гл. 19), о половой неприкосновенности и половой свободе личности (гл. 18), о семье и несовершеннолетних (гл. 20) и т.д.

Так, в ст. 2 УК РФ законодатель дает перечень объектов, которые охраняются уголовным законодательством. Это права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, обеспечение мира и безопасности человечества. Изложенный перечень объектов уголовно-правовой охраны, как видим, не содержит объекта, который; бы именовался словом «люди». В то же время ясно и другое:

все перечисленные виды объектов непосредственно или опосредованно связаны с интересами людей. Однако при этом имеются в виду не люди непосредственно, а разные аспекты их интересов: жизнь — один аспект; здоровье — другой аспект физического лица. Кроме того, следует говорить об аспектах менее или более* отдаленных от этого лица. Например, собственность — это не жизнь и не здоровье, это не то, без чего человек как личность может не состояться, хотя при этом может оставаться человеком.

Что касается Особенной части, то сказанное подтверждает мнение А.П. Пашковской относительно несоответствия позиции Г.П. Новоселова законодательству. А может ли законодатель рассматривать людей в качестве объектов уголовно-правовой охраны, как это вытекает из позиции Г.П. Новоселова? Полагаем, что нет, не может. Если рассматривать в качестве объекта уголовно-правовой охраны человека или общество в целом, тогда не понятно, что будет охранять закон? Жизнь, здоровье, половую свободу, половую неприкосновенность, права и свободы и т. д.? При таком понимании объекта преступления формировать разделы, главы Особенной части, конструировать

23

отдельные уголовно-правовые нормы, исходя из объекта уголовно-правовой охраны, будет просто невозможно¹.

Рассуждения о позиции *Т.П.* Новоселова, связывающего человека с объектом преступления, дают основание для следующего вывода: признание людей объектом преступления не согласовывается с действующим уголовным законодательством России и не позволяет оперировать им для формирования разделов, глав Особенной части УК РФ, проводить ограничение одних составов преступлений от других. Такое суждение ставит под большое сомнение возможность деления объекта преступления по вертикали на общий, родовой, видовой и непосредственный. Данная дифференциация глубоко устоялась в теории уголовного права, соответствует его природе и логике, позволяет законодателю образовывать систему уголовного законодательства, совершенствовать ее, а правоприменителю — эффективно реализовывать данное законодательство. Кроме того, она способствует успешному постижению науки уголовного права.

Рассмотрим другое мнение, признающее объектом преступления правовое благо. Прежде всего следует отметить, что действующее законодательство ни в Общей части, ни в Особенной — не использует категорию «благо», или «правовое^ благо». Какова семантика этого слова? Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона определяют слово «благо» как «добро, что может служить предметом удовлетворения человеческих потребностей; стремление его чувственности или духа. Отсюда различают: 1) благо — материальное достижение, которое доставляет человеку удовольствие, чувственное наслаждение; 2) благо духовное и нравственное: познание истины и красоты, исполнение долга, свобода духа².

¹ См.: Российское уголовное право: Курс лекций. Т. I: Преступление / Под ред. А.И. Коробеева Владивосток, 1999. С. 305; Курс советского уголовного права Часть Общая.

Т. I. С. 291; *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право РФ. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 70-72; *Фролов Е.А.* Спорные вопросы учения об объекте преступления // Сб. ученых трудов. Свердловск, 1968. Вып. 10. С. 203-204 и др.

² См.: Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания:

В.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. М., 1997. Т. I. С. 450-451. Близкое толкование анализируемого понятия см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I. С. 90; *Ожегов СИ., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 47.

24

Представленное понимание содержания слова «благо» означает добро, которое может быть материальным, духовным, нравственным и экономическим. И в этом смысле добро в плане материальном, экономическом характеризуется физическими свойствами, а добро духовное, нравственное, как представляется, может обладать физическими свойствами: размер, вес, цвет, состояние и т. д., а может и не обладать ими. Аналогичное понимание анализируемой категории имело место и в дореволюционной теории уголовного права. В частности, известный в царской России профессор уголовного права СВ. Познышев под правовыми благами понимал конкретные вещи, отношения, состояния лиц и вещей¹, то есть, благо, по его мнению, это некое, объективно существующее явление, не зависящее от оценок других людей. Именно на таком понимании блага настаивал СВ. Познышев, когда, полемизируя со сторонниками, признающими в качестве объекта преступления интерес, отмечал, что интерес не может быть нарушен иначе, как посредством посягательства на благо, с которым этот интерес связан и которое является настоящим объектом посягательства. Нарушение интереса и может состоять только в том или ином повреждении или поставлении в опасность этого «блага»².

Наиболее последовательным сторонником придания этой дореволюционной уголовно-правовой категории «второй жизни» являлся А.Н. Красиков. На наш взгляд, он не сумел доказать, почему объектом выступает не просто благо, а благо правовое. Автор в этой связи просто отмечает, что «... уголовное право призвано охранять определенную совокупность благ которая и является объектом преступления. Определенная часть благ, взятая уголовным законом под охрану, становится правовыми благами» .

Таким образом, сам факт «взятия» под охрану уголовного закона того или иного блага переводит его в правовое. Это означает, что если явление не

¹ См.: *Познышев СВ.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 133.

² См.: Там же. С. 133.

³ См.: *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875; *Он же.* Цель в праве. СПб., 1881; *Он же.* Борьба за право. СПб., 1895.

25

охраняется уголовным законом, то оно остается благом, если оно становится под его охрану, тогда благо переходит в другое качество — правовое. В этой связи и возникает вопрос, чем объяснить переход блага обычного в благо правовое?

Можно предположить, что если благо рассматривать как объект, то есть как объективную категорию, то такой переход невозможен. Сам факт поставления блага под уголовно-правовую охрану должен свидетельствовать о том, что оно достаточно важно, ценно для личности, общества и государства так как обеспечивает их позитивные интересы и в этом смысле не нуждается в придании ему другого качества. Это позволяет утверждать, что нет

каких-либо оснований для перевода блага обычного в благо необычное, то есть правовое. Относительно содержательного аспекта перехода блага простого в благо правовое правомерно говорить о том, что такого рода переход кардинально меняет содержание рассматриваемой категории. Когда речь идет о благе вообще, подразумевается все то, что позитивно удовлетворяет потребности личности, общества и государства. Однако при этом в качестве такового (блага) выступают объективно существующие ценности, источником происхождения которых выступает сама природа, деятельность человека. Правовое благо предполагает ценности, порождаемые самим правом. О каких ценностях можно говорить применительно к праву уголовному? Наверное, о тех задачах, которые решаются посредством такого блага, как благо уголовно-правовое — это охрана соответствующих интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, предупреждение новых преступлений. Отсюда следует вывод: правовое благо применительно к уголовному праву есть не что иное, как само уголовное право. Следовательно, объектом уголовного права как отрасли права, исходя из представленного рассуждения о правовом благе, может выступать само уголовное право, с чем согласиться, по вполне понятным причинам, не представляется возможным. Можно ли

26

жизнь человека, его здоровье, честь, достоинство, половую неприкосновенность или половую свободу рассматривать как правовое благо? Полагаем, что можно, но не более, чем благо вообще. Они возникли не в силу деятельности человека, а являются его органическими свойствами, ценностями не потому, что удовлетворяют эти ценности сами по себе, независимо от того, удовлетворяют они кого-либо или что-либо. Благом следует считать обеспечение сохранности перечисленных интересов, в том числе и посредством уголовного законодательства. Только в этом смысле уголовное законодательство — правовое благо. Ситуация не меняется, если вести разговор о собственности, государственной власти, интересах правосудия, порядке управления. В известном смысле перечисленные ценности, с точки зрения их происхождения, имеют и правовой (но не только) аспект, но только не уголовно-правовой. Они, даже в части тех из них, которые поставлены под уголовно-правовую охрану, являются не только ценностями правового порядка, но и ценностями экономическими, социальными, организационными, идеологическими и т.д.

Таким образом, анализ позиции сторонников признания в качестве объекта преступления правового блага приводит к выводу о том, что при нынешнем варианте разработки этой проблемы соглашаться с ее обоснованностью преждевременно как в части уголовно-правовой доктрины, так и в части самого уголовного законодательства.

Следующая точка зрения связана с признанием в качестве объекта преступления интереса. Категория «интерес» наиболее основательно рассмотрена немецким юристом Р. Иерингом¹. Довольно обстоятельно она исследована и российскими учеными, главным образом учеными-юристами общей теории права. «Интерес» — понятие многоплановое. Его исследованием занимались

¹ См.: *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития; *Он же.* Цель в праве; *Он же.* Борьба за право.

27

и философы, и социологи, и юристы. Возникает вопрос: какова семантика этого слова? Интерес — это реальная причина социального действия, стоящая за непосредственными побуждениями-мотивами, помыслами, идеями, намерениями⁴. Интерес — это: 1) внимание, любопытство, проявляемое к кому-, чему-либо, преимущественная направленность мысли на какой-либо объект...; 2) то, что составляет преимущественное содержание мыслей, речи, забот кого-либо...; 3) прибыль, выгода...; 4) то, что составляет благо кого-, чего-либо, служит на пользу кому-, чему-либо; нужды, потребности⁵. Таким образом, категория «интерес» — это не сам объект, его материальное выражение, а, скорее, потребность человека или множества людей в ней. С.Л. Рубинштейн прямо отмечал, что «когда в силу тех или иных обстоятельств, что-либо приобретает некоторую значимость для человека, оно может вызвать у него интерес — специфическую направленность на него личности»⁶. Это означает, когда мы говорим об интересе, то имеем в виду не свойство, признак и, тем более, не сам материальный объект, а отношение лица или лиц к нему. Можно предположить, что интерес — это то, что в определенной мере формирует мотив последующего поведения; в отличие от объекта преступления • интерес — фактор в большей мере субъективный, в то время как объект относится к разряду объективных. Чтобы убедиться в этом достаточно проанализировать общий объект преступления, представленный законодателем в ч. 1 ст. 2 (Задачи Уголовного Кодекса РФ) УК РФ. В качестве объектов законодатель называет следующие: права и свободы человека и гражданина, соб-

См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1997. Т. 3. С. 320-321; Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1953. Т. 2. С. 830-831.

См.: Чинакоева Л.И. Интерес как движущая сила развития общества. Красноярск. 1966. Она же. Общественные интересы и личность. Свердловск, 1967; Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986.

³ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987; Малько А.В., Кучинский В.А. Законные интересы личности: Конституции правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М., 1982. С. 86.

⁴ См.: Энциклопедический словарь. М., 1989. С. 219.

⁵ См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 472.

⁶ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 529.

28

ственность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации. Можно ли перечисленные объекты рассматривать в качестве интересов? Безусловно, можно. Они, на самом деле, представляют интерес для личности, в том числе преступника, общества и государства. Именно потому, что названные объекты представляют интерес, они поставлены под уголовно-правовую охрану. Наполнены одним и тем же содержанием названные объекты и интерес или, говоря другими словами, тождественна по своему содержанию категория «интерес» перечисленным видам объектов? Считаем, что нет, не тождественна. Права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ есть не что иное, как объективные реалии, существующие независимо от того, представляют они для какого-либо или чего-либо интерес или не представляют. Скажем, права и свободы человека и гражданина являются, во-первых, свойствами самого человека

и гражданина, во-вторых, они определяют содержательный аспект прав и свобод. Что же касается интереса, то это некое проявление чувств, сознания по поводу тех же прав и свобод или других объективных реалий, которое может быть связано и с объектом преступления, но может быть и не связано с ним. М.Д. Шаргородский писал: «Потребности вызывают у субъекта определенные интересы, которые побуждают его к деятельности. Стремясь к удовлетворению своих потребностей и направляя свою деятельность, исходя из правильно или неправильно осознанных интересов, субъект может действовать в интересах ... общества ... не вступая с ним в противоречие, но в то же время он может действовать и считаясь с интересами ... общества. Потребности и интересы порождают цели человеческого поведения, они вызывают у субъекта определенные чувства и эмоции»¹.

¹ Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 32; см. также: Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 11.

29

В литературе, по мнению автора настоящего исследования, обоснованно проводится отличие между интересом и объектом посягательства, которое лежит в плоскости объективного (объект преступления) и субъективного (интерес). В этой связи В.К. Глистин справедливо отмечает: «Непосредственно посягнуть на «интерес», как и на право или правовое «благо», невозможно. Механизм причинения вреда всегда связан с воздействием преступника на какие-либо элементы общественного отношения: на его субъект, на его деятельность или предмет отношения. Интерес же нарушается лишь через посредство разрушения охраняемого отношения либо через создание противоречащего интересам общества отношения... Интересам наносится ущерб только тогда и поскольку, изменяется и терпит ущерб субстанциональная их основа — конкретные, охраняемые нормой общественные отношения»¹.

Данная точка зрения в нашем случае важна, не в связи с тем, что А.К. Глистин настаивает на объекте, характеризующемся общественными отношениями, а в связи с тем, что интерес именно как субъективная категория не может выступать в качестве объекта преступления. Еще раньше эту мысль высказал С.В. Познышев, который отмечал, что интерес не может выступать в качестве объекта преступления, так как не может быть нарушен иначе, как посредством посягательства на то благо, с которым этот интерес связан и которое является настоящим объектом преступления². Позиция С.В. Познышева еще раз подтверждает мысль о том, что интерес не может выступать в качестве объекта преступления.

Не менее важным в этом плане является то, что на законодательном уровне реализовать точку зрения, в соответствии с которой интерес выступает объектом преступления, вряд ли возможно. Например, как это можно сделать применительно к ч. 1 ст. 2 УК РФ, в которой законодатель дает перечень

¹ Глистин В.К. Указ. соч. С. 82.

² См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 133.

видов объектов преступлений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств? Если в этой части разместить слово «интерес», то может получиться следующая формула: «1. Задачами настоящего Кодекса является охрана: интересов человека и гражданина в части прав и свобод, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств ...». Сити-листически категория «интерес» в данный контекст вроде бы вписалось. По смыслу же получается, что в этой ситуации уголовный закон точно так же, как и при общественных отношениях, охраняет не сами права и свободы человека и гражданина, не саму собственность, а интересы, то есть не нечто объективное, а определенно субъективное. Еще сложнее это сделать в части определения разделов и глав Особенной части УК РФ. Так, скажем, если категорию «интерес» включить в наименование разд. 7, он будет звучать так.: Преступления против интересов личности. В принципе такая формулировка вполне возможна, она в общем-то не очень меняет смысл нынешнего ее варианта, который, по нашему мнению, не очень удачен, главным образом, потому, что акцент законодателя переносится с факторов объективных (жизни, здоровья и т.д.) на неизвестно какие отношения. Включение в рассматриваемое понятие еще и категории «интерес» в большей степени субъективизирует объект преступления, что, по вышеизложенным соображениям, вряд ли правомерно.

Когда мы говорим о рассмотрении категории «интерес» в качестве объекта преступления, следует помнить, что реализация данной точки зрения потребует не только изменения наименования разделов и глав Особенной части и реконструирования соответствующим образом норм Особенной части и отдельных положений Общей частей УК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что нынешнее законодательство в ряде случаев, говоря об объекте преступления, оперирует понятием «интерес», что, в известной мере, наводит на мысль о реализации законодателем анализируемой точки зрения. Диссертант, в частности, имеет в виду нормы Общей части УК РФ, регламентирующие ряд обстоятельств, исключающих преступ-

31

ность деяния: крайняя необходимость (ст. 39); физическое или психическое принуждение (ст. 40); обоснованный риск (ст. 41); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42). Во всех перечисленных нормах (в первой части), употребляется следующая фраза: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам». Таким образом, получается, что вред во всех этих случаях причиняется не объективной субстанции, а субъективному фактору, интересам. Согласиться с этим объектом, как представляется, нет каких-либо оснований. Полагаем, что данные законодательные положения противоречат позиции закона в части определения общего родового и видового объектов и нуждаются в изменении. Один из вариантов такого рода изменений можно было бы представить в следующей примерной редакции: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам». Представленную формулировку следует: разместить в ст. 39 (Крайняя необходимость), 40 (Физическое или психическое принуждение), 41 (Особенный риск), 42 (Исполнение приказа или распоряжения) УК РФ, где слово «интересам» необходимо заменить на слово «объектам».

Изложенные позиции по вопросу «интерес как объект преступления» позволяют сделать следующие выводы:

1. Интерес, в отличие от объекта, является категорией субъективной и причинить ему ущерб невозможно. Ущерб, или вред, возможно причинить только объекту преступления и только через объект преступления можно посягнуть на интерес.

2. Интересу причинить вред нельзя, интерес может быть или удовлетворен, или неудовлетворен. В этом смысле он аналогичен мотиву преступления, который не терпит ущерба, если он не реализован: он либо реализован (удовлетворен), либо не реализован (неудовлетворен).

3. Такой объект не может быть внедрен в уголовное законодательство без изменения его логики, по крайней мере, нынешней.

32

4. В той части, в какой действующее уголовное законодательство уже оперирует категорией «интерес» (ст. 39⁴²), целесообразно внести соответствующие изменения, вариант которых диссертантом представлен.

Последний вариант из ряда уже рассмотренных, связанный с объектом преступления, содержанием которого выступают общественные отношения.

Как уже говорилось, вариант «объект преступления — общественные отношения» на сегодняшний день наиболее распространен в теории уголовного права и отчасти законодательной практике. В значительной мере это объясняется длительным временем (более 80 лет) существования данной теории. Сам факт столь длительной «жизни» рассматриваемой теории объекта преступления, с одной стороны, как бы подтверждает ее основательность. Ведь за столь длительный период времени можно было бы подвергнуть сомнению, если не всю теорию объекта, то хотя бы какую-то ее часть. Однако этого не произошло, несмотря на то обстоятельство, что по проблеме объекта преступления было защищено шесть диссертаций только на соискание ученой степени доктора юридических наук¹. Тем не менее следует иметь в виду, что общественные отношения, выступающие объектом преступления, жестко увязывались с классовой природой самого государства. В ст. 2 руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. прямо отмечалось, что уголовное право включает в себя правовые нормы, другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). При этом не упускались присущие советскому государству обстоятельства, не только не стимулирующие научную мысль, но и откровенно тормозящие ее. Многие ученые откровенно побаивались ставить под сомнение сформировавшееся положение о том, что объектом преступления выступают именно общественные отношения. И тем не менее вряд ли подлежит сомнению вывод о развитии данного уголовно-правового положения.

¹ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 58.

33

Как известно, ни философы, ни социологи даже не ставили вопрос о структурировании общественных отношений. Впервые эта проблема на уровне монографического исследования была поставлена М.Н. Перфильевым¹, в то время как ученые-юристы в области уголовного права предпринимали серьезные попытки наполнить общественные

отношения конкретным содержанием. Как отмечал Б.С. Никифоров, содержанием, или «ядром общественных отношений выступают условия нормального функционирования общественного отношения». По мнению же Е.К. Каиржанова, общественные отношения как объект преступления проявляют себя через интерес. Именно интерес в его теории объекта преступления составляет суть общественного отношения. Другой крупный специалист в области теории объекта преступления Н.И. Коржанский полагал, что сущностью охраняемых уголовным законом общественных отношений выступает социальная связь как определенное отношение между людьми⁴. Иначе предлагал определять содержание общественных отношений как объекта преступления В.К. Глистин. Он, в частности, отмечал, что «правонарушитель, посягающий на существующие социальные отношения, сам, как правило, является носителем (субъектом) с другим лицом посредством деяния, названного в законе преступлением, имеет общественно значимый (социальный) характер и это конкретное отношение не может быть ничем иным, как общественным отношением»⁵.

Представленные варианты содержания общественных отношений показывают, что независимо от авторского видения решения данного вопроса, все специалисты сходятся в том, что вред или ущерб причиняется все-таки

¹ См.: *Перфильев М.Н.* Общественные отношения: методологические и социологические проблемы. М., 1974. С. 116, 118.

² *Никифоров Б.С.* Указ. соч. С. 127.

³ См.: *Каиржанов Е.К.* Указ. соч. С. 41-74.

⁴ См.: *Коржанский Н.И.* Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. Волгоград, 1976. С. 13.

⁵ *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. С. 29.

общественным отношениям. С этим можно согласиться, уточнив некоторые моменты: 1. Общественные отношения сами по себе вреда или ущерба терпеть не могут. 2. Общественные отношения существуют не сами по себе, а применительно к каким-либо ценностям, являющимися физическими субстратами: человек, его жизнь, здоровье, в определенной мере его честь и достоинство, имущество, деятельность по достижению определенного результата и т.д. 3. Причиняя вред этим физическим явлениям, правонарушитель причиняет вред общественным отношениям, возникающим и существующим благодаря названным физическим явлениям. Одним словом, вред причиняется не самим общественным отношениям, а их носителям, по поводу которых и возникают общественные отношения. Однако носители общественных отношений — это, как уже отмечалось, субстанция физическая, которую в теории уголовного права принято именовать предметом преступления. В нашем понимании именно предмет и его взаимосвязь с отношениями, которые им порождены, и составляют суть объекта.

1.2. Предмет преступления и его связь с объектом уголовно-правовой охраны

Вопрос о предмете преступления в теории уголовного права, пожалуй, исследован в значительно меньшей степени, нежели объект преступления и освещается он лишь в одном учебном пособии¹. Категорией «предмет преступления» законодатель не оперирует,

впрочем, не делает он этого и применительно к категории «объект преступления». Что же представляет собой предмет преступления в теории уголовного права? По этому поводу единство мнений отсутствует. В частности, В.Н. Кудрявцев таким образом определяет предмет преступления: «Вещь или процесс, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения или закрепления конкретно-

¹ См.: *Коржанский Н.И.* Предмет преступления. Волгоград, 1976.

35

го...общественного отношения и подвергающиеся непосредственному воздействию со стороны преступника при посягательстве на это отношение»¹.

Исходя из определения предмета преступления, данного В.Н. Кудрявцевым, можно вычленить главные признаки, его образующие. К ним автор относит: вещь, процесс, которые выступают условием существования конкретного общественного отношения, и которые терпят ущерб при посягательстве на предмет. Когда речь идет о вещи как о предмете преступления, то вроде бы понятно, что имеет в виду автор. Такой ясности нет применительно к процессу, который также отнесен им к предмету преступления. В этом случае понять мысль автора сложнее, поскольку не определяются физические параметры данного процесса. Как представляется, зафиксировать его физическое существование, если он не очерчен определенными рамками, границами, практически невозможно, а поэтому, по мнению диссертанта, такой процесс не может выступать предметом преступления. В.Н. Кудрявцев не относит к предмету человека, природные физические субстанции, как-то землю, полезные ископаемые, рыбу и в целом окружающую природную среду. Автор считает, что воздействие, причем непосредственное, осуществляется на общественные отношения посредством посягательства на этот предмет. Отсюда не совсем понятно, на что прежде всего воздействует преступник: на предмет или на общественное отношение? А это, на наш взгляд, достаточно важный фактор. И, наконец, из определения трудно понять, в каком соотношении друг с другом находятся объект преступления и предмет преступления.

Несколько иначе формулирует определение предмета преступления Н.А. Беляев. По его мнению, это не предмет преступления, а предмет посягательства — «элемент объекта посягательства, воздействуя на который, преступник нарушает или пытается нарушить общественные отношения». Из определения видно, что предмет посягательства является элементом и до-

¹ *Кудрявцев В.Н.* К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 57; см. также: *Кригер ГЛ.* К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник МГУ. 1955. № 1. С. 123.

² Курс советского уголовного права Часть общая / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. I. С. 303.

36

пустим вывод, согласно которому предмет составляет содержание объекта. Посягательство связано с воздействием на предмет. Такое воздействие автор увязывает с нарушением или попыткой нарушения общественных отношений. В соответствии с приведенным определением предмет посягательства находится в тесной связи с объектом посягательства. Будучи элементом предмет, видимо, выступает содержательным аспектом

объекта, без которого объект состояться не может. В то же время автор, оперируя понятием «элемент», оставляет открытым вопрос: что включает в себя этот элемент, чтобы достичь свойства предмета посягательства? По мнению Н.А. Беляева, элементами общественного отношения, то есть его предметами, выступают «субъекты отношений, их деятельность, материальные вещи. Предметом посягательства может быть и сам преступник, если он является субъектом общественного отношения, например, при уклонении от призыва на действительную военную службу, посредством причинения себе повреждения...»¹.

Таким образом, по А.Н. Беляеву, содержание предмета включает в себя субъектов отношений. Видимо, автор имеет в виду людей, их деятельность, материальные вещи и даже самого преступника.

Полагаем, что преступник не может выступать в качестве предмета посягательства и вовсе не потому, что не может быть носителем общественных отношений. По нашему мнению, он вполне может быть и является их носителем. Преступник, даже воздействуя на самого себя, с позиции совершаемого преступления, причиняет преступный вред не себе, иначе он должен будет признан потерпевшим, а другим отношениям. Исходя из примера Н.А. Беляева, вред причиняется отношениям, регламентирующим порядок исполнения гражданами своих конституционных (взятых под охрану уголовного закона) обязанностей.

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 304.

И, наконец, последнее. С учетом авторского определения предмета посягательства видно, что вред причиняется не предмету, а общественным отношениям. Предмет — это лишь элемент воздействия, но не более.

Интересное суждение относительно предмета преступления высказано А.В. Наумовым: «От объекта преступления необходимо отличать предмет преступления. В качестве него выступают материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект... Предмет преступления имеется не в каждом преступлении, а только в тех, в которых ... преступное посягательство на объект преступления осуществляется через непосредственное воздействие на материальные предметы внешнего мира. Например, не имеют предмета преступления такие преступления, как изнасилование, оскорбление, дезертирство»¹.

Сказанное позволяет предположить, что автор не связывает объект преступления и предмет преступления. Они, если и соотносятся друг с другом, то не как целое и часть. Это подтверждается и тем, что вполне могут быть преступления, не имеющие своего предмета, хотя объект при этом, конечно же, присутствует. А.В. Наумов в качестве предмета рассматривает только материальные предметы внешнего мира. Кроме того, он определяет, что посягательство на объект осуществляется через непосредственное воздействие на предмет преступления. Отсюда вполне логичен вопрос: на что воздействует преступник, чтобы посягнуть на объект, если там нет предмета преступления? Сформулированный вопрос совершенно уместен, поскольку большинство составов преступлений Особенной части УК РФ не содержат в качестве элемента преступного воздействия на него материальные предметы. О некоторых из них говорил сам автор. Исходя из понимания им предмета преступления, дать ответ на этот вопрос не

представляется возможным. Но без ответа на него невозможно понять механизм воздействия на охраняемые уголовным законом отношения.

¹ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.В. Наумова. М., 1994. С. 86-87.

38

Значительно иначе определяет предмет преступления Н.И. Коржанский. Он полагает, что предмет преступления — это «материальная вещь, в которой проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений, путем психического или физического воздействия на которую причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений»¹. Данное определение содержит следующие признаки: 1) предмет выступает в качестве физической вещи; 2) предметом могут выступать только те материальные вещи, в которых проявляются определенные стороны или свойства общественных отношений; 3) вред причиняется в сфере общественных отношений, которые выступают либо стороной, либо свойством, исходящим от материальной вещи, и наступает посредством воздействия (психического или физического) на материальную вещь, то есть предмет преступления.

Проанализируем все названные признаки с целью правовой оценки понятия предмета преступления, данного Н.И. Коржанским. Автор в качестве предмета рассматривает материальную вещь. Какова семантика понятия вещь? В толковом словаре дается четыре варианта: *Вещь* «1. Всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности)... 2. Явление действительности, факт, проявление или результат какой-либо деятельности, дело... 3. Произведение литературы, искусства, науки... 4. Нечто, что-то (может быть, скажем, сердце, болезнь, небо. — *А.Л.*)... 5. Предметы, явления объективного мира, существующие вне нашего сознания»².

Представленное толкование категории «вещь» свидетельствует о ее широком диапазоне. В то же время в нее не включаются люди, что дает определенное основание для предположения: люди не являются частью категории «вещь», не рассматриваются автором как предмет преступления. Вторым признаком, который использован автором при формулировании понятия предмета преступления — это то, что в нем (предмете) проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений.

¹ *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1981. С. 19.

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985. Т. I. С. 160-161.

39

В философской литературе отмечается, что материальные вещи характеризуются определенными свойствами¹, исходя из чего Н.И. Коржанский делает вывод о насыщенности этих свойств общественными отношениями. Именно потому, по его мнению, материальная вещь неотделима от общественных отношений, точно так же, как и общественные отношения не отделимы от «материального объекта», в котором они проявляются². Полагаем, что данный признак предмета исключительно важен в силу того обстоятельства, что без предмета нет преступления, а преступление предполагает на уровне аксиомы «свой» предмет. На самом деле, как можно говорить об общественных отношениях, если нет материальной вещи, которая их внутренне отражает? Для этого нет никаких оснований, по крайней мере, в интерпретации Н.И. Коржанского. Отсюда очевиден вывод об обязательной предметности всех преступлений. Третий признак — это

вред. Он причиняется в сфере общественных отношений, которые выступают стороной или свойством материальной вещи. Не совсем ясно относительно причинения вреда в «сфере общественных отношений». Исходя из данной фразы (сфера общественных отношений) видится два возможных варианта причинения вреда: 1) вред причиняется непосредственно общественным отношениям, потому что именно они составляют эту сферу; 2) вред причиняется чему-то другому, что находится в одной сфере с общественными отношениями. Далее автор, говоря о воздействии на предмет преступления, акцентирует внимание на том, что вред все-таки причиняется в сфере общественных отношений. Тем не менее он же пишет: «Преступное воздействие на предметы преступления заключается в: а) изменении социального статуса или хозяйственно-экономического

¹ Автор относит человека к предмету преступления. По его мнению, «биологическое в человеке — это предмет преступления, а социальная личность - объект» (см.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 20.

² См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. С. 19.

40

назначения предмета вещи; б) изменении физических свойств предмета; в) изменении вида предмета; г) изготовлении предмета, вещи»¹.

Отсюда сам собой напрашивается вывод о том, что вред причиняется предмету преступления, то есть воздействие применительно к предмету преступления как бы завершается преступным результатом. Кроме того, вред, как об этом пишет Н.И. Коржанский, причиняется в сфере общественных отношений. Он, в частности, полагает, что преступное изменение общественных отношений либо их ликвидация путем разрыва социальной связи проявляется в виде: а) невыполнения субъектом отношения лежащей на нем социальной обязанности (преступное бездействие); б) исключения субъектом отношения себя из данной системы общественных отношений (неправомерное изменение своего социального статуса); в) издания должностным лицом неправомерного акта (приказа об увольнении, постановления об аресте и т.п.).

При такой ситуации можно предположить, что и предмету, и субъекту преступления вред причиняется одновременно. Точнее, причиняя вред предмету, преступник тем самым причиняет вред общественным отношениям, поскольку именно они являются стороной, свойством предмета, в качестве которого выступает материальная вещь. Данное обстоятельство рассматривается нами в качестве третьего признака, вытекающего из определения предмета преступления.

Исходя из изложенного по вопросу предмета преступления в работе Н.И. Коржанского, можно сделать ряд выводов относительно соотношения предмета преступления и его объекта. С учетом взаимодействия предмета и объекта преступления в части причинения вреда второму (объекту преступления) через причинение вреда первому (предмету преступления) невозможно существование одного, в частности объекта преступления, точнее, общественных отношений, без другого, в частности материальной вещи. Общественные отношения и предмет преступления составляют единое целое, кото-

¹ *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис....

д-ра юрид. наук. С. 23-24.

РОССИЙСКАЯ
41 ГОСУДАРСТВЕННА*
БИБЛИОТЕК!

рое именуется объектом преступления. Сформулированный вывод, по мнению диссертанта, подтверждается и однозначной позицией Н.И. Коржанско-го: «Связь предмета и объекта преступления может быть двух видов: а) предмет преступления выступает материальной вещественной стороной общественных отношений; б) предмет преступления выступает в качестве субъекта общественного отношения и является одной из сторон социальной

т> связи»¹.

Таким образом, при отсутствии предмета преступления нельзя говорить об общественных отношениях. Они только наряду с материальной субстанцией образуют объект преступления. Отдельно ни материальная вещь, ни общественные отношения создать объект преступления не могут. В этой связи вряд ли обоснована позиция Н.И. Коржанского, в соответствии с которой взаимосвязь предмета и объекта преступления не исключает известной самостоятельности предмета преступления, что, по нашему мнению, противоречит его же позиции относительно соотношения предмета и объекта преступления.

Говоря о взаимодействии предмета и объекта преступления нельзя не отметить, что в уголовно-правовой литературе достаточно распространено мнение о необходимости отнесения предмета к объективной стороне состава преступления. В свое время А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшигин, СИ. Тихен-ко относили предмет преступления к объективной стороне, в то время как объект рассматривался ими как самостоятельный элемент состава преступления³.

Особое мнение относительно предмета преступления принадлежит В.И. Динека. Он полагает, что «предмет преступления — это вещь материального характера, на которую посягает преступление»⁴. Он считает, что

¹ См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 22.

² См.: Там же.

³ См.: *Пионтковский А.А., Меньшигин В.Д.* Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1995. Т. I. С. 376; *Тихенко СИ* Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогами документов. Киев, 1959. С. 49.

⁴ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 188.

предмет является факультативным признаком и имеется не во всех преступлениях. В этом плане автор проводит различия между предметом и объектом преступления.

Согласиться с тезисом о том, что предмет и объект не всегда создают такое явление, как объект преступления, представляется невозможным.

Заслуживает внимания концепция предмета преступления, представленная В.К. Глистиным. Исходя из «своего» понимания предмета, автор категорически утверждает: «Введение понятия «предмет преступного посягательства» (под ним понимается любой элемент общественного отношения, подвергающийся преступному воздействию) необоснованно... такое толкование предмета в составе объекта преступления влечет подмену предмета как элемента, по поводу которого возникло и существует общественное отношение, иными, качественно отличными от него явлениями»¹. Данная позиция основывается на признании следующего положения: «... предмет является неотъемлемым составным элементом общественного отношения»².

Суждение В.К. Глистина, думается, весьма убедительно в части взаимоотношения «предмет — общественные отношения». По его мнению, то и другое, вместе взятое, составляет объект преступления, с чем мы вполне согласны.

Иной точки зрения придерживается В.Я. Таций. Он полагает, что «...применительно к потребностям уголовного права необходимы три группы предметов (или предмет имеет тройное значение): 1) предмет охраняемого общественного отношения; 2) предмет преступления; 3) предмет преступного воздействия»³.

Предмет охраняемого общественного отношения, по мнению автора, любые вещи материального мира, исходя из свойств которых уголовный закон берет их под свою охрану. Другими словами, речь идет о том, что по по-

¹ Глистин В.К. Указ. соч. С. 58.

² Там же. С. 48.

³ См.: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 58.

43

воду этого предмета формируется общественное отношение. Предмет преступления — это те вещи материального мира, со свойствами которых законодатель конструирует составы преступлений. Предметом же преступного воздействия выступает тот элемент общественного отношения, которому непосредственно причиняется вред через воздействие на него.

Описанная природа предметов, думается, отражает специфику уголовного права по рассматриваемому вопросу. Вместе с тем вряд ли можно подвергнуть сомнению, что все представленные предметы связаны с объектом преступления. Об этом свидетельствует их дифференциация. В одном случае речь идет об охраняемом предмете, следовательно, для того чтобы поставить его под охрану, требуется его связь с общественным отношением; в другом случае — на него непосредственно воздействуют и причиняют вред опять-таки общественные отношения; в третьем — предмет становится объектом охраны, осуществляемой посредством конструирования соответствующего состава преступления, то есть и в этом плане предмет увязан с общественными отношениями.

Позиция В.Я. Тация достаточно конкретно определяет соотношение предмета и объекта. Предмет — это элемент общественного отношения, на который осуществляется преступное воздействие и которому причиняется вред.

Обобщая вышеизложенное по вопросу предмета преступления, можно сделать некоторые

выводы: 1. Предмет большинство авторов рассматривают как признак (элемент) объекта преступления. 2. Предмет может выступать либо одним элементом объекта, либо одним из элементов объекта. 3. Предмет может быть материальным (в этом качестве выступает и человек), нематериальным, но он всегда характеризуется физическими свойствами, признаками, которые позволяют ему объективно существовать и проявлять себя в этом качестве. 4. Предмет является источником возникновения общественных отношений. Нет предмета, нет общественного отношения. 5. Вред общественному отношению причиняется посредством воздействия на предмет,

44

породивший эти отношения. При этом вред от конкретного преступления всегда причиняется предмету, а от него переходит и на общественные отношения. Практически процесс причинения вреда носит одновременный характер, но начало причинения все-таки осуществляется с предмета. Так, скажем, применительно к убийству предметом преступления выступает жизнь конкретного человека. Именно ей прежде всего, причиняется ущерб, но одновременно с этим терпят ущерб и отношения общественные, суть которых — личность убитого человека. Он был связан со многими другими физическими лицами, лицами юридическими, с общественными структурами, государственными предприятиями, учреждениями. Поскольку этот человек был лишен жизни, то все эти связи, отношения прервались с этим конкретным человеком, которого лишили жизни. Ничего не меняется, если вместо убийства рассмотреть в этом же плане хищение, где предметом выступает чужое имущество. И в этой ситуации непосредственное воздействие осуществляется на имущество. Именно ему причиняется ущерб не в том смысле, что оно уничтожается или повреждается, а в том, что оно перемещается в другую плоскость: из состояния юридического в состояние фактическое. Когда лицо будучи собственником не в состоянии владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, в то время, как другое лицо не будучи собственником тем не менее владеет, пользуется и распоряжается им. Таким образом, причиненный вред имуществу влечет причинение вреда или ущерба общественным отношениям, отношениям собственности. Их суть заключается в том, что собственник не может вступать в отношения с другими физическими и юридическими лицами, обществом и государством в роли собственника конкретного имущества, которым он не располагает. 6. Предмет не выступает самостоятельной категорией относительно объекта преступления, он является сущностью общественных отношений. И только совокупность предмета и общественного отношения образует то, что мы называем объектом преступления. При таком понимании предмета ясно, что он стоит во главе объекта преступ-

45

ления, однако при этом очевидно и другое, предмет должен «излучать» соответствующие отношения, то есть связывать «себя» с другими предметами.

Учитывая вышеизложенное, можно следующим образом сформулировать понятие предмета общественных отношений, в совокупности образующих объект уголовно-правовой охраны: Предмет — это люди, их правовой статус, юридические лица, деятельность, информация, окружающая природная среда, звери, животные и другое, что обладает физическими и социально значимыми свойствами, придающими предмету объективный характер, в этом плане вызывающие потребность у других лиц: физических, юридических, общества и государства для удовлетворения им своих

интересов, то есть образующие общественные отношения и как следствие этого — терпящих ущерб от преступного воздействия на него.

Представленное определение предмета общественных отношений характеризуется следующими обстоятельствами. Во-первых, подчеркивается, что речь идет не о предмете преступления и даже не о предмете объекта преступления, а о предмете общественных отношений, которые лишь в совокупности выступают объектом преступления. Это позволяет констатировать, что предмет отдельно от общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не существует и существовать не может. И в этом смысле словосочетания «предмет преступления» и «предмет объекта», по нашему мнению, неправомерны. Точно так же и общественное отношение не может возникнуть без своего «источника» предмета. Во-вторых, предмет является категорией объективной, он всегда характеризуется какими-либо физическими свойствами, признаками, которые и позволяют ему существовать в реальной действительности. Сюда включаются многие предметы материального мира, в том числе, разумеется, и человек. И в этом нет ничего предосудительного. В теории многие авторы видят в человеке и то, что относится к объекту, и то, что характеризует предмет. К. Маркс, оппонируя Г. Гегелю и Л. Фейербаху в части оценки человека как природного существа, отмечал: «Непредметное

46

существо, есть невозможное, нелепое, существо...»¹. В литературе советского периода М.И. Федоров, пожалуй, первым стал различать личность как объект преступления и личность, как его предмет. Тем не менее, как представляется, автор заслуженно подвергся критике со стороны Б.С. Никифорова и, вовсе не за то, что в одном явлении он обнаружил две стороны: предмет и объект, а за то, что в качестве предмета он рассматривал не человека, в смысле его биологии, физиологии, а личность³, хотя уже в то время была хорошо известна на этот счет позиция философов. Так, В.П. Тугаринов отмечал: «Содержание понятия «человек» включает в себя и социальные, и биологические моменты, а личность есть понятие только социальное»⁴. В-третьих, предмет, в силу своей социальной значимости, всегда вызывает потребность у лиц: физических, юридических, общества и государства, с целью удовлетворения ими своих интересов. Социальная значимость предмета вытекает из его физической или иной природы. Скажем, применительно к человеку, можно говорить о его национальных, интеллектуальных, физических, политических, служебных и т.д. социально значимых свойствах; применительно к имуществу — о его потребительских качествах; применительно к какой-либо деятельности — эти качества определяются направленностью этой деятельности, задачами, которые решаются этой деятельностью; применительно к какому-либо служебному статусу будет уместно акцентировать внимание на те задачи, под которые формируется тот или иной статус и т.д. Сами социально значимые свойства и есть отношения, источником которых выступает предмет. Объективная потребность удовлетворяться ими, возникающая или могущая возникнуть у людей, юридических лиц, общества и государства — это и есть общественное отношение, которое законодатель и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

² См.: Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского ун-та. Пермь, 1957. Т. II, кн. 2. С. 190.

³ Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 52.

⁴ *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 75; см. также: *Спиркин А.Т.* Сознание и самосознание. М, 1972. С. 250. Еще ранее эту мысль убедительно представил Н.Л. Дювернуа (см.: Чтение по гражданскому праву «Введение и общая часть». СПб., 1898. Т. I. С. 548).

47

может поставить или ставит под охрану уголовного закона. В-четвертых, удовлетворения физическими лицами своих потребностей социально значимыми свойствами предмета, находящегося под охраной уголовного закона, есть не что иное, как преступное воздействие на него и порожденные им общественные отношения. При этом преступное воздействие может выливаться в самые различные формы: перемещение предмета, его повреждение или уничтожение, создание какой-либо материальной вещи, объективно имеющей негативную социальную значимость, то есть не несущей в себе общественной полезности, скажем подделанный документ, фальшивая банкнота и т.д., использование своего служебного статуса вопреки интересам службы. В-пятых, преступное воздействие на предмет и соответственно на социальные отношения, им порождаемые, таким образом, объективно ущербны и для предмета и для отношений, вытекающих из него. Особенность этого ущерба заключается в том, что предмет перестает обладать социально значимыми свойствами и в этом плане не порождает социально полезных отношений.

В свете изложенного не во всем можно согласиться с Г.П. Новоселовым, определяющим понятие «предмет преступления» как различного рода материальные или нематериальные блага (ценности), способные удовлетворять потребности людей, преступное воздействие на которые (или незаконное обращение с которыми) причиняет или создает угрозу причинения вреда¹.

Прежде всего, вряд ли, на наш взгляд, обоснованно оперировать категорией «предмет преступления». Применительно к преступлению предмет не имеет самостоятельного значения, а потому его правильнее именовать объектом преступления, потому что, если речь идет о материальном явлении, то есть предмете, то он (этот предмет) всегда порождает социально значимые отношения. И в случае, когда этот предмет поставлен под охрану уголовного закона, он становится объектом преступления. Предмет должен обладать не только способностью удовлетворять потребности людей, как об этом пишет

¹ См.: *Новоселов Г.П.* Указ. соч. С. 53.

48

автор, но и способностью удовлетворять потребности организаций, предприятий, учреждений, общества и государства. Спора нет, в конечном итоге названные структуры так или иначе обеспечивают интересы людей. Однако это осуществляется прежде всего посредством удовлетворения или неудовлетворения интересов организаций, предприятий учреждений, общества и государства. Поэтому в данном случае следует говорить не только об удовлетворении потребностей людей, но и обозначенных структур. Исходя из такого расклада сформировано действующее уголовное законодательство России, в котором, скажем, одна глава Особенной части регламентирует составы преступлений, охраняющих отношения, непосредственно обеспечивающие потребности людей. Здесь можно назвать гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья». Во всех преступлениях, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на жизнь и здоровье, имеет место воздействие на предмет (человека). Трудно увидеть этот признак

(непосредственное удовлетворение потребностей людей) в составах преступлений, расположенных в гл. 22 (Преступления в сфере экономической деятельности) УК РФ. Так, например, состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), в качестве предмета которого выступает регламентирующий соответствующими нормативными материалами, порядок законного предпринимательства. Преступник, воздействуя на этот установленный порядок непосредственно, вряд ли причиняет вред людям. Этот вред причиняется соответствующим экономическим отношениям и только через них — людям.

Все изложенное позволяет анализируемый признак «удовлетворение потребностей людей» представить в иной плоскости: «социальной значимости, способной удовлетворять правомерные интересы личности, общества и государства». В этом случае противоречий с действующим уголовным законодательством не возникает.

По этим же соображениям трудно согласиться с автором и тогда, когда он утверждает, что «преступление причиняет или создает угрозу причинения

49

вреда не чему-то (благам), нормам права, отношениям, а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то»¹.

Во-первых, следует признать правоту автора, когда он подчеркивает, что вред либо угроза причинения вреда не может связываться с благом, нормой права. Вред всегда причиняется юридическим обладателям материальных благ, в том числе и людям. Но вряд ли в этом качестве выступают только люди. Обладателями, как уже отмечалось, выступают люди, но не только они. Ими могут выступать организации, предприятия, учреждения, общество и государство в целом. Именно они в отдельных случаях наделяются определенным юридическим статусом, перед ними формируются определенные задачи, они наделяются определенным перечнем и по качеству, и по количеству имущества и т.д. Поэтому им и может быть причинен вред или возникнуть угроза его причинения. В этих случаях нельзя рассматривать причиненный: им вред, как вред непосредственно причиненный людям. Такое признание будет противоречить уголовному законодательству. Отсюда вытекает и следующий вывод: объектом преступления могут выступать и люди, но не только, а все те материальные и нематериальные предметы, обладающие социальной значимостью и в этом плане способные удовлетворять общественно полезные интересы личности, общества и государства, взятые под охрану уголовного закона.

Приведенный анализ положений о предмете преступления, существующих в теории уголовного права, позволяет определить содержание предмета и объекта преступления. Предмет характеризуется двумя аспектами: физическим, то есть объективно существующим в реальной действительности и обладающий реально измеримыми параметрами: вес, цвет, текст, восприятие органами чувств и т.д.; социальным, то есть обладающим способностью удовлетворять общественно полезные потребности личности, общества и государства.

¹ Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 53.

50

Определившись с содержанием предмета, думается, нетрудно определиться с содержанием объекта преступления. По мнению автора настоящего исследования, объектом

преступления являются предметы материального или нематериального мира, в том числе люди, характеризующиеся физическими признаками, обладающие социально значимыми свойствами, способными удовлетворять общественно полезные потребности людей, общества и государства и взятые под охрану уголовного закона. Такое понимание объекта преступления делает нецелесообразным оперирование ныне существующей категорией «предмет преступления». В изложенной нами ситуации «предмету преступления» не остается места.

Приведенный вариант объекта преступления неизбежно ставит вопрос, насколько такой объект отражает или соответствует действующему уголовному законодательству России? Считаем, что и само утверждение норм, положений, в которых так или иначе законодателем представлен объект преступления, наименование разделов и глав Особенной части показывают, что необходимый уровень такого соответствия имеется. Обратимся непосредственно к положениям и нормам, а затем к наименованиям разделов и глав Особенной части УК РФ. В ст. 2 (Задачи Уголовного кодекса РФ) дается перечень объектов преступления, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. В представленном положении законодатель называет объекты, посредством указания на тот или иной их аспект. В одном случае он говорит о предмете: человек, гражданин. В другом — и о предмете, и о его социально значимых свойствах. К ним относятся: общественный порядок, общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй. В третьем случае законодатель акцентирует внимание только на социально значимых свойствах. Таковыми являются: права, свободы, собственность. Именно эти свойства являются социально значимыми для удовлетворения ими общественно полезных потребностей личности, общества и государства. Та же логика сохранена законодателем и при определении наименования разделов и глав Особенной части УК РФ. Так, разд. 7 поименован им как

51

«Преступления против личности», то есть в этом случае речь идет и о предмете (биологический аспект личности — человек), и о его социально значимых свойствах, заложенных в личности как человеке, который способен вступать с другими людьми и организациями в отношения для удовлетворения своих потребностей, и как человеку, с которым можно вступать в отношения другим лицам, организациям также для удовлетворения своих потреб-

ностей. В основе наименования гл. 16 УК РФ речь идет о предмете «жизнь и здоровье» людей. Однако ясно, что указанный предмет обладает и социально значимыми свойствами, поэтому законодательное указание на жизнь и здоровье — это указание на объект преступления через непосредственное выражение одного из аспектов предмета с его социально значимыми свойствами. Ситуация не меняется, если рассмотреть группу составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Так, в частности объект составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 228-232 УК РФ) характеризуется предметом, в качестве которого выступает наркотическое средство и психотропное вещество. При законном их обороте, они обладают социально значимыми свойствами, в которых испытывает потребность

личность, общество и государство. Однако в случаях незаконного оборота наркотических средств, опять-таки в силу их социальной значимости (криминальной) возникает реальная угроза для здоровья населения и общественной безопасности¹.

¹ Мы не разделяем точку зрения ученых, считающих объектом анализируемой группы составов преступлений общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности здоровья населения (видовой объект). См.: *Прохорова М.Л.* Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2001. С. 125; В то же время вряд ли обоснованно включать в объект общественную нравственность. Она не бывает индивидуальной или общественной. Она по своему характеру направлена на общество через конкретных физических лиц. Всякое преступление — зло. Таких же злом являются и преступления данной группы.

52

**1.3. Объект состава преступления,
предусматривающего уголовную ответственность
за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности
(ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации)**

Определившись с объектом преступления, уместно перейти к объекту состава преступления, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности. Названный состав преступления расположен в гл. 31, поименованной законодателем как преступления против правосудия. В определенной мере, коль скоро анализируемый состав находится в составе преступлений против правосудия, можно предположить, что именно интересы правосудия и выступают объектом преступления. Представленное предложение логично именно в этом смысле. Однако следует иметь в виду, что закон не дает толкование понятия «интересы правосудия». Законодатель и теория уголовного права исходят из того, что все составы преступлений данной главы направлены на охрану интересов правосудия. На самом же деле ситуация на этот счет весьма неоднозначная. Немало составов данной группы, на наш взгляд, с правосудием не связаны, и в уголовно-правовой теории на этот счет высказаны мнения, совершенно не связанные с интересами правосудия.

Так, относительно прикосновенности к преступлению, которая, как известно, выступала и выступает частью составов преступлений против правосудия, Б.Т. Разгильдиевым высказано мнение, согласно которому ее объектом является общественная безопасность, под которой он понимает «...состояние, обеспечивающее реальное осуществление имущественных или иных прав и интересов государства, общественных организаций и всех граждан страны»¹. Логика данного суждения заключается в том, что прикосновенные к преступлению лица своим деянием создают условия для основных преступников (лиц, совершивших преступления, по поводу которых возника-

¹ *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 25.

53

ет прикосновенность. —*А.Л.*) продолжить преступную деятельность. В то же время позиция Б.Т. Разгильдиева не безупречна главным образом потому, что возможность

продолжения преступной деятельности, то есть совершения новых преступлений, — это результат не непосредственный, а опосредованный. Он может иметь место, а может и не иметь. Непосредственным же результатом деяний прикосновенных лиц выступают интересы правосудия, именно им причиняется вред. Все же остальное, в том числе возможность совершения основным преступником нового преступления, это вред опосредованный.

Большинство ученых-криминалистов, занимающихся исследованием составов преступлений, расположенных в гл. «Преступления против правосудия», в качестве объекта рассматривают интересы правосудия. Однако понятие «интересы» нередко наполняют разным содержанием. Так, И.С. Власов и И.М. Тяжкова родовым объектом называют «деятельность органов правосудия по осуществлению задач правосудия»¹. К органам правосудия они относят не только суд, прокуратуру, органы милиции, но и пожарную часть, пограничную охрану, начальников военных учреждений².

А.И. Чучаев объектом преступлений, входящих в рассматриваемую группу, признает «совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, строго регламентированную законодательством деятельность суда и органов, ему в этом содействующих, по реализации задач и целей правосудия... иными словами, — преступления, указанные в гл. 31 УК, в целом посягают на интересы правосудия»³.

Позиции названных авторов в общем, если не идентичны, то очень близки. И тот, и другой при определении органов правосудия не ограничиваются только судом. Они включают в эти органы и другие структуры, кото-

¹ Власов И.С, Тяжкова И.М. Преступления против правосудия. М., 1968. С. 32.

² См.: Власов И.С. Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИСЗ. 1963. Вып. 1. С. 95; см. также: Раишкова Ш.С. Правосудие под охраной закона // Труды ВИОН. 1970. Т. XVI. Ч. II. С. 139-140.

³ Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 5.

54

рые наделены функциями расследования и дознания. Говоря об интересах правосудия, они связывают ее (деятельность) с задачами, стоящими перед органами правосудия и при этом настаивают, что именно общественные отношения выступают объектом преступления. Поскольку авторы говорят о деятельности органов правосудия по обеспечению задач, стоящих перед ними, то можно предложить, что общественные отношения в этой ситуации —

это некий фонд, в пределах которого и терпят ущерб названные интересы.

Иначе понимает объект анализируемой группы составов преступлений Л.В. Лобанова. Она считает, что «правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны следует рассматривать как систему общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально-упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц»¹.

Итак, по Л.В. Лобановой, содержательно правосудие как объект уголовно-правовой охраны состоит из следующих элементов: прежде всего в ка

честве как бы базового элемента выступает система общественных отношений, которая, по мнению автора, и обеспечивает все содержательные элементы анализируемого объекта, как-то: предпосылки; нормальное осуществление; претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально упорядоченной деятельности суда, содействующих суду органов; претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально-упорядоченной содействующих суду лиц.

Проанализируем представленные признаки, составляющие содержание правосудия как объекта уголовно-правовой охраны.

Итак, автор говорит о системе общественных отношений, которые, по ее мнению, и обеспечивают все то, что представлено в качестве элементов

¹ *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 27.

55

объекта правосудия. В этой связи возникает вопрос: как система общественных отношений обеспечивает все перечисленные элементы, интересы правосудия? Наверное, чтобы ответить на поставленный вопрос, следует определиться с понятием «общественные отношения», которые обеспечивают интересы правосудия, и с понятием «обеспечение». Непосредственно в работе не уделяется внимания ни тому, ни другому. Можно лишь предположить, что автор является сторонником признания объектом преступления общественных отношений, а потому и включает данный признак в объект уголовно-правовой охраны. В этой связи уместен вопрос: откуда возникают общественные отношения для обеспечения интересов правосудия? По нашему мнению, они могут возникнуть в том числе и в результате деятельности тех органов, которые автор относит к правосудию. Таким образом, сами органы правосудия формируют соответствующие общественные отношения, которые, в свою очередь, могут позитивно или негативно влиять на деятельность органов правосудия, но вряд ли могут обеспечивать их деятельность.

Следующий признак объекта уголовно-правовой охраны, в качестве которого выступает правосудие — это предпосылки и нормальное осуществление деятельности суда, содействующих ему органов и лиц. Автор этот признак почему-то не характеризует. И ответить на вопрос, что стоит за этим признаком, каково его содержание, не представляется возможным.

Л.В. Лобанова называет признак «претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально упорядоченной деятельности суда». Данный признак автором рассматривается не в той последовательности, как он представлен в дифиниции, а в несколько иной. Так, автор выделяет вначале посягательства на правосудие как на охранительную и процессуально упорядоченную деятельность и только после этого говорит о составах преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за познавательную-правоприменительную деятельность. При этом Л.В. Лобанова не отделяет деятельность суда от деятельности других органов и соответствующих должностных лиц органов правосудия. По ее

56

мнению, к охранительной и процессуально упорядоченной деятельности органов суда относятся следующие составы преступлений: ст. 299 (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности), ст. 304 (искусственное создание доказательств совершения преступления), ст. 306 (заведомо ложный донос), ст. 300 (незаконное освобождение от уголовной ответственности), ст. 316 (заранее не обещанное укрывательство преступлений) УК РФ.

Перечисленные составы преступлений, посягающие на охранительную деятельность органов правосудия, в свою очередь, автором «разбиты» на две подгруппы: первые три названных состава (ст. 299, 304, 306 УК РФ) посягают, по версии автора, на ограждение от необоснованного осуждения невиновных. Вторые два (ст. 300 и 316 УК РФ) направлены против правосудия в части воспрепятствия реализации уголовной ответственности. К преступлениям посягающим на правосудие как на процессуально упорядоченную деятельность, автор относит два состава преступления: ст. 301 (незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) и ст. 302 (принуждение к даче показаний) УК РФ. И, наконец, последний признак анализируемого объекта — это нормы, регламентирующие уголовную ответственность за посягательство на правосудие как на познавательно правоприменительную деятельность. К ним автор относит ст. 303 (фальсификация доказательств), ст. 305 (вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта), ст. 307 (заведомо ложные показания, заключение эксперта, или неправильный перевод), ст. 308 (отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний) УК РФ.

Определяя в качестве одного из признаков правосудия как объекта уголовно-правовой охраны охранительную и процессуально упорядоченную деятельность автор имеет в виду и деятельность суда, и деятельность органов предварительного расследования, и деятельность органов дознания. Речь, таким образом, идет об органах с различным правовым статусом и, надо полагать, с различными функциями. Именно поэтому новое уголовно-процессуальное законодательство России посвящает отдельную гл. 5 — суду,

гл. 21 — предварительному расследованию и отдельную гл. 32 — дознанию¹. Тем самым, как представляется, законодатель усматривает разницу между тремя названными органами. Если бы это было не так, то закон не стал бы выделять специальные главы, посвященные названным главам. По мнению же Л.В. Лобановой, таким признаком объекта выступают не органы, названные УПК РФ, а охранительная и процессуально упорядоченная деятельность. Это, видимо, надо понимать следующим образом: уголовно-правовые нормы непосредственно обеспечивают охранительную функцию и функцию процессуально упорядоченную.

Думается, что названные функции применительно к деятельности органов правосудия не бесспорны. Как известно, охрана соответствующих отношений от преступных посягательств, в том числе и от рассматриваемой группы преступлений, это задача, стоящая перед уголовным законодательством РФ. Следовательно, такую задачу выполняют все нормы, предусматривающие уголовную ответственность за то или иное деяние. Столь же трудно согласиться и с признаком — процессуально упорядоченная деятельность. Что означает деятельность процессуально упорядоченная? Автор непосредственно на этот вопрос не отвечает и как бы констатирует, что «охрана правосудия как процессуально упорядоченная деятельность непосредственно связана с решением охранительных задач

уголовного процесса. С одной стороны, в целях решения задачи изобличения лиц, совершивших преступления, обеспечения целесообразной реализации уголовной ответственности и применения справедливого наказания законодатель позволяет правоохранительным органам прибегать к принудительным мерам, связанным с ограничением существенных прав и законных интересов граждан. Однако решение другой охранительной задачи уголовного процесса требует установления пределов в этом отношении. Поскольку для сохранения самой сущности уголовного процесса соблюдение этих пределов является исключительно важным, зако-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. М., 2002. С. 16,75, ИЗ.

58

нодатель вынужден прибегать к последнему средству — мерам уголовной репрессии... Именно потому, чтобы не допускать произвольного применения мер принуждения к гражданам, служат составы преступлений, предусмотренные ст. 301, 302 УК»¹.

Позиция Л.В. Лобановой, как представляется, не бесспорна. Автор утверждает, что «охрана правосудия как процессуально упорядоченной деятельности непосредственно связана с решением охранительных задач уголовного процесса»². Получается, что правосудие охраняется уголовным законодательством, и, кроме того, сама процессуально упорядоченная деятельность направлена на охрану задач уголовного процесса. В той части, в которой автор говорит об охране правосудия уголовным законом, следует согласиться. Что касается охраны задач уголовного процесса процессуально упорядоченной деятельностью, то с этим согласиться трудно, в частности потому, что это не стыкуется с уголовно-процессуальным законодательством России. Так, в ст. 6 (назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ указывается: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. 2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождения их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»³. Таким образом, содержание указанной статьи говорит о том, что законодатель не пользуется категорией «охрана». Отсюда следует вывод об отсутствии в уголовном процессе охранительных задач. Наличие же в уголовно-процессуальном праве своеобразного института защиты (по крайней мере закон уголовно-

¹ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 108.

² Там же.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 8.

59

процессуальный только в представленной ст. 6 УПК РФ дважды использует слово «защита»), свидетельствует о реализации функции защиты всем уголовно-процессуальным законодательством в целом, а не какой-то его частью, независимо от того, как называется эта часть деятельности: процессуально упорядоченная или не процессуально упорядоченная. И незаконное задержание, заключение под стражу или

содержание под стражей (ст. 301 УК РФ) и

•» принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ) не ставят под сомнение процессуальную упорядоченность деятельности, поскольку и то и другое осуществляется чаще всего в рамках уголовно-процессуального законодательства. Проблема видится в другом. Лица, совершающие названные деяния, не выполняют уголовно-правовую обязанность, возложенную на них при задержании, заключении под стражу, содержании под стражей либо при получении показаний. Именно с позиции уголовного законодательства их деяние приобретает общественно опасный и противоправный характер. Однако такого рода общественная опасность возникает, по мнению диссертанта, не по-

тому, что нарушается процессуально упорядоченная деятельность, а потому,

что лицо использует свой статус, статус работника правоохранительного органа, суда вопреки назначению уголовного судопроизводства, обозначенного в ст. 6 УПК РФ.

Другим объектом составов преступлений, посягающих на правосудие, по мнению Л.В. Лобановой, выступает познавательного-правоприменительная деятельность. Автор полагает, что «... познание в процессуальной деятельности осуществляется путем доказывания», из чего делает вывод, что «уголовно-правовое обеспечение достижения задачи по установлению истины ограничивается тем, чтобы во-первых, свести к минимуму представление недоброкачественной доказательственной информации путем установления уголовно-правового запрета фальсификации доказательств (ст. 303 УК), дачи ложных показаний и заключения (ст. 307 УК); во-вторых, обеспечить полу-

60

чение доказательств посредством закрепления соответствующей уголовно-правовой обязанности — обязанности давать показания (ст. 308 УК)»¹.

Полагаем, что выделение из сферы деятельности органов правосудия познавательного-правоприменительного аспекта вряд ли обосновано. Такого рода выделение основано на факторе, который непосредственно ни вытекает не из уголовного, ни из уголовно-процессуального права. Так, авторский тезис о познании путем доказывания вызывает возражения. Например, если в процессе осмотра места преступления обнаружены отпечатки пальцев преступника, труп жертвы, орудие преступления и т.д., то такого рода обстоятельства будут иметь доказательственное значение, хотя никакого доказывания в этом плане не требуется, то есть процесс познания, выражаясь словами автора, имеет место, однако такое знание получено не в результате доказательственной деятельности. Автор настаивает на существующем уголовно-правовом обеспечении достижения задачи установления истины по делу, однако такая задача не стоит ни перед уголовным, ни перед уголовно-процессуальным законодательством.

Как известно, перед Уголовным кодексом РФ стоит задача по охране интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и предупреждение новых преступлений. Можно ли отождествлять названные задачи с задачей по достижению истины по уголовному делу? Считаем, что нельзя. Что касается уголовно-процессуального законодательства РФ, то задачи как таковые в нем вообще не сформулированы. Закон говорит только о назначении уголовного судопроизводства. Однако и при этом не упоминается достижение истины по уголовному делу. Уголовное дело, на наш взгляд, и он

в полной мере отражает действующее уголовно-процессуальное законода-

¹ *Сахаров А., Носкова Н.* Преступления против правосудия // Социалистическая законность. 1987. № 11. С. 46; см. также: Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1993. С. 411—413; *Костырева Т.А.* Практикум по уголовному праву / Под ред. Л.Л. Крутикова. М., 1997. С. 369-370; *Гаранина М.А.* Система преступлений против правосудия: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 22-23.

61

тельство России в части назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), расследуется для того чтобы установить лицо, совершившее преступление, если оно действительно было совершено, определить возможный вид наказания и его объем, которые могут быть назначены виновному лицу судом.

Сказанное относительно познавательного-правоприменительного действия как объекта определенной группы составов преступлений против правосудия, по нашему мнению, не может быть использовано законодателем при дифференциации анализируемой главы УК РФ.

Таким образом, позиция Л.В. Лобановой относительно классификации составов преступлений против правосудия на виды, исходя из особенностей непосредственного объекта, не убедительна. Сам по себе критерий, которым она руководствуется, в частности объект преступления, на наш взгляд, основателен. Однако представление его в качестве непосредственного объекта вызывает возражение. И что особенно важно — его наполнение такими свойствами, как охранительная и процессуально упорядоченная деятельность, познавательного-правоприменительная деятельность суда и содействующих ему органов и лиц, по нашему мнению, носит искусственный характер и вряд ли может использоваться в качестве объективного критерия дифференциации.

В теории уголовного права является почти общепризнанным деление составов преступлений против правосудия на виды исходя из их субъекта¹.

По нашему мнению, такой подход противоречит законодательной концепции формирования разделов, глав Особенной части УК РФ. Они, как известно, полностью строятся на соответствующих объектах, поставленных под охрану уголовного закона. Распределение составов преступлений внутри разделов и соответствующих глав, по законодательной логике, также должно осуществляться в соответствии с объектом, который охраняется той или иной уголовно-правовой нормой.

¹ См.: *Сахаров А., Носкова Н.* Указ. соч. С. 46; см. также: Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1993. С. 411^413; *Костырева Т.А.* Указ. соч. С. 369-370; *Гаранина М.А.* Указ. соч. С. 22-23.

62

Позиция Л.В. Лобановой, положившей в основу деления составов преступлений против правосудия объект преступления, на наш взгляд, основательна. Вместе с тем едва ли обоснованно использовать в этом делении непосредственный объект. По ее же мнению, именно этот непосредственный объект служит основой для формирования отдельных групп анализируемой главы¹.

Как представляется, непосредственный объект — это «часть родового специального

объекта, это определенное благо (интерес), которому причиняется вред в результате совершения определенного преступления...»². Отсюда следует, что о непосредственном объекте преступления можно судить только тогда, когда совершено конкретное преступление. Сам по себе состав преступления, сконструированный законодателем в том или ином разделе, в той или иной главе, не позволяет точно определить конкретный объект преступления, который потерпит ущерб от конкретного деяния. Скажем, ч. 1 ст. 158 (кража) УК РФ определяет кражу как «тайное хищение чужого имущества...». Каков в этом случае непосредственный объект, мы определить не можем. В качестве чужого имущества может выступать имущество частное, федеральное, муниципальное, смешанное. Но даже, если взять только одну из перечисленных форм собственности, например частное, то и в этой ситуации невозможно определить непосредственный объект, поскольку частная собственность находится в ведении неопределенного круга физических и даже юридических лиц. И до тех пор, пока преступник не посягнул на конкретное имущество, принадлежащее конкретному лицу, определить непосредственный объект невозможно. Во всех такого рода ситуациях речь должна идти об объекте видовом, охраняемом конкретной уголовно-правовой нормой. И совершенно прав Н.И. Коржанский, когда утверждает, что «непосредственным объектом преступлений следует считать объект конкретного посягательства»³.

¹ См.: Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 35; Голоднюк М. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Серия II, Право. 1996. №6. С. 18.

² Наумов А.В. Указ. соч. С. 151-152.

³ Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 25.

Сказанное о непосредственном объекте преступления не позволяет рассматривать его в качестве критерия по формированию соответствующих составов преступлений по группам. Полагаем, что главы Особенной части УК РФ формируются исходя из видового объекта¹. И формировать какие-либо группы составов преступлений в его пределах вряд ли правомерно. Объясняется это тем, что все составы этой главы имеют один и тот же видовой объект, охраняемый ими в полном объеме. Что касается глав, которые характеризуются разными видовыми объектами, то это свидетельствует о том, что данная глава по характеру охраняемых объектов сформирована исходя из родового объекта и потому нуждается в дифференциации по видовому объекту. По нашему мнению, есть серьезные основания полагать, что гл. 31, в которой сосредоточены составы преступлений, охраняющие от преступных посягательств правосудие, сформирована по родовому объекту, что вынуждает теорию уголовного права «разбить» ее по группам исходя из видового объекта преступления. Сложность решения заявленной проблемы определяется рядом обстоятельств. Прежде всего законодатель поименовал данную группу составов преступления как преступления против правосудия, включив в нее не только составы, направленные на воспрепятствование осуществлению правосудия, вынесение заведомо неправосудных приговоров, решений или иных судебных актов, но и привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Можно ли эти составы преступлений увязывать с деятельностью органов правосудия? В этой связи уместно определиться с содержанием слова

«правосудие». Правосудие — «1. Суд, судебная деятельность государства; юстиция ... 2. Решение, осуждение, основанное на справедливости ...»². Содержание исследуемого слова наводит на мысль о жесткой связи правосудия с деятельностью суда. И неспроста Т.Н. Добровольская

¹ Впервые в теории уголовного права идея о выделении из родового видового объекта преступления высказана Е.А. Фроловым. См.: *Фролов Е.А.* Спорные вопросы ученика об объекте преступления // Сб. ученых трудов. Свердловск, 1968. Вып.10. С. 202.

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 355.

64

отмечала: «Законодатель признает, что родовым объектом всех преступлений, включенных в указанную главу (преступления против правосудия, гл. 8 УК РСФСР 1960 г. —*А.Л.*) Уголовного кодекса, является посягательство именно на правильное отправление социалистического правосудия судом...»¹.

Понятие «правосудие», конечно же, увязано с деятельностью суда. Трудно найти убедительные суждения, обосновывающие отношение к правосудию органов предварительного расследования, дознания или органов уголовно-исполнительной системы. В теории уголовного права высказано мнение, согласно которому «структура правосудия как объекта уголовно-правовой охраны может быть представлена с разных позиций. Во-первых, с точки зрения тех сфер судопроизводства, где могут быть совершены общественно опасные деяния. Во-вторых, с учетом тех этапов осуществления процессуальной и постпроцессуальной деятельности, на которых развиваются отношения, которым причиняется вред соответствующими преступлениями. В-третьих, с позиции тех существенных качеств правосудия (отражение которых лежит и на вспомогательной для правосудия деятельности), которые игнорируются при совершении преступных деяний, а также с учетом тех задач, которые перед правосудием поставлены государством, и условий, созданных для их решения»².

Представленное авторское понимание структуры правосудия включает в себя и деятельность суда, и деятельность правоохранительных органов, и деятельность иных органов, скажем, органов исполняющих наказания. На самом деле, отнесение к структурам правосудия «сфер судопроизводства, где могут совершаться общественно опасные деяния» позволяет включать в правосудие даже те сферы, которые никакого отношения к нему не имеют. К то-

¹ См.: *Добровольская Т.Н.* Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки ВИЮН. М., 1963. Вып. 6. С. 148; см. также.: *Власов КС* Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. М., 1964. Вып. 1/18. С. 96. Впоследствии автор включил в правосудие и деятельность других органов правоохранения. См.: *Власов КС, Тешикова КМ.* Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 29-30.

² См.: *Лобанова Л.В.* Указ. соч. 1999. С. 39.

65

му же, автор говорит не только о процессуальной, но и постпроцессуальной деятельности. Сама по себе процессуальная деятельность может быть связана не только с деятельностью суда, но и органов дознания и следствия, прокурора. Что же касается деятельности

постпроцессуальной, то она вообще ничем не ограничена.

Диссертант считает, что наименование анализируемой главы не отражает всего объема объектов, которые охраняются уголовно-правовыми нормами, расположенными в ней. В соответствии с содержанием категории «правосудие» под ней уместно усматривать только деятельность суда, который, как известно, является одной из ветвей государственной власти. Лишь крайне условно его можно сравнить с правоохранительными органами, скажем, дознанием, органами следствия, прокурором. Эта связь прослеживается только в том, что суд осуществляет свою деятельность, в том числе и в рамках уголовно-процессуального кодекса России, точно так же, как это делает орган дознания, следователь и прокурор. Однако такое положение дел не меняет статуса суда как органа, непосредственно осуществляющего государственную власть. В этом смысле позиция законодателя некорректна, когда деятельность суда отождествляется с деятельностью органов дознания, следствия, прокурора, органов, исполняющих наказание. И что, по нашему мнению, не менее важно, составы преступлений, предусматривающие ответственность за деяние, не связанные с деятельностью суда, выпадают из этой главы, поскольку не направлены против правосудия. Считаем, что применительно к составам преступлений, расположенных в исследуемой главе, следует говорить не о видовом объекте, а об объекте родовом. Он, по нашему мнению, включает в себя четыре видовых объекта.

Родовой объект должен быть выделен в качестве самостоятельного раздела и именоваться как преступления против правосудия, органов расследования и органов, исполняющих наказание. Названный раздел в соответствии с видовыми объектами «разбивается» на три главы: Преступления про-

тив правосудия; Преступления против органов расследования; Преступления против органов, исполняющих наказания.

В связи с представленным вариантом формирования раздела и его глав, возникает вопрос, что объединяет все три главы в один раздел? Полагаем, что объединяющим фактором выступает родовой объект составов, охраняющих соответствующие отношения от преступных посягательств. Именно объект, как уже отмечалось, и должен лежать в основе разделов и глав Особенной части УК РФ. В нашем случае родовым объектом будут выступать суд, органы расследования (дознание и следствие) и органы, исполняющие наказания, обеспечивающие «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод...»¹.

Именно названные вопросы решаются в рамках уголовного судопроизводства. Они решаются как судом, так и органами дознания и предварительного расследования. Несколько иная трактовка объекта применительно к органам, исполняющим уголовные наказания. Представляется, что и эти органы, и их деятельность должны находиться в данном разделе. Обоснованием этого могут служить следующие обстоятельства. Исполняя уголовные наказания, данные органы аккумулируют собой деятельность суда, органов дознания и следствия. Без такого рода органов обеспечить назначение уголовного судопроизводства, представленного в ст. 6 (назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ², невозможно, с одной стороны, с другой — посягательство на органы, исполняющие

наказания, непосредственно не затрагивают деятельность суда, органов дознания и следствия, они опасны только для органов, исполняющих наказания. В основе каждой из глав лежит видовой объект. Первая из глав раздела — это преступления против правосудия. Объектом каждой выступает деятельность суда. В эту главу следует, по нашему мнению, поместить ст. 294 (Воспрепятствование осуществлению правосудия).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 8.

² См.: Там же. С. 8.

67

Что касается воспрепятствования осуществлению предварительного расследования, то его следует выделить в самостоятельную норму и разместить в главе, где должны быть сосредоточены составы преступлений, охраняющие органы дознания и предварительного следствия. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), угрозу или насильственные действия, в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) и клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ) должны быть размещены в разделе «Преступления против личности». Названные составы, находясь в главе, в которой сосредоточены преступления против правосудия (нынешний законодательный вариант) рассматривают жизнь человека, его здоровье, честь и достоинство в качестве дополнительных объектов, что прямо противоречит конституционному требованию, однозначно утверждающему, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Именно исходя из указанного конституционного постулата, законодатель и сформировал Общую и Особенную части УК РФ. Так, в ч. 1 ст. 2 (Задачи уголовного кодекса РФ) УК РФ на первое место поставлена охрана прав и свобод человека и гражданина. Особенная часть УК РФ также начинается с раздела, где сосредоточены нормы, регламентирующие ответственность прежде всего за преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства, в то время как преступления против правосудия, несмотря на их важность, совершенно обоснованно находятся в разд. 10, что, конечно же, свидетельствует о более высокой значимости человека, его прав и свобод, включающих в себя честь и достоинство, нежели деятельности суда, органов расследования

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 4.

68

и органов, исполняющих уголовные наказания. Это, как представляется, и служит основанием для законодательной реализации вышеизложенного суждения. В уголовно-правовой теории по этому поводу уже высказывались ученые-криминалисты. Так, Л.Е. Лобанова отмечает, что «...посягательство на жизнь судьи и т.д. находятся не в области объекта преступления, а в области мотивации последнего ... Логичным было бы помещение данного состава в гл. 16 (Преступления против жизни и здоровья)»¹. Считаем, что по этой же логике следует определиться с посягательствами на здоровье, честь и достоинство работников суда, органов предварительного расследования и исполнения уголовного наказания. И хотя Л.В. Лобанова об этом конкретно не говорит, такого рода

мысль, на наш взгляд, заложена в ее суждении о том, что «...интересы правосудия не должны рассматриваться в качестве основного защищаемого блага, если они охраняются в совокупности с другими, более важными общественными отношениями, особенно в тех случаях, когда их нарушение соответствующим преступлением необязательно»². Еще раньше эту идею, не связанную с интересами правосудия, представил Н.И. Коржанский³.

В гл. «Преступления против правосудия» также должны быть размещены: ст. 297 (Неуважение к суду), ст. 305 (Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного служебного акта), ст. 315 (Неисполнение приговора суда, решение суда или иного судебного акта) УК РФ.

Главу 2 образуют преступления против органов расследования, куда включены органы дознания и предварительного следствия. Она образуется из составов преступлений: самостоятельная уголовно-правовая норма, выделенная из ст. 294 УК РФ и предусматривающая уголовную ответственность

¹ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 30; см. также: Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая охрана жизни человека и ее оптимизация // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация / Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 7-8.

² Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 30.

³ *См.: Коржанский Н.И.* Ценностная характеристика объектов уголовно-правовой охраны и степень их преступного повреждения // Этика предварительного следствия. ВСМ МВД СССР. Волгоград, 1976. Вып. 15. С. 138.

69

только за воспрепятствование осуществлению предварительного расследования, ст. 299 (Привлечение заведомо невинного к уголовной ответственности), ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности), ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), ст. 302 (Принуждение к даче показаний), ст. 303 (Фальсификация доказательств), ст. 304 (Провокация взятки либо коммерческого подкупа), ст. 306 (Заведомо ложный донос), ст. 307 (Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод), ст. 308 (Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний), ст. 309 (Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу), ст. 310 (Разглашение данных предварительного расследования), ст. 312 (Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации) УК РФ.

В главу не попадает состав, предусматривающий уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ). По нашему мнению, объектом названного преступления выступает порядок управления. В настоящее время ст. 320 (Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного органа) УК РФ, расположенная законодателем в главе «Преступления против порядка управления» в полной мере отражает охраняемый объект этой группы составов преступлений. Сюда же должна быть помещена и ст. 311 УК РФ в качестве одной из частей ст. 320 УК РФ. Объектом данной главы выступают органы дознания и предварительного следствия, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства.

Глава «Преступления против органов, исполняющих уголовное наказание» включает в себя: ст. 313 (Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи), ст. 314 (Уклонение от отбывания лишения свободы) УК РФ. Здесь же, по нашему мнению, должна быть размещена норма, устанавливающая уголовную ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321

70

УК РФ), которая в настоящее время расположена в гл. «Преступления против порядка управления». Можно утверждать, что от такого преступления порядок управления терпит ущерб. Однако не менее очевидна главная направленность этого преступления — поставить под сомнение деятельность органов расследования, расследовавших дело, по которому лицо пребывает в местах лишения свободы, деятельность суда, вынесшего приговор, в соответствии с которым лицо отбывает наказание. Однако поскольку лицо, дезорганизующее работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, находится в местах лишения свободы под соответствующим контролем органов, исполняющих наказания, то и ущерб причиняется не суду, не органам предварительного расследования, а органам, исполняющим наказание. Именно эти органы своей деятельностью как бы олицетворяют суд и органы предварительного расследования, поскольку реализуют то, что образовано обозначенными органами. Соответственно объектом данной главы выступают органы, непосредственная деятельность которых направлена на исполнение наказаний, назначенных судом и вытекающим из материалов предварительного расследования.

Как уже отмечалось, состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, расположен в гл. 2, в группе составов преступлений, охраняющих органы дознания и предварительного следствия в части обеспечения ими задач уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 (Назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ.

Следовательно, норма, регламентирующая уголовную ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, также в качестве объекта охраняет органы предварительного расследования, обеспечивающих задачи уголовного судопроизводства в части удержания лиц, производящих дознание, следователей — от совершения деяний, образующих названный состав преступления.

Обобщая изложенное в настоящем параграфе, можно сформулировать некоторые выводы:

71

1. Глава 31 Особенной части УК РФ имеет несколько видовых объектов, что позволяет рассматривать ее не как главу, а как раздел.
2. Уголовно-правовая теория ориентирует основу деления составов преступления против правосудия не на объект либо не только на объект, но и на субъект, что, по нашему мнению, противоречит законодательной позиции по формированию разделов и глав Особенной части УК РФ.
3. Исходя из видового объекта всю главу преступлений против правосудия следует «разбить» на три группы составов преступлений: преступления против правосудия; преступления против органов следствия (органов дознания и предварительного расследования); преступления против органов, исполняющих уголовные наказания.

4. Состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности расположен во второй группе. Его объектом выступают органы, деятельность которых направлена на обеспечение задач, стоящих перед уголовным судом производством, и предусмотренных ст. 6 (Назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ в части удержания лиц, производящих дознание, следователей, прокуроров от совершения незаконного преступления.

72

Глава 2. ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНЫХ ЛИЦ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ЕЕ ПРИЗНАКОВ

2.1. Понятие объективной стороны состава привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц

Теория уголовного права практически не формулирует определение понятий объективной стороны какого-либо одного состава преступления. Такие формулировки чаще всего связывают с группой однородных составов. Например, понятие объективной стороны составов преступлений против личности (разд. 7 УК РФ) или понятие объективной стороны составов преступлений против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ). Вряд ли можно сомневаться в полезности таких определений. Наличие в науке уголовного права таких дефиниций позволяет находить в том или ином явлении, отражаемом соответствующей дефиницией, признаки, подчеркивающие его сущность. Кроме того, выявленные признаки всегда характеризуют всю группу отражаемых в определении составов преступлений. В то же время каждый из закладываемых в дефиницию признаков характерен для всей группы составов преступлений. Однако применительно к конкретным составам данной группы эти признаки приобретают определенную специфику, присущую только данному составу. Эта специфичность позволяет, во-первых, определить особенности данного состава преступления; во-вторых, отграничивать один состав преступления от другого состава данной группы. Вот почему, на наш взгляд, необходимо давать определение понятий, характеризующих не только группу, но и один состав преступления.

Возникает вопрос: можно ли при формулировании понятия объективной стороны исследуемого состава преступления ограничиться определением объективной стороны всех составов преступлений, расположенных в гл. «Преступления против правосудия»? Полагаем, что нет, нельзя. Во-первых,

73

в монографической и учебной литературе такое определение отсутствует. Так, автор гл. 17 «Преступления против правосудия» одного из учебника по уголовному праву В.П. Малков отмечает, что «с объективной стороны большинство преступлений против правосудия совершается путем активных действий... По законодательному описанию признаков объективной стороны

большинство таких преступлений относится к формальным составам пре-

1 ступени...» .

Можно ли представленное авторское суждение рассматривать в качестве определения объективной стороны преступлений против правосудия? Полагаем, что нельзя, главным образом потому, что оно не является таковым ни по форме, ни по содержанию. Во-вторых, даже если бы в теории уголовного права дефиниция, отражающая объективную сторону составов преступлений против правосудия существовала, то и в этом случае необходимо определение понятия объективной стороны конкретного состава преступления против правосудия, в нашем случае — состава, предусматривающего уголовную ответственность за привлечение к ответственности заведомо невиновного лица. И это, как представляется, обоснованно, поскольку, не определившись с такого рода понятием, практически невозможно определить с объективными признаками данного состава преступления, а это означает невозможность знания конкретных признаков, совокупность которых образует объективную сторону анализируемого состава. В-третьих, отсутствие определения понятия затрудняет установление в таком деянии общественной опасности как одного из признаков преступления, в том числе и преступления, рассматриваемого нами.

В теории уголовного права общественная опасность увязывается с признаками объективной стороны преступления. Так, П.С. Дагель отмечал: «Объективный характер общественной опасности обусловлен объективным характером вреда, причиняемого преступлением. Поэтому общественная

¹ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т.

74 ■ '

опасность деяния образуется его объективными признаками...»¹. Сказанное позволяет резюмировать, что признаки объективной стороны состава преступления отражают общественную опасность деяния. Без их знания практически невозможно определить с общественной опасностью как одним из материальных признаков преступления. Учитывая, что определение понятия объективной стороны любого состава должно содержать все, раскрывающие объективную сущность признаки состава, становится ясным, что без определения понятия объективной стороны невозможно определить на объективном уровне с общественной опасностью исследуемого преступления.

Все изложенное подчеркивает необходимость и важность формулирования понятия объективной стороны конкретного состава преступления, в том числе и состава, регламентирующего ответственность за привлечение к уголовной ответственности лиц, заведомо невиновных.

Автор настоящего исследования считает правильным следующее определение объективной стороны состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности: объективная сторона — это предусмотренное уголовным законом общественно опасное и противоправное действие, непосредственно направленное на конкретное уголовно-процессуальное преследование конкретного человека, не совершившего деяния, послужившего основанием для преследования.

Исходя из представленного определения, нетрудно вычленить признаки, посредством которых данное определение было сформулировано.

В этом ряду, прежде всего находится действие, обладающее общественной опасностью и

противоправностью. Названный признак означает, что привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности невозмож-

¹ *Дагель П.С.* Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки Дальневосточн. ун-та. Владивосток, 1960. Вып. 21. Ч. 1. С. 61; см. также: *Кудрявцев В.Н.* Социологический аспект преступления // Вопросы борьбы с преступностью. 1973. Вып. 18. С. 5; *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 67; *Мальцев В.В.* Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995. С. 59 и др.

75

но посредством бездействия. Бездействие в теории уголовного права определяется как «пассивная форма проявления поведения человека, выражающаяся в не совершении конкретного действия, которое он был обязан и мог совершить. Бездействие тождественно действию по своим социальным и юридическим свойствам и отличается от него лишь внешней, физической стороной-отсутствием телодвижения субъекта преступления»¹.

С изложенным пониманием бездействия, как представляется, можно согласиться лишь по существу. На самом деле бездействие объективно способно оказывать воздействие и вызывать изменения во внешнем мире.. В уголовно-правовом плане оно выражается в невыполнении лицом строго, определенных действий, которые оно должно было совершить и могло совершить. В этой связи очень важное дополнение делает И.М. Тяжкова (автор одной из глав Курса уголовного права. — *А.Л.*), когда пишет, что лицо должно было и могло действовать не вообще, а в конкретных условиях. Без такого рода конкретизации будет невозможно обосновать привлечение лица к уголовной ответственности в соответствии с принципами уголовного права. В то же время достаточно трудно согласиться с авторами в той части понимания ими категории бездействия, в которой они утверждают о пассивности с бездействия. Это утверждение (пассивность бездействия.—*А.Л.*) в теории уголовного права практически общепризнанно. На самом же деле уголовно-правовое бездействие может быть как пассивным, так и активным. Семантическое понятие «пассивность» означает «бездеятельность, инертность...»². Уместен вопрос: бездеятелен ли субъект преступления, совершающий общественно опасное и противоправное деяние посредством бездействия, инертен ли он в этой ситуации? Полагаем, что ответ на этот вопрос будет зависеть от формы вины лица, совершившего преступление. Так, если речь идет о вине в виде легкомыслия или небрежности, то бездействие лица при этом мо-

¹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. С. 325; см. также: Курс уголовного права: В 5 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 228 и др.

² Словарь русского языка: В 4 т. М, 1987. Т. 3. С. 396.

76

жет быть инертным. В случаях же совершения преступления с прямым или косвенным умыслом трудно назвать такого рода бездействие бездеятельным и инертным.

В данной ситуации бездействие лица носит целеустремленный и активный характер. Некоторые могут сказать, что отграничение пассивного деяния от активного следует проводить по объективному, а не субъективному фактору.

Данный тезис, если речь идет о преступлении, не верен. Лицо, которое направляет свое бездействие в русло наступления какого-либо результата, связывающего этот результат с характером бездействия, тем самым проявляет не пассивность, а активность. Иначе, на наш взгляд, и быть не может, ведь бездействующее лицо обязано было действовать и могло действовать в конкретной обстановке, пространстве и времени, но бездействовало, добиваясь конкретного результата такого рода активным, а не пассивным поведением.

Подводя итог сказанному, можно было бы таким образом определить анализируемое понятие. Бездействие — это общественно опасное, противоправное невыполнение лицом действий, которые оно обязано было и могло совершить в конкретной обстановке и в конкретное время.

Как уже отмечалось, одним из признаков объективной стороны состава привлечения к уголовной ответственности лиц, заведомо невиновных, выступает действие. При этом мы считаем, что выполнить названный состав бездействием невозможно и обосновываем это следующим. В качестве преступного результата анализируемого состава выступает привлечение лица к уголовной ответственности. Это следует из наименования статьи, предусматривающей уголовную ответственность за данное деяние. Статья 299 УК РФ так и называется: «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности». Он (этот вывод) подтверждается и содержанием ч. 1 указанной статьи, в которой отмечается: «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности...».

77

Названный результат не является самостоятельным признаком отдельно от деяния, направленного на его достижение. Он — часть самого деяния, в известной мере поэтому этот состав отнесен (по своей конструкции) к формальным составам¹. Относительно данного обстоятельства (формальности состава. — *А.Л.*) речь пойдет далее. Здесь же необходимо отметить, что привлечение к уголовной ответственности — процесс, включающий в себя целый ряд элементов, выполнение которых возможно лишь посредством действий. Сюда следует отнести вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, осуществление иных следственных действий: допрос, опознание, назначение экспертиз, предъявление обвинения и т.д. Все сказанное позволяет утверждать о невозможности совершения преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ посредством бездействия.

Вводя в качестве одного из признаков объективной стороны состава привлечения к ответственности заведомо невиновного лица «действие», мы считаем, что оно должно быть общественно опасным и противоправным. Названные свойства действия должны быть таковыми: общественно опасными и противоправными не только в связи с осознанием виновным лицом привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного, а главным образом потому, что совершаемое действие, выполнение тех или иных процессуальных действий объективно является общественно опасным и противоправным. Такого рода общественная опасность определяется не видом проводимого следственного действия, не предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а самим фактом его проведения в отношении лица, которое объективно не совершало и не участвовало в совершении предусмотренного действующем УК РФ преступления. В этом случае наличие в совершаемом действии свойств общественной опасности автоматически означает и наличие в нем свойства противоправности. Изложенное представление относительно объективной стороны общественной опасности и противо-

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова Саратов, 1999. С. 556 и др.

78

правности действия применительно к исследуемому составу преступления позволяет провести отграничение анализируемого объективного признака от признака субъективного. В этом плане весьма проблематично согласиться с суждением СМ. Рахметова, утверждающего, что «объективная сторона данного преступления (речь идет о привлечении к ответственности заведомо невиновного. — *А.Л.*) состоит в привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности»¹. Как представляется, данная точка зрения отражает не объективную сторону рассматриваемого преступления, а субъективную.

Следующий объективный признак, который заложен нами в определение понятия — это направленность деяния на уголовное преследование. В составе, предусматривающем ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, законодатель употребляет словосочетание «уголовная ответственность». Думается, категория «уголовная ответственность» по своему содержанию не ясна. Это характерно и для уголовного законодательства в целом, и для науки уголовного права. Действующий УК РФ не имеет ни нормы, ни положения, в котором давалось бы толкование названного понятия, хотя, по-нашему мнению, с учетом использования данного словосочетания в ряде уголовно-правовых положений УК РФ необходимость такого разъяснения становится очевидной. -

На самом деле в положениях, выступающих в качестве базовых, законодатель оперирует названной категорией. Это касается ст. 2 (Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации), ст. 4 (Принцип равенства граждан перед законом), ст. 5 (Принцип вины), ст. 6 (Принцип справедливости), ст. 8 (Основание уголовной ответственности) УК РФ. Есть и ряд других положений и норм Общей и Особенной частей УК РФ, в которых законодатель использует названное словосочетание. Указанные статьи с учетом их важности актуализируют потребность в законодательной расшифровке понятия «уго-

¹ *Рахметов СМ.* Ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по УК Республики Казахстан. Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации // Научно-практическая конференция, посвященная памяти проф. А.Н. Красикова. Саратов, 2002. С. 25.

79

ловная ответственность». Особенно это применительно к ст. 8 УК РФ, которая именуется «Основание уголовной ответственности». Она гласит: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Из представленного положения совершенно не ясно, что представляет собой в содержательном плане категория «уголовная ответственность»[^] ка- кого момента или времени она начинает проявлять себя или прекращает свое юридическое, точнее — уголовно-правовое воздействие. В свете изложенного, складывается впечатление о проблемности действующего УК РФ. В то же время следует иметь в виду, что далеко не всегда законодатель расшифровывает все категории, которыми он оперирует. Нередко в этом просто нет необходимости, поскольку

многие из них понятны сами по себе, некоторые из них хорошо представлены в теории уголовного права. Так, например, в этом ряду можно назвать категорию, «общественно опасное деяние». Этой фразой законодатель пользуется, определяя понятие преступления, в частности в ст. 14 (Понятие преступления) УК РФ. Важность этого понятия совершенно очевидна, в том числе и для правоприменительной практики. Именно, исходя из содержания этого признака, делается вывод о преступном или не преступном деянии. В этой связи отсутствие его законодательного толкования создает впечатление пробельности в уголовном законе. На самом деле это не так, поскольку теория уголовного права решает этот вопрос на своем уровне и проблем относительно содержания анализируемой категории у правоприменителей, как правило, не возникает. Можно ли это сказать в отношении понятия «уголовная ответственность»? Думается, что нельзя.

Так, М.Д. Шаргородский полагал, что уголовная ответственность — это «мера государственного принуждения, заключающаяся в лишениях личного или имущественного характера»¹. Иное понимание рассматриваемой категории дает Б.В. Волженкин. Он считает, что уголовная ответственность —

¹ *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 451-452; см. также: *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основания уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 96.

80

это «предусмотренная законом обязанность виновного лица отвечать в случае совершения преступления в уголовном порядке, подчиняться мере принуждения, которую государство имеет право применить»¹.

По мнению Я.М. Брайна, уголовная ответственность — это обязанность лица подлежать действию уголовного закона при наличии в действиях виновного предусмотренного этим законом состава преступления.

Отличное от всех обозначенных, понятие уголовной ответственности дает И.Я. Козаченко. Он полагает, что уголовная ответственность представляет собой «...возникшее с момента совершения преступления правоотношение между государством и лицом, совершившим преступление: при этом государство правомочно ограничивать правовой статус виновного с целью его исправления и перевоспитания, а тот в свою очередь обязан претерпеть лишения личного и имущественного характера, возникшие из осуждения его от имени государства»².

Более простой вариант определения уголовной ответственности дают авторы монографии «Механизм уголовно-правового регулирования», которые определяют уголовную ответственность как «...результат основанного на уголовном законе порицания (отрицательной оценки) совершенного общественно опасного деяния и лица, его совершившего, со стороны государства, выраженного в обвинительном приговоре суду»³.

Гораздо раньше практически эту же мысль высказал К.Ф. Тихонов⁴. Достаточно оригинальную позицию по этому вопросу уголовного права представил Б.Т. Разгильдиев. Он отмечает, что уголовная ответственность — это «состояние, основанное на признании судом от имени государства РФ в форме обвинительного приговора преступником лица, виновно совершивше-

¹ *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М.,

1965. С. 32.

² *Козаченко И.Я.* Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Текст лекций. Свердловск, 1987. С. 21.

³ *Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н.* Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 168.

⁴ См.: *Тихонов К.Ф.* Субъективная сторона преступления Саратов, 1967. С. 31-41.

81

го преступление, предусмотренное уголовным законом, связанное с ограничением его прав и свобод»¹.

Есть на этот счет и целый ряд других определений. Изложенные понятия уголовной ответственности по своему содержанию, границам действия, моментам возникновения и прекращения различны. В этом плане представляют интерес существующие в уголовно-правовой теории точки зрения относительно момента возникновения уголовной ответственности. Решение вопроса о возникновении момента начала уголовной ответственности очень важно применительно к составу, предусматривающему ответственность по ст. 299 УК РФ. Ведь от решения вопроса, с какого момента лицо привлечено к уголовной ответственности, определяется окончанность или неоконченность рассматриваемого состава преступления в деянии того или иного субъекта преступления.

Необходимо отметить, что по этому вопросу в теории уголовного права нет единой позиции. Существующие точки зрения настолько не совпадают, что в определенной мере дают основания для вывода о неразработанности этой проблемы в науке уголовного права. Поскольку рассматриваемая проблема (момент начала уголовной ответственности) так или иначе характеризует само содержание уголовной ответственности, то такая ситуация свидетельствует о недостаточной разработанности понятия «уголовная ответственность».

Как уже отмечалось, относительно момента возникновения уголовной ответственности в теории представлен целый ряд суждений. Так, например, А.А. Пионтковский полагал, что уголовная ответственность возникает с мо-

мента совершения преступления, даже если преступление не раскрыто, а лицо, его совершившее, не известно органам правосудия². Иная точка зрения сформулирована Н.А. Огурцовым. Он связывает начало уголовной ответст-

¹ *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1995. С. 292.

² См.: *Пионтковский А.А.* Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. 1962. № 2. С. 89 и др.

82

венности с моментом применения к лицу определенных мер пресечения¹. Другие исследователи возникновение уголовной ответственности увязывают с вступлением обвинительного приговора в законную силу². Высказаны на этот счет и иные точки зрения, однако они лишь в той или иной мере конкретизируют представленные суждения, не изменяя их по существу.

Считаем не достаточно обоснованной точку зрения исследователей, усматривающих начало уголовной ответственности с момента совершения преступления. Всякая ответственность, в том числе и уголовно-правовая, есть результат нарушения обязанности. Так, например, уголовный закон, предусматривающий ответственность за разбой, возлагает на всех граждан, достигших возраста 14 лет, вменяемых, обязанность воздерживаться от совершения этого преступления. Если же лицо совершает разбой, то на него должна будет возложена обязанность понести уголовную ответственность в пределах санкции нормы, предусматривающей ответственность за данное деяние³. Отсюда следует вывод: уголовная ответственность — это некое следствие, результат совершенного преступления. В связи с этим возникает вопрос: когда преступление считается совершенным? Полагаем, ответ на него достаточно убедительно вытекает из позиции Б.Т. Разгильдиева, который отмечает: «Преступление считается совершенным в момент нарушенной обязанности по воздержанию от совершения преступления. Это и отражается в соответствующем приговоре суда, где прямо указывается, что преступление совершено не в момент вынесения приговора, а в момент нарушения самой обязанности. Однако всякое преступление предполагает конкретное лицо, его совершившее, соответствующий объем ответственности за содеянное. Без

¹ См.: *Огурцов НА*. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 162

² См.: *Смирнов ВТ*. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 158; *Тарбагаем А.Н*. Пределы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности. Красноярск, 1986; *Разгильдиев Б.Т*. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 168; *Мальцев В.В*. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 191.

³ См.: *Разгильдиев Б. Т*. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права Российской Федерации. 1995. С. 210.

решения названных вопросов не может быть конкретного преступления, а их разрешение возможно лишь определенными методами и в формах, установленных уголовно-процессуальным законодательством...А если это так, то можем ли мы в момент фактического совершения преступления признавать, что лицо, его совершившее, начинает нести уголовную ответственность? Думается, что нет_ В момент фактического совершения преступления уголовная ответственность возникнуть не может, поскольку в этот период совершенное преступление не приобрело соответствующую уголовно-процессуальную форму (приговор суда, вступивший в законную силу)»¹.

В силу этих обстоятельств невозможно обосновать начало уголовной ответственности с моментом избрания в отношении обвиняемого лица соответствующей меры пресечения. Даже если в отношении лица избрана мера пресечения в виде ареста, то ничего принципиального в этом плане не меняется. Это лицо, хотя и приобрело статус обвиняемого, но не признано судом виновным в совершении конкретного преступления, в его отношении не вынесен обвинительный приговор суда. Более того, еще не известно, будет ли такого рода приговор вынесен вообще. Вполне может оказаться, что преступление, в котором лицо обвиняется, и по которому оно содержится под стражей, не

совершалось вообще либо было совершено другим лицом, либо речь идет о другом преступлении.

Диссертант считает, что применительно к рассматриваемой проблеме предпочтительней точка зрения исследователей, связывающих начало уголовной ответственности с вступлением приговора в законную силу. Эта позиция в большей мере обеспечивает конституционный принцип презумпции невиновности.

В ст. 49 Конституции РФ отмечается: «1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена

¹ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. С. 166-167.

84

вступившим в законную силу приговором суда...»¹. Из этого положения вытекает вывод о том, что преступление предполагает вину лица, его совершившего. Вина лица определяется вступившим в законную силу приговором суда, который, разумеется, обвинительный и определяет начало течения уголовной ответственности.

Есть определенные основания полагать, что такое понимание начала уголовной ответственности разделяет и законодатель в УК РФ. Обоснованием этому, по нашему мнению, могут служить некоторые положения УК РФ. Так, вч.2 ст. 2 (Задачи Уголовного Кодекса Российской Федерации) УК РФ отмечается: «Для осуществления этих задач (речь идет об охране личности, общества и государства от преступных посягательств и предупреждении преступлений. — А.Л.) настоящий Кодекс устанавливает основания и принципы уголовной ответственности...». Как видим, в данном уголовно-правовом положении говорится об основании уголовной ответственности и принципах уголовной ответственности. Речь идет не об основаниях привлечения к уголовной ответственности, а именно о самой уголовной ответственности. Процесс привлечения к уголовной ответственности определяется уголовно-процессуальным законодательством в соответствии с теми принципами, которыми оперирует законодатель уголовно-процессуального права, а не права материального, каковым в этом плане и выступает законодательство уголовное. Если мы посмотрим на содержательные аспекты соответствующих уголовно-правовых положений, регламентирующих основание и принципы уголовной ответственности, то убедимся, что закон имеет в виду не процесс привлечения к уголовной ответственности, а сам факт уголовной ответственности. В ст. 8 (Основание уголовной ответственности) УК РФ подчеркивается: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Следовательно, в Законе констатируется, что возложить на

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 19.

85

лицо уголовную ответственность можно лишь тогда, когда в его деянии будут установлены все без исключения признаки состава преступления, предусмотренные не Уголовно-процессуальным, а Уголовным кодексом РФ. Этим же принципом законодатель руководствовался и при формировании уголовно-правовых норм. Так, например, излагая

принцип равенства граждан перед законом, законодатель подчеркивает, что «лица, совершившие преступление,

«! равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо ...».

Данное положение имеет в виду не процесс привлечения лица к уголовной ответственности, а сам факт возложения на него обязанности понести уголовную ответственность. В силу того, что оно (это лицо) признается судом виновным в совершении преступления и в этом плане несет уголовную ответственность независимо от тех обстоятельств, о которых говорит законодатель в ст. 4 (Принцип равенства граждан перед законом) УК РФ. То же самое можно увидеть в положениях, регламентирующих принцип вины, справедливости. По нашим данным, 63% опрошенных граждан связывают привлечение

^, к уголовной ответственности с судом. Эта цифра составляет 81% применительно к практическим работникам.

Все изложенное относительно содержания категории «уголовная ответственность», границ ее действия, момента возникновения дает определенные основания говорить о ее недостаточной разработанности, а потому нецелесообразности использования в нормах уголовного законодательства, регламентирующих составы преступлений, ответственность за совершение которых непосредственно связана с понятием «уголовная ответственность». Речь идет о ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности), ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности) УК РФ. На самом деле в обеих названных уголовно-правовых нормах законодатель оперирует обязательным для них признаком: уголовная ответственность. И в том и в другом случаях названный признак представлен не в уголовно-правовом, а в уголовно-процессуальном аспектах. Об этом можно судить исходя из позиции самого законодателя. В ч. 1 ст. 299 (Привлечение за-

ведомо невиновного к уголовной ответственности) УК РФ отмечается: «1. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности...». Таким образом, законодатель рассматривает в данной уголовно-правовой норме уголовную ответственность не как обязанность, возлагаемую приговором суда на виновное лицо, а как процесс, направленный лишь в конечном итоге на возможное возложение на лицо такого рода обязанности. Рамки данного

«. процесса закон не ограничивает. Сделать это посредством признака «уголовная ответственность», который вводится в содержание данной нормы, как представляется, невозможно. Можно предположить, что в силу именно этих обстоятельств ряд зарубежных уголовных законодательств в аналогичных нормах употребляют категорию «привлечение в качестве обвиняемого», а не «уголовную ответственность»¹. Это неверно и по существу, поскольку непосредственным привлечением лиц к уголовной ответственности за совершенные ими преступления занимается суд и только суд, в то время как субъектом ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности)

ь, УК РФ выступает не судья, а отдельные работники правоохранительных органов. Такого рода лица (следователь, прокурор, лицо, производящее дознание) в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством России не

привлекают к уголовной ответственности, а осуществляют уголовное преследование. Уголовно-процессуальное законодательство России более не оперирует категорией «уголовная ответственность» применительно к деятельности прокурора, следователя и дознавателя, в том числе и в части обвинения в суде. В настоящее время их деятельность по возбуждению уголовного дела, его расследованию, обвинению в суде есть не что иное, как уголовное преследование. И это совершенно обосновано, поскольку, как

* уже отмечалось, выполнение следователем, дознавателем и прокурором своих функций — не есть непосредственное привлечение лиц к уголовной ответственности. Для того чтобы позиция закона и материального и уголовно-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 350; Уголовный кодекс КНР. СПб., 2001. С. 267.

87

процессуального права оказалась обоснованной и последовательной, необходимо изъять из вышеназванных статей УК РФ признак «уголовная ответственность», заменив его признаком «уголовное преследование». В этом случае границы действия лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 299 и 300 УК РФ, будут достаточно ясны и, как представляется, позволят обеспечить реализацию всех уголовно-правовых принципов, а значит — повысить эффективность уголовно-правовой охраны личности, общества государства.

В теории уголовного права относительно ст. 299 УК РФ уже высказывалась точка зрения о необходимости такого рода изменения. Так, Л.В. Лобанова отмечает: «...Термин «уголовное преследование» вполне может быть использован в названии состава преступления, который необходимо сконструировать для защиты от необоснованного осуждения невиновных лиц»¹.

В соответствии с изложенным относительно словосочетания «уголовная ответственность» предлагается внести следующие изменения в ст. 299 и 300 УК РФ. Из наименования статей следует изъять фразы «к уголовной ответственности» (ст. 299 УК РФ) «от уголовной ответственности» (ст. 300 УК РФ), заменив их словосочетанием «незаконное уголовное преследование» (применительно к ст. 299 УК РФ) и «от уголовного преследования» (применительно к ст. 300 УК РФ). Интересна в этом плане позиция УК Швеции. Закон говорит о возбуждении уголовного преследования невиновного лица с намерением осудить последнего².

Вводя в объективную сторону анализируемого состава признак «уголовное преследование» следует иметь в виду, что этот признак должен характеризоваться определенным качеством. Речь идет о том, чтобы уголовное преследование было конкретным, во-первых, и, во-вторых, оно (уголовное преследование) должно быть направлено на преследование конкретного человека; в-третьих, человек, в отношении которого осуществляется уголовное

¹ См.: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 70.

² См.: Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 118-119.

88

преследование, не совершил преступления, послужившего основанием для возбуждения и осуществления уголовного преследования.

Все изложенное относительно понятия «объективная сторона состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности» позволило сформулировать новое, ранее не существовавшее в теории уголовного права понятие объективной стороны исследуемого состава: объективная сторона — это предусмотренное уголовным законом общественно опасное и противоправное действие, непосредственно направленное на конкретное уголовное преследование конкретного человека, не совершившего деяние, послужившее основанием для осуществления уголовного преследования. Данное определение позволило включить в него признаки: действие, которое должно быть общественно опасным и противоправным, уголовное преследование. Этот признак введен вместо признака «уголовная ответственность». Произведенная замена осуществлена в силу недостаточной ясности уголовно-правовой категории «уголовная ответственность». Отсутствие должной ясности по заявленной категории как на уровне уголовного законодательства, так и на уровне теории уголовного права не позволяет обеспечить реализацию в рассматриваемой части принципов уголовного права.

Дальнейшее использование понятия «уголовная ответственность» является необоснованным и по существу, поскольку вопросами привлечения к уголовной ответственности непосредственно занимается суд, в то время как субъектами исследуемого состава преступления выступают отдельные субъекты правоохранительных органов. Уголовное преследование должно характеризоваться определенным содержанием. В частности, речь идет о том, чтобы уголовное преследование было конкретным и направленным на конкретного человека. Этот человек не совершал деяния, послужившего основанием для возбуждения данного уголовного преследования. Однако оно возбуждено и осуществлено по основаниям, не содержащимся в поведении преследуемого.

89

2.2. Уголовно-правовая характеристика признаков, образующих объективную сторону состава привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного

Исследуемый состав преступления, как уже отмечалось, может быть выполнен только посредством действия. В этой связи следует определиться с понятием «действие». Законодатель не определил своего отношения к данному вопросу, хотя, как представляется, его важность не требует каких-либо доказательств. Это совершенно очевидно, поскольку именно посредством действия осуществляется посягательство на охраняемые уголовным законом отношения. Следовательно, действие должно характеризоваться определенными свойствами, без наличия которых отнести то или иное действие к категории уголовно-правовых не представляется возможным. Совокупность такого рода свойств и должна характеризовать общественную опасность действия. При этом опасность должна образовываться на объективном уровне, без включения в нее признаков, свойств субъективного характера. Ю.А. Демидов отмечал, что «в литературе по уголовному праву объективный характер общественной опасности часто утверждается, постулируется, но не обосновывается»¹.

Существующие на этот счет определения понятия «действием» носят настолько

неконкретный характер, что практически не позволяют определять его свойства, на основании которых можно оценивать данное действие как общественно опасное. При этом такие определения, как правило, сопровождаются признаками субъективной стороны, в связи с чем возникает вопрос: может ли действие как признак объективной стороны состава преступления существовать на уровне анализа, без признаков субъективной стороны состава? На наш взгляд может, иначе утрачивается смысл деления состава преступления на признаки объективные и признаки субъективные. В связи с этим уместно обратиться к уголовно-правовой литературе. Так, Р.Р. Галиакбаров следующим образом определяет уголовно-правовое действие: «Преступное

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 63.

90

действие — это акт внешнего поведения человека, то есть активное, сознательное, общественно опасное, противоправное вмешательство в ход событий и явлений в окружающем мире»¹. Несколько иначе формулирует определение действия А.В. Наумов: «...Уголовно-правовое действие представляет собой общественно опасное, волевое и активное поведение человека»².

Как видно, авторы при характеристике действия оперируют и признаками, непосредственно не относящимися к объективным. В приведенных случаях речь идет о таких признаках, как сознательность (Р.Р. Галиакбаров), воленость (А.В. Наумов). Кроме того, ни в одном из определений действия нет свойств, признаков, которые бы отражали общественную опасность действия, хотя в обоих определениях она (общественная опасность) констатируется. Однако, как представляется, просто констатировать факт общественной опасности действия, не раскрывая свойств общественной опасности, означает уход от анализа сущности преступления, его материальной основы. В теории уголовного права отмечалось, что «...судить о наличии или отсутствии общественной опасности можно только по объективной стороне состава, ибо лишь она выражает действие и ущерб, причиненный ими. Вне этого действия все остальные элементы состава преступления сами по себе не представляют общественной опасности»³.

В свете изложенного можно дать следующее определение понятию «уголовно-правовое действие»: уголовно-правовое действие — это предусмотренное соответствующей уголовно-правовой нормой физическое поведение, причиняющее вред охраняемым уголовным законом отношениям либо создающее непосредственную угрозу причинения вреда. Из данного определения видно, что оно характеризуется рядом признаков. Прежде всего речь идет о поведении физическом. Названный признак означает такое поведение лица, которое характеризуется «работой» внешних органов человеческого те-

¹ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 79.

² Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.В. Наумова. М., 1994. С. 91.

³ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 67.

91

ла: рук, ног, головы, бровей, ресниц, глаз, плеч, других внешних органов, объективно проявляющих себя в пространстве и времени. Считаем, что слово «телодвижение» не

очень сочетается со словом «поведение», а действие — это, конечно же, поведение. Отождествлять понятия «поведение» и «телодвижение» не только не совсем корректно. Это отождествление искажает действительное положение вещей, ведь телодвижение еще не есть поведение. Видимо, по этой причине А.В. Наумов утверждает, что главным «для преступного действия является не физическая, а социальная характеристика, в качестве которой выступает его общественная опасность»¹. Такого рода утверждение не бесспорно. Полагаем, что вряд ли обоснована дифференциация действия на его физическую и социальную суть. Это было бы, на наш взгляд, правомерно лишь в случаях, когда каждый из названных аспектов существовал самостоятельно друг от друга. На самом же деле, говоря о физическом и социальном аспектах, мы говорим об одном и том же явлении. Действие лишь тогда носит уголовно-правовой характер, когда несет в себе соответствующий уровень общественной опасности. Без такой опасности говорить о действии в уголовно-правовом плане не представляется возможным. Физический и социальный аспект — это две стороны одного и того же явления. Оба этих аспекта отдельно друг от друга существовать не могут и лишь их совокупность порождает явление в целом

Следующий признак сформулированного нами определения уголовно-правового действия — это причинение им (этим действием) вреда охраняемым уголовным законом отношениям либо угроза такого рода причинения. Названный признак означает, что физическое действие приобретает общественную опасность главным образом своей способностью негативно воздействовать на охраняемые уголовным законом отношения или создавать угрозу такого негативного воздействия. В свете изложенного уместен вопрос: само по себе физическое действие, без причинения вреда охраняемым отношениям, яв-

Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 160.

92

ляется общественно опасным или общественная опасность действия всегда преломляется через вред, наступивший от совершенного действия? По этому вопросу в уголовно-правовой науке достигнуто определенное единство мнений. Практически все отмечают прямую связь деяния с вредом либо с угрозой его наступления. В то же время уровень этого вреда исследователи объясняют не только последствиями совершенного деяния. Например, П.С. Дагель отмечал: «Объективный характер общественной опасности обусловлен объективным характером вреда, причиняемого преступлением. Поэтому общественная опасность деяния образуется его объективными признаками (последствия, способ, место, время, объект и т.д.)»¹.

Несколько иная позиция на этот счет представлена В.Н. Кудрявцевым. По его мнению, «общественная опасность — важнейшая социальная характеристика преступления, но она отражает только одну его сторону: тот вред, который причинен или может быть причинен обществу преступным поведением»². В качестве определяющих параметров уровня общественной опасности автор называет вероятность наступления последствий, их возможную тяжесть, распространенность такого рода действий³.

Таким образом, общественную опасность деяния авторы связывали не только с непосредственным вредом, наступившим непосредственно от деяния лица, но и с другими факторами объективного порядка. Наиболее категорично на этот счет суждение П.П. Осипова: «С точки зрения общественной опасности умышленное убийство ничем не

отличается от неосторожного, а оба они от лишения жизни неменяемым, потому что материальный (в широком смысле этого слова) ущерб один и тот же. С точки зрения непосредственных социальных потерь не имеет значения, умышленно ли был убит, например, гр. А. или по неосторожности, либо же вообще пал жертвой несчастного случая, потому что общественная опасность деяния определяется вели-

¹ *Дагель П. С.* Проблемы вины в советском уголовном праве. С. 21.

² *Кудрявцев В.Н.* Социологический аспект преступления. С. 5.

³ См.: *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С.100.

93

чиной причиненного вреда и ценностью поражаемого им общественного отношения»¹.

Приведенные позиции авторов показывают, что деяние, в нашем случае физическое действие, является общественно опасным в той части, в какой оно (деяние) причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям, либо создает опасность такого рода причинения. Проблема уголовно-

«в правовой оценки причиняемого вреда, в том числе и в части угрозы его при-

чинения, чрезвычайно актуальна, ибо именно вред лежит, по нашему мнению, в основе общественной опасности, которая должна быть максимально представлена в уголовном законе в качестве самостоятельного признака. «Четкая обозначенность общественной опасности преступления, — пишет В.В. Мальцев, — означает существование единого объективного масштаба уголовной ответственности, без которого невозможна реализация в уголовном праве его кардинальных принципов: справедливости и равенства граждан перед законом. Между тем таковая может иметь место лишь в случаях

^ максимально точного отражения в уголовно-правовой норме всех существ-

венных признаков действительного общественно опасного поведения, а значит и его последствий...»².

Данная точка зрения весьма основательна, поскольку, действительно, чем четче позиция закона относительно причиненного вреда соответствующим отношениям, в том числе и в части угрозы, тем проще на объективном уровне давать оценку общественной опасности совершенного деяния, и значит таким образом формируется база для реализации практически всех уголовно-правовых принципов. Правда, в свете изложенного относительно связи действия и вреда вряд ли можно согласиться с точкой зрения В.В. Мальцева, выделяющего в качестве самостоятельного признака общественной опасно-

¹ *Осинов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 122.

² *Мальцев В.В.* Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. С. 64. Несколько раньше эту мысль высказал В.М. Коган (см.: Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 79).

94

сти не только деяние, но и преступные последствия. Как представляется, общественная опасность деяния определяется тем уровнем последствий, то есть вреда, который заложен в нем (деянии).

Теория уголовного права и ныне действующее уголовное законодательство России знает уголовно-правовые нормы, в которых вред от деяния в виде конкретизированных преступных последствий не обозначен. Такого рода составы преступлений (по их конструктивным особенностям) принято считать формальными. В этой ситуации создается видимость, что к уголовной ответственности, если, разумеется, в деянии имеются весь набор объективных и субъективных элементов и признаков, лица привлекаются за сам факт совершения физического действия. Возьмем, к примеру, состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за убийство. Общеизвестно, что названный состав относится к разряду материальных. Следовательно, он будет в полной мере установлен в деянии лица, когда наступит смерть потерпевшего. Именно смерть потерпевшего и выступает правовым последствием анализируемого состава преступления. Смерть — это вред, который несло в себе совершенное лицом деяние. Смерть, таким образом, непосредственно заложена в качестве самостоятельного и обязательного признака состава убийства.

Другую ситуацию можно видеть в норме, предусматривающей уголовную ответственность, скажем, за ложный донос (ст. 306 УК РФ). В ч. 1 указанной статьи отмечается: «Заведомо ложный донос о совершении преступления...». Данная норма, по своей конструкции, сформирована по формальному основанию. В ней законодатель не определился с вредом, который как бы вытекает из физического действия по осуществлению ложного доноса о совершении лицом преступления. Он предусмотрел уголовную ответственность за само действие, непосредственно связанное с заведомо ложным доносом.

Таким образом, создается реальная видимость, что ответственность наступает за действие, не связанное с причинением вреда. В этом плане едва ли может возникнуть вопрос об объективном основании привлечения лица к

95

уголовной ответственности, поскольку очевидно, что таким основанием выступают действия по осуществлению ложного доноса. Однако действия сами по себе, если они не причиняют вреда охраняемым уголовным законом отношениям либо не создают угрозы причинения такого вреда, не могут оцениваться как общественно опасные и, стало быть, исключают их оценку с позиции преступления, поскольку отсутствует в этом случае материальный признак преступления, его общественная опасность. Вместе с тем нетрудно предположить, что действия, отражающие заведомо ложный донос о совершении преступления, общественно опасны, потому что причиняют вред охраняемым уголовным законом отношениям. Этот вред выражается в том, что соответствующие работники правоохранительных органов используют их (эти органы) не для выполнения задач, сформулированных перед ними, законными представителями, которых они являются, а для выполнения задач, борьба с которыми должна осуществляться этими органами. Следовательно, лица, осуществляющие заведомо ложный донос о совершении преступления, ставят правоохранительные структуры, их работников, через деятельность которых обеспечиваются задачи правоохранительных структур, в условия, когда правоохранительная система объективно причиняет зло.

Изложенное относительно вреда в формальных составах преступлений дает серьезное основание предположить, что и в этих составах деяния в той же мере, как и в составах материальных, непосредственно причиняют вред охраняемым уголовным законом

отношениям. Тот факт, что законодатель в формальных составах причиняемый вред не конкретизирует, вовсе не свидетельствует о его нежелании обеспечить реализацию уголовно-правовых принципов. Напротив, по нашему мнению, наличие в законодательстве формальных составов в большей мере подчеркивает желание законодателя действовать в рамках принципов уголовного права. Само по себе присутствие формальных составов в УК РФ существенно усиливает охрану соответствующих отношений от преступных посягательств. Обосновывается это тем, что при конструировании такого рода составов законодатель берет за основу

96

само деяние и его непосредственную (объективную) направленность на отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. В этих случаях в Законе максимально конкретизируются физические действия лица и определяется таким образом вред, который они вызывают. Так, к примеру в ст. 205 (Терроризм) УК РФ законодатель максимально конкретизировал физические действия — это взрыв, поджог, иные действия, создающие опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. Такого рода конкретизация позволяет законодателю наиболее четко, в том числе в плане физическом, показать непосредственную взаимосвязь между физическими действиями и их воздействием на отношения, охраняемые уголовным законом. Весьма важно, что такие действия показывают не только взаимосвязь между объектом и действиями, направленными на него, но и глубину, особенности вреда, которые они вызывают в этом объекте. Это имеет место фактически в любом формальном составе преступления¹.

Когда мы говорим о физических действиях, причиняющих вред либо создающих угрозу такого причинения, имеется в виду вред, который причиняется непосредственно отношениям, охраняемым соответствующим уголовным законом. Однако при этом причиненный вред следует усматривать как в объекте, на который посягало лицо, совершившее физические действия, так и в самих действиях, посредством которых лицо посягало на этот объект. Если же ограничивать вредоносность деяния только объектом посягательства, тогда крайне сложно будет обосновать уголовную ответственность за угрозу причинения вреда. Как известно, при неоконченном преступлении, особенно если речь идет о приготовлении к преступлению и неоконченном покушении, лицо объективно не воздействует на охраняемые уголовным законом отношения. В этих ситуациях объект лишь ставится под уг-

¹ См.: Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 18; см. также: Курс уголовного права: В 5 т. Т. 3: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 260.

97

розу причинения ему вреда. И в этом плане трудно согласиться с Н.К. Се-мерневой считающей, что «основания и пределы уголовной ответственности за неоконченное преступление те же, что и за оконченное, так как в нем содержатся все признаки преступления — общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Единственным отличием от оконченного преступления является незавершенность действий по причинам, не зависящим от воли виновного»¹. Представленное суждение

противоречит позиции законодателя. В ст. 8 (Основание уголовной ответственности) УК РФ указывается: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Из текста изложенного уголовно-правового положения вытекает, что в основе уголовной ответственности лежит лишь деяние, содержащее все признаки состава преступления. Что означает законодательная фраза «все признаки состава преступления», думается, ясно. Действующее уголовное законодательство не содержит составов преступлений, регламентирующих уголовную ответственность за неоконченное преступление. Уголовно-правовое положение, регламентирующее неоконченное преступление, составом преступления быть не может. В этом качестве оно не может выступать и по существу, поскольку и конструктивно, и содержательно анализируемое положение принципиально отличается от состава преступления, и в этом смысле оно не может выступать основанием уголовной ответственности за неоконченное преступление. Неспроста в теории уголовного права отмечается, что «...действующий вариант нормы, регламентирующей основание уголовной ответственности, оставляет открытым вопрос относительно основания уголовной ответственности за неоконченное преступление, а также за преступление, совершенное в соучастии»².

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999. С. 213.

² См.: *Щербаков* 5.5. Уголовная ответственность и ее основание: Автореф. дис----- канд. юр ид. наук. Саратов, 1998. С. 21.

98

Из суждения Н.К. Семерневой, кроме того, вытекает, что неоконченное преступление характеризуется всеми признаками оконченного, в том числе и общественной опасностью, хотя автор отмечает отличия между неоконченным и оконченным преступлением. По ее мнению, этим отличительным признаком выступает «незавершенность действий по причинам, не зависящим от воли виновного». Действия вполне могут быть завершенными, например, при оконченном покушении. Наверное, суть не только в том, что неоконченное преступление может характеризоваться незавершенностью действий, а, главным образом, в том, что общественная опасность неоконченного преступления не может быть тождественной общественной опасности преступления завершенного. Иначе чем объяснить позицию законодателя значительно снижающего объем наказания не только за приготовление к преступлению, но и за покушение на него. Думается, что основанием для такого рода снижения выступает отсутствие причиненного вреда охраняемым конкретным уголовным законом отношениям. В этих случаях возникает лишь угроза такого рода причинения, но само причинение вреда отсутствует.

Отсюда можно сформулировать вывод: при неоконченном преступлении общественная опасность определяется не причиненным соответствующему объекту вредом, а угрозой его причинения. Следовательно, различие между оконченным и неоконченным преступлениями следует видеть в особенностях общественной опасности неоконченного преступления, которая характеризуется тем, что определяется реальной угрозой причинения вреда соответствующему правоохраняемому отношению, без реального причинения ему вреда. При оконченном преступлении имеет место не угроза причинения вреда соответствующему объекту посягательства, а причинение реального ему вреда,

независимо от того, как сконструирован состав выполненного лицом преступления.

Все изложенное относительно уголовно-правового действия в объективном плане на родовом уровне позволяет сформулировать определение действия применительно к исследуемому составу, то есть преступлению,

99

предусмотренному ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) УК РФ: Уголовно-правовое действие — это предусмотренное уголовно-правовой нормой, представленной в ст. 299 УК РФ, физическое поведение, выражающееся в незаконном уголовно-процессуальном преследовании и таким образом причиняющее вред отношениям, обеспечивающим деятельность правоохранительных структур Российской Федерации по решению задач, стоящих перед ними в части борьбы с преступностью. Исходя из сформулированного определения видно, что действие по привлечению к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц общественно опасно, поскольку причиняет вред правоохранительным структурам, обязанным действовать в соответствии с теми задачами, которые стоят перед ними. На самом же деле они, привлекая к уголовной ответственности лиц, заведомо для них невиновных действуют вопреки задачам, которые они обязаны решать по своему служебному статусу как представители этих правоохранительных структур. И суть их общественной опасности не только в том, что создаются серьезные предпосылки для привлечения к уголовной ответственности лиц, невиновных в преступлениях. Эта опасность заключается в том, что правоохранительная система «включается» не для выполнения задач, стоящих перед ней, то есть не для осуществления добра, а для совершения зла. И оно причиняется посредством незаконного уголовно-процессуального преследования.

Категория «уголовное преследование» известна уголовному праву¹. Законодатель использует ее не в уголовно-правовом аспекте, а в уголовно-процессуальном. В примечании к ст. 201 (Злоупотребление полномочиями) УК РФ в ч. 2 и 3 категория «уголовное преследование» представлена как процессуальная деятельность, связанная с возбуждением уголовного дела². Ею оперирует уголовно-процессуальное законодательство. Глава 3 УПК РФ

¹ См.: *Лсанов В.* О содержании уголовного преследования // Уголовное право. 2000. № 4. С. 3.

² См.: *Горелов А.П.* Уголовно-правовая охрана отношений в сфере предпринимательства и реализация принципа диспозитивности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Государство и право. 2002. № 10. С. 125.

100

«Уголовное преследование» содержит 4 статьи (20-23), которые регламентируют соответственно: виды, обязанность уголовного преследования, право потерпевшего на участие в уголовном преследовании и привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации. Само уголовно-процессуальное законодательство не определяет понятие «уголовное преследование». Правда, по мнению А.П. Рыжакова, данное понятие «в определенной степени разъяснено в п. 55 ст. 5 УПК РФ»¹. Здесь отмечается, что «уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в

совершении преступления»². Более развернутое определение данному понятию дает А.П. Гуляев: «Уголовное преследование — это комплексная процессуальная деятельность по уголовному делу, объединяемая единой направленностью на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, то есть деятельность, связанная с преследованием конкретного лица, уже поставленного в положение подозреваемого или обвиняемого»³.

Еще раньше определение понятию «уголовное преследование» дал крупнейший теоретик в области уголовного процесса М.С. Строгович. Он, в частности, считал, что уголовное преследование — «это обвинение как уголовно-процессуальная функция, то есть обвинительная деятельность»⁴. По мнению А.М. Ларина, уголовное преследование есть деятельность уголовно-процессуальная, суть которой сводится к конкретизации и обоснованию вывода о совершении лицом конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом⁵.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С.12-13.

² Рыжаков А.П. Виды уголовного преследования // Юридический мир. 2002. № 12. С. 47.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 5.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Мозякова. М., 2002. С. 39-40.

⁵ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 194; Он лее. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 66.

Есть по данной проблеме целый ряд других высказываний, суть которых составляет суждение о том, что уголовное преследование тесно увязывается с уголовно-процессуальной деятельностью и включает в себя обвинение в широком смысле этого слова. Это и возбуждение уголовного дела, и его расследование, в том числе предъявление обвинения, избрание меры пресечения, поддержание обвинения в суде¹. Для того чтобы определиться с представленными формулировками уголовного преследования, будет уместно, на наш взгляд, раскрыть семантическое содержание понятия «уголовное преследование». Фраза «уголовное преследование» состоит из двух слов: уголовное и преследование. Уголовное от слова уголовный означает: «1. Представляющий собой общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом... 2. Совершивший такое преступление... 3. Предназначенный для заключения лиц, совершивших такое преступление... 4. Связанный с применением государством мер наказания к лицам, совершившим общественно опасное деяние...5. Повествующий о совершении таких преступлений, их расследовании и наказании виновных лиц»². Если суммировать изложенные виды толкования слова уголовный, то все они могут быть сведены к следующему: речь идет об отражении деяния, предусмотренного уголовным законодательством. Слово «преследование» от термина «преследовать» также толкуется в нескольких вариантах»: 1. Гнаться за кем-л..., стремясь настичь, захватить... 2. Неотступно, не оставляя в покое, следовать за кем-л... 3. Донимать, мучить к-л... 4. Подвергать гонениям, притеснять, угнетать... 5. Привлекать к суду, предавать суду... 6. Стремиться к чему-л..., добиваться

¹ См.: Ларин АМ. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 25.

² Соловьев А.Б., Якубович Н.А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования. Современные процессы уголовного права, процесса и криминалистики. М.; Кемерово, 1996. С. 80; см. также: Халиупин А.Г. Осуществление функций уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997. С. 29; Кан М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дис __ канд. юрид. наук. Ташкент, 1998. С. 99; Соловьев А.Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. М., 1997. С. 144; Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя. Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М., 1980. С. 25 и др.

102

осуществления чего-л...»¹. Обобщенный вариант анализируемого термина можно представить в следующем виде: преследование — это действия, направленные на достижение строго определенного результата.

В сочетании обоих слов, составляющих фразу «уголовное преследование», можно увидеть действия определенных работников правоохранительных органов, направленных на установление, изобличение лица, совершившего деяние, которое и послужило основанием для осуществления уголовного преследования. Если попытаться сравнить сформулированное нами определение уголовного преследования с учетом его семантического содержания с приведенными суждениями специалистов в области уголовно-процессуального права, можно сделать вывод о том, что по наиболее существенным аспектам они либо совпадают, либо очень близки. Так, автор настоящего исследования подчеркивает, что уголовное преследование осуществляется определенными работниками правоохранительных органов. Процессуалисты связывают уголовное преследование с уголовно-процессуальной деятельностью. И здесь, как думается, нет противоречий. Учитывая, что работники правоохранительных органов — это прокурор, следователь и дознаватель, то именно они осуществляют уголовно-процессуальную деятельность, когда выполняют функции, вытекающие из их правового статуса. На этом настаивает и уголовно-процессуальный закон. В частности, в ч. 1 ст. 21 (Обязанность осуществления уголовного преследования) УПК РФ указывается: «1. Уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частного обвинения осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель»². Уголовно-процессуальная деятельность названных категорий правоохранительных органов направлена на установление, изобличение лица, совершившего деяние, содержащего признаки преступления, предусмотренные настоящим УК РФ. В уголовно-процессуальной теории отмечается, что: «Обобщение многообразия мнений относительно тер-

¹ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1988. Т.Ч. С. 459.

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 383-384.

103

мина «уголовное преследование» позволяет прийти к выводу, что в настоящее время, при определении рассматриваемого термина, большинством авторов традиционно охватывается определенный перечень действий из различных стадий уголовного процесса... К числу таких действий относят... возбуждение уголовного дела... производство

следственных действий, направленных на соби́рание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств; выдви́жение в отношении лица подозрения в совершении преступления; формулирование и предъявление обвинения в преступлении; производство следственных действий, направленных на доказывание выдвинутого обвинения; направление дела в суд с обвинительным заключением; поддержание обвинения перед судом»¹. Таким образом, уголовное преследование включает в себя весь спектр следственных действий, начиная от возбуждения уголовного дела и завершая поддержанием в суде обвинения. В этом многообразии содержания уголовного преследования остается дискуссионным вопрос: можно ли рассматривать содержательным элементом уголовного преследования осуществление оперативно-розыскных мероприятий?

В этой связи следует прежде всего отметить, что уголовно-процессуальное законодательство России в принципе допускает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по тому или иному уголовному делу. Обоснованием этому может служить ст. 89 УПК РФ, которая имеет наименование «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». В самом тексте статьи говорится: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом»².

Содержание указанной статьи позволяет признать результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве средств доказывания, но при одном условии — соответствии представляемых результатов оперативно-

¹ Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. М., 2002. С. 12.

² Там же. С. 13.

розыскной деятельности требованиям, предъявляемым к доказательствам действующим уголовно-процессуальным законодательством России. В случае, если это соответствие имеет место, то в рассматриваемой части оперативно-розыскная деятельность относится к уголовно-процессуальной со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть составляет содержание уголовного преследования. В этой связи трудно согласиться с А.А. Чувилевым, признающим анахронизмом указание в уголовно-процессуальном законе об оперативно-розыскной деятельности как элементе процессуальной компетенции органов дознания¹. Справедливости ради следует отметить, что суждение А.А. Чувилева и имеющиеся на этот счет в юридической литературе точки зрения других авторов² высказаны до принятия и вступления в силу ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ. Вместе с тем многие теоретики-процессуалисты и ранее подчеркивали исключительную важность оперативно-розыскной деятельности для плодотворной уголовно-процессуальной деятельности³.

Все изложенное относительно оперативно-розыскной деятельности дает серьезное основание относить ее к содержательным элементам категории «уголовное преследование».

Ранее нами обосновывалась необходимость замены в ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) УК РФ категории «уголовная ответственность» на категорию «уголовное преследование». При этом замена должна быть произведена и в

наименовании статьи, и в ее содержании. Все это обязывает к исследованию соотношений заявленных категорий, возможностей использования категорий одной отрасли права в другой.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 50.

² См.: Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. М., 1999.

³ См.: Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя. Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. С. 25; Кан М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1988. С. 99; Халиулин А.Г. Указ. соч. С. 29.

105

В теории уголовного права, впрочем, так же, как и в теории уголовно-процессуального права, проблема соотношения категорий «уголовная ответственность» и «уголовное преследование» не исследовалась, хотя, как представляется, необходимость в этом имеется. В общем семантическом плане оба заявленных понятия достаточно близки. Уголовная ответственность так же как, и уголовное преследование, так или иначе направлена на воздействие лиц, участвовавших, по мнению соответствующих правоохранительных структур, суда в совершении преступления. В то же время, и это следует подчеркнуть особо, такого рода содержательная близость крайне условна, поскольку различия между ними носят безусловный характер. Так, уголовная ответственность — это определенный специальный правовой статус, возлагаемый судом на лицо, виновно совершившее предусмотренное УК РФ преступление. В соответствии с таким статусом лицо признается преступником и в обязательном порядке ограничивается в своих правах. Статус преступника позволяет выделять лиц из числа законопослушных и ставит их в другой ряд лиц, совершивших преступления и на этой основе признанных преступниками. Прерогатива надления лиц такого рода статусом принадлежит только суду и только в отношении лиц, которых данный суд признает виновными в инкриминируемом им деянии. Статус «преступника» при этом может быть определен только в определенной форме: форме обвинительного приговора. Таким образом, уголовная ответственность — это результат, последствие совершенного виновным лицом предусмотренного уголовным законом преступления.

Другая ситуация имеет место при уголовном преследовании. Оно (уголовное преследование), хотя и не обязательно, но в тех случаях, когда лицо действительно виновно в инкриминируемом ему преступлении, предваряет уголовную ответственность. Причем эта связь (между уголовной ответственностью и уголовным преследованием) носит абсолютный характер, что означает: нет уголовного преследования — нет уголовной ответственности. В то же время возможны ситуации, когда имеет место уголовное преследование,

106

однако уголовная ответственность вполне может отсутствовать. Это возможно, например, когда уголовное преследование завершается не обвинительным, а оправдательным приговором, либо когда обвиняемый в совершении преступления гражданин умер, не достиг возраста уголовной ответственности, стал душевнобольным, что породило состояние невменяемости.

Есть серьезные основания полагать об отсутствии уголовной ответственности и в случаях, когда лицо освобождается от уголовной ответственности в силу деятельного раскаяния (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с истечением сроков давности (ст. 78) УК РФ. Во всех перечисленных ситуациях в отношении лица, в конечном итоге освобожденного от уголовной ответственности, имело место уголовное преследование, то есть выносилось постановление о возбуждении уголовного дела, оно могло задерживаться в качестве подозреваемого, ему могли предъявлять обвинение, избирать соответствующую меру пресечения. И на данном или последующих этапах, но до ухода суда в совещательную комнату уголовное преследование должно быть прекращено. В этом плане действующее уголовно-процессуальное законодательство России содержит специальную норму, регламентирующую исчерпывающий перечень оснований прекращения уголовного преследования. Речь идет о ст. 27 (Основания прекращения уголовного преследования) УПК РФ, в которой в качестве отдельных оснований приведены вышеназванные статьи уголовного кодекса РФ.

Сказанное относительно уголовно-правовых оснований для освобождения от уголовного преследования в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ порождает коллизию между уголовным законодательством и законодательством уголовно-процессуальным. Уголовное законодательство, как известно, при наличии вышеназванных оснований (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки, истечение сроков давности) освобождает лиц от уголовной ответственности, в то время как уголовно-процессуальное законодательство РФ, исходя из этих же обстоятельств, освобождает не от уголовной ответственности, а от

уголовного преследования. Так уже отмечалось, категории «уголовная ответственность» и «уголовное преследование» наполнены разным содержанием, обеспечивают решение всевозможных задач, находящихся в разных отраслях права, в соответствии с чем не могут рассматриваться в качестве тождественных. В связи с этим возникает вопрос: может ли уголовное право оперировать категориями уголовно-процессуального законодательства, в частности категорией «уголовное преследование»? Если обратиться к уголовно-процессуальному законодательству, то можно увидеть, что оно использует уголовно-правовые понятия. Так, законодатель формулирует нормы, регламентирующие прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ). Глава 51 УПК РФ именуется «Производство о применении принудительных мер медицинского характера». В действующем уголовном законодательстве сформирован раздел шестой, который поименован «Принудительные меры медицинского характера». Есть целый ряд других уголовно-процессуальных норм, положений, сформулированных таким образом, что используются уголовно-правовые категории либо в наименовании, либо в тексте нормы или положения.

Практически такая ситуация совершенно не присуща законодательству уголовному. Вряд ли можно найти положение или норму в уголовном законодательстве, в которых бы использовалась уголовно-процессуальная терминология, за исключением примечания к ст. 201 (Злоупотребление полномочиями) УК РФ, но, как уже говорилось, использование в этом примечании словосочетания «уголовное преследование» носит не уголовно-правовой, а уголовно-процессуальный характер. Для того чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать примечания, в которых используется названная категория. В ч. 2

примечания отмечается: «Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование

108

осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. 3. Если деяние, предусмотренное настоящей статьей либо иными статьями настоящей главы, причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях».

Из текста двух частей видно, что категория «уголовное преследование» в содержательном плане является уголовно-процессуальной. В ней речь идет о возбуждении уголовного дела по ст. 201 либо другим статьям УК РФ и в целом о предварительном следствии. Именно поэтому нами делается вывод об уголовно-процессуальном характере словосочетания «уголовное преследование», размещенной в уголовном законодательстве, в связи с чем обосновать наличие данной категории в месте, в котором ее расположил законодатель, представляется невозможным¹.

В уголовно-правовой науке отмечается: «...В системе права наиболее тесные отраслевые связи существуют между уголовным правом и уголовно-процессуальным. Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным правом. И это является отрицательным моментом для уголовно-процессуального права и судопроизводства по уголовным делам. Вместе с тем без норм уголовно-процессуального права, приводящих в действие уголовно-правовые нормы, последние существовали бы только на бумаге»². Изложенное относительно взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса позволяет сформулировать вывод о том, что и теория уголовного права, и

¹ См.: *Анащенко С.В.* Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. На учно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 10. С. 102.

² *Наумов А.В.* Некоторые аспекты соотношения УК Российской Федерации и УПК Российской Федерации. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценки нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 10. С. 94; см. также:

Бородин

С.В. О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве». Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.

С. 105; *Божьев В.П.* К вопросу о соотношении уголовного и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологи
ческая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 1998. №9. С. 101.

109

теория уголовно-процессуального права единодушны в актуальности их взаимодействия. Вместе с тем степень их взаимодействия недостаточно конкретизирована. Так, в теории уголовного права признается: «Довольно сложным является вопрос определения судьбы

термина, если он переносится из одной отрасли в другую, в частности в уголовное право. Остается ли он в таком случае «чужим» или превращается в термин уголовного права? В этом случае, — продолжает автор, — принципиальное значение имеет ответ на вопрос: является ли текст уголовного закона терминологическим полем ...если является, то каковы его границы — весь Уголовный кодекс, раздел, глава или отдельный институт...можно сказать, что уголовное право использует множество терминологических полей, в том числе и свое собственное...»¹. В авторском суждении не содержится конкретного ответа на весьма конкретный вопрос. В общем же автор допускает использование терминов других отраслей права в праве уголовном. В свете сказанного уместно конкретизировать вопрос: будет ли обоснованным использование в уголовном законодательстве словосочетания «уголовное преследование»? В то же время речь идет об использовании категории «уголовное преследование» не вообще, а применительно только к тем уголовно-правовым нормам, в которых законодатель использует категорию «уголовная ответственность», вкладывая в нее уголовно-процессуальное, а не уголовно-правовое содержание. Мы имеем в виду нормы, регламентирующие уголовную ответственность за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц (ст. 299 УК РФ) и за незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). В указанных двух ситуациях речь идет об уголовной ответственности не в уголовно-процессуальном смысле. Уголовная ответственность, какая бы полемика на этот счет не существовала, это всегда прерогатива суда и только суда, а не правоохранительных структур². Так, в ст. 25 (Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон) УПК РФ, ст. 26 (Прекраще-

¹ *Пикуров Н.И.* Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 128.

² *Горелов АЛ.* Указ. соч. С. 124.

ние уголовного дела в связи с изменением обстановки) УПК РФ), ст. 28 (Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием) УПК РФ прямо называется фраза «уголовное преследование». По тексту названных статей она звучит следующим образом: «Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, против которого осуществляется уголовное преследование...»¹.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство введением категории «уголовное преследование» как бы констатировало, что института освобождения от уголовной ответственности не существует, есть институт освобождения от уголовного преследования. В теории уголовного права также высказаны положительные суждения относительно включения в нормы об освобождении от уголовной ответственности понятия «уголовное преследование»². По данным проведенного нами опроса, 83% правоприменителей УК РФ высказались за замену категории «уголовная ответственность» категорией «уголовное преследование» в ст. 299 УК РФ.

Включая в уголовное законодательство РФ, в частности в ст. 299 УК РФ, категорию «уголовное преследование», мы должны знать ее содержание, а значит определяться в вопросах начала реализации уголовного преследования и его завершения. Вопросы эти, как представляется, нашли определенное решение непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве России. В соответствии со ст. 20 (Виды уголовного

преследования) и ст. 21 (Обязанность осуществления уголовного преследования) УПК РФ началом уголовного преследования выступает возбуждение уголовного дела.

Таким образом, одним из содержательных элементов понятия «уголовное преследование» является возбуждение уголовного дела. Другим таким элементом выступают процессуальные действия, осуществляемые стороной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М., 2002. С. 14—15.

² Головки Л.В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 48, 51 и др.

III

обвинения: прокурором, следователем, дознавателем, направленные на изобличение подозреваемого в совершении преступления. Следовательно, содержанием категории «уголовное преследование» выступают следующие элементы: возбуждение уголовного дела, изобличение в совершении преступления подозреваемого; изобличение в совершении преступления обвиняемого; поддержание обвинения лица в совершении преступления¹. Говоря о содержательном уголовно-процессуальном моменте понятия «уголовное преследование», необходимо иметь и наличие в нем(понятии) уголовно-правовых аспектов, что подтверждается и наукой уголовного права². Уголовное преследование заключается в том, что оно начинается с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Оно же основывается на признаках конкретного преступления. Любой процессуальный документ, отражающий уголовное преследование, всегда непосредственно либо опосредованно, но увязан с конкретным составом преступления, предусмотренным действующим Уголовным кодексом России.

Определившись с категорией «уголовное преследование» в части отражения ею как аспектов уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных, будет уместно рассмотреть, насколько заявленная категория соответствует, точнее обеспечивает презумпцию невиновности. Презумпция невиновности является неотъемлемой частью Конституции РФ. В ст. 49 Конституции России отмечается: «1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»³. Из содержания представленной конституционной нормы вытекают, на наш взгляд, следующие выводы: 1. Лицо ни при

¹ См.: Рыжаков А.Л. Виды уголовного преследования // Юридический мир. 2002. № 12. С. 49; Бойков А.Д. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 91.

² См.: Дорошков В.В. Частное обвинение. Правовая теория и судебная практика. М., 2000. С. 13; Сухарева Н.Д. О понятии «уголовного преследования» // Российский следователь. 2002. № 10. С. 24.

³ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 19.

каких обстоятельствах не может быть признано виновным, а значит преступником, пока относительно этого лица судом не будет вынесен обвинительный приговор. 2. Уголовную ответственность как следствие совершенного преступления необходимо рассматривать в жесткой связке с виной лица, совершившего преступление. Вины без уголовной ответственности не бывает, точно так же как не бывает уголовной ответственности без установленной судом вины. Если же вина не увязана с уголовной ответственностью или уголовная ответственность не связана с виной, то имеет место ситуация, противоречащая презумпции невиновности.

В свете сказанного уместен вопрос: словосочетание «уголовная ответственность», которым оперирует законодатель в нормах, регламентирующих ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, отражает презумпцию невиновности или не отражает? В уголовно-процессуальной литературе достаточно распространено суждение, что привлечение к уголовной ответственности — это не результат признания лица виновным в совершении преступления в форме обвинительного приговора суда, деятельность соответствующих правоохранительных структур по изблечению подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. По мнению М.С. Строговича, привлечение к уголовной ответственности «...понимается как постановка вопроса об уголовной ответственности обвиняемого, как исследование этого вопроса с участием обвиняемого»¹. Позиция М.С. Строговича приобрела широкое распространение не только среди процессуалистов², но и ученых в области уголовного права³. Вместе с тем, как

¹ *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 29.

² См.: *Ривлин А.Л.* Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. 1959. № 2. С. 108-109; *Ефимичев С.П.* Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого-этап стадии предварительного расследования // Правоведение. 1985. № 5. С. 31; *Лукашевич В.З.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 35, 43; *Громов Н.А.* Институт привлечения к уголовной ответственности. Саратов, 1991. С. 21-22.

³ См.: *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 8; *Огурцов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 162; *Сенцов А.С.* Проблемы реализации уголовной ответственности и правового статуса ее субъектов на предварительном следствии. Права человека и право охранительная деятельность. Волгоград, 1995. С. 131; *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 21.

бы широко не поддерживалась та или иная идея, если она по сути противоречит устоявшимся положениям, теории, то она не станет господствующей в законодательстве, что в полной мере можно отнести и к уголовной ответственности. И как следствие этого действующее уголовно-процессуальное законодательство России, там, где речь не идет о привлечении к уголовной ответственности в уголовно-правовом смысле, ввело в оборот категорию «уголовное преследование». Тем самым законодательно закреплена позиция многих ученых-криминалистов, в соответствии с которой понятие «привлечение к уголовной ответственности» отражает материальное право и в этом смысле в полной мере

соответствует презумпции невиновности¹.

Уголовное преследование как признак объективной стороны исследуемого состава преступления должно отражать его общественную опасность. Исходя из законодательной конструкции ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) УК РФ, сделать однозначный вывод относительно начального момента возникновения общественной опасности не представляется возможным. На самом деле, какой вывод можно сделать в этом плане, исходя из содержания ч. 1 указанной статьи? В ней законодатель пишет: «1. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности — наказывается...». Сама по себе используемая в законе категория «уголовная ответственность» ответа на данный вопрос не дает. Весьма относительный ответ можно найти в ч. 2 этой же статьи: «2. То же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — наказывается...»³. Из текста статьи видно, что законодатель придает общественной опасности такому деянию, которое непосредственно связано с

¹ См.: *Корнеева Л.М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 14; *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 17; *Ракунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 62; *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. М., 1987. С. 23; *Петрухин И.Л.* Презумпция невиновности и вопросы доказывания на предварительном следствии. Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 87; *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 88 и др.

² *Бородин С.В., А.И. Трусова.* Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2001 С. 1072.

Там же.

114

обвинением лица в совершении преступления. Все предшествующие на этот счет действия могут лишь выступать как неоконченное преступление, то есть возбуждение уголовного дела, задержание лица в качестве подозреваемого, осуществление иных уголовно-процессуальных действий, направленных на формирование обвинительной базы, исходя из толкования ч. 2 ст. 299 УК РФ общественной опасности как бы либо не создают, либо создают, но в рамках

*> предварительной преступной деятельности. Важность решения анализируемого вопроса совершенно очевидна. Ошибка в его решении служит базой для «законного» привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных в совершении преступлений лиц. Разумеется, при такой ситуации невозможно обеспечить реализацию всех уголовно-правовых принципов, ныне являющихся непосредственной частью уголовного законодательства России. В плане изложенного уместно обратиться к теории уголовного права и посмотреть, как решается эта проблема в науке. Следует сразу же отметить, что среди ученых-юристов в данном вопросе единства нет. Например,

^ Я.М. Кульберг так характеризует объективную сторону анализируемого состава: «С объективной стороны преступление выражается в действии, то есть в составлении процессуальных актов о привлечении лица к уголовной ответственности,

содержащих заведомо для составителей этих документов извращенные или подтасованные факты о якобы совершенном преступлении. Для вменения в вину данного преступления не имеет значения, было ли в дальнейшем осуждено лицо, незаконно привлеченное к уголовной ответственности. Преступление считается оконченным с момента составления акта о привлечении невиновного к уголовной ответственности вне зависимости от дальнейшего процессуального движения дела»¹.

Исходя из этого, весьма затруднительно определить с начальным моментом общественной опасности привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Автор фактически констатирует только момент окончания этого состава. Однако такая констатация ситуацию в должной ме-

Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. М., 1962. С. 27.

115

ре не конкретизирует. Автор связывает момент окончания с моментом составления акта о привлечении к уголовной ответственности. Можно предположить, что речь в этом случае Я.М. Кульберг ведет все-таки не об уголовной ответственности. Уголовная ответственность предполагает иной процессуальный документ— обвинительный приговор суда. Однако и при таком обстоятельстве не очень понятно, когда же деяние приобретает общественную •< опасность, а значит, и противоправность с позиции уголовного законодательства? Более конкретна по рассматриваемой проблеме точка зрения И.С. Власова и И.М. Тяжковой: «Согласно ст. 143 (Привлечение в качестве обвиняемого) УПК РСФСР при наличии достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении преступления тем или иным лицом, выносится постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. До вынесения такого постановления никакое лицо к ответственности еще не привлекается. Сам факт возбуждения уголовного дела также не колеблет этого общего положения... Именно с момента вынесения этого постановления может быть причинен существенный вред интересам личности, ибо с этого момента в отношении лица, указанного в постановлении, возможно применение мер пресечения, которые в ряде случаев являются весьма существенным ограничением его прав и свобод, не говоря уже о серьезном ущемлении достоинства личности»¹.

Как видим, авторы, настаивают на том, что с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого преступление приобретает общественную опасность. Таким образом, они отождествляют привлечение в качестве обвиняемого и привлечение к уголовной ответственности, что, как нами было показано выше, вряд ли обосновано. Что касается действий, предшествующих вынесению постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, как-то: задержание, арест, привод невиновного, то они могут, по мнению авторов, образовывать определенную стадию привлечения

¹ *Власов ИС, Тяжкова ИМ. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 57.*

116

заведомо невиновного к уголовной ответственности¹. Придание действиям лиц

общественной опасности с момента вынесения постановления о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности авторы обосновывают ограничением прав, свобод и достоинства личности². С такой аргументацией согласиться сложно. Авторы, с одной стороны, признают в качестве объекта преступлений против правосудия «деятельность органов правосудия по осуществлению задач правосудия»³, с другой — наполняют такого рода деяния общественной опасностью тогда, когда ограничиваются права и свободы, личное достоинство человека. Ущерб, причиняемый правам, свободам, личному достоинству, должен, по нашему мнению, охватываться составами преступлений, расположенных в разд. 7 (Преступления против личности) УК РФ, а не в главе «Преступления против правосудия».

Иную позицию по этому вопросу занимает Е.А. Мотовиловкер. По его мнению, привлечение к уголовной ответственности означает осуждение обвиняемого посредством вынесения судом обвинительного приговора⁴. Диссертант считает, что позиция этого автора в полной мере отражает содержательный аспект понятия «привлечение к уголовной ответственности». Вместе с тем, если суд выносит обвинительный приговор в отношении заведомо невиновного лица, то его следует осуждать не за привлечение заведомо невиновного к ответственности, а за вынесение заведомо неправосудного приговора, то есть по ст. 305 УК РФ.

\ Более широкое понимание общественной опасности рассматриваемого

признака предлагают Н.С. Алексеев и В.З. Лукашевич. Они усматривают ее начало с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а ее конец — вынесение судебного приговора⁵. С такой трактовкой

¹ Власов И.С., Тяжкова ИМ. Ответственность за преступления против правосудия. С. 58.

² См.: Там же. С. 57.

³ Там же. С. 34.

⁴ См.: Мотовиловкер Е.Я. Об институте «привлечения к уголовной ответственности» и содержании уголовно-процессуальной деятельности. Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев, 1979. С. 76.

⁵ См.: Алексеев КС, Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 70.

общественной опасности деяния по привлечению к уголовной ответственности заведомо невиновного лица, по вышеизложенным соображениям, согласиться вряд ли возможно, в том числе и потому, что остается открытым вопрос, как оценивать деяние, связанное с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела и осуществлением всех других процессуальных действий, направленных на формирование обвинения лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Интересной и обоснованной, по нашему мнению, на этот счет представляется точка зрения Л.В. Лобановой, которая, считает, что данный состав преступления в силу наличия в нем категории «привлечение к уголовной ответственности» чрезвычайно расплывчат и нуждается в замене категорией «уголовное преследование»¹. И хотя автор не обосновывает ее и не предлагает соответствующую конструкцию, резонно при этом указывает на то, что необходимо «предусмотреть уголовную ответственность за возбуждение уголовного дела в отношении заведомо

невиновного лица»².

Все изложенное относительно общественной опасности объективной,, стороны исследуемого состава преступления показывает, что теория уголовного права решает этот вопрос неоднозначно. При его решении следует обратиться к учебной литературе по уголовному праву и комментариям, поскольку именно учебники и комментарии формируют соответствующие познания по уголовному праву у будущих и настоящих правоприменителей уголовного закона. Так, в учебнике под редакцией профессора В.П. Ревина отмечается: «Объективная сторона деяния состоит в вынесении постановления о предъявлении обвинения... а) предъявлении его лицу либо б)объявлении на основании этого постановления розыска или совершения иных действий, если лицу по неизвестности места нахождения или другим обстоятельствам постановление не может быть объявлено. Привлечением к уголовной ответственности надо считать также соответствующие акты, вы-

¹ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 67, 68.

² Там же. С. 70.

носимые судом по делам, расследуемым в протокольной форме, а равно по делам частного обвинения»¹. Таким образом, деяние приобретает общественную опасность, когда вынесено постановление о предъявлении обвинения конкретному лицу или же объявлен розыск лица, в отношении которого вынесено постановление о предъявлении обвинения, или совершения иных действий, в случаях неизвестности места пребывания обвиняемого.

Иначе этот вопрос рассматривается в учебнике по Особенной части под редакцией А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. Они пишут: «С объективной стороны рассматриваемое преступление выражается в вынесении... мотивированного постановления о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и в предъявлении ему сформулированного обвинения под расписку с разъяснением процессуальных прав и обязанностей обвиняемого.. Заведомо невиновным признается лицо, которое преступление не совершало, и когда в деле нет доказательств его вины»². Из этого положения вытекает, что соответствующие работники выносят постановление о привлечении к уголовной ответственности лица, но в качестве обвиняемого. Получается, что уголовная ответственность порождает статус обвиняемого, с чем трудно согласиться.

Несколько иная ситуация в учебнике СГАП. Автор соответствующий главы В.А. Теплов отмечает, что «состав рассматриваемого преступления является формальным. Оконченным оно признается с момента вынесения постановления о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, даже если оно не предъявлено, но следователем подписано»³. В этом случае не требуется определяться с местонахожде-

¹ Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России. Общая и Особенная части / Под общ. ред. В.П. Ревина. М., 1998. С. 447.

² Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 687; см. также: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова Саратов, 1999. С." 558.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева,

нием будущего обвиняемого. Достаточно следователю подписать постановление о предъявлении обвинения.

Интересной представляется точка зрения М.Н. Голодняка, изложенная в пятитомном курсе уголовного права юридического факультета МГУ, По его мнению, «привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного считается окончанным преступлением с момента вынесения соответствующим должностным лицом постановления и привлечении в качестве обвиняемого. Именно с этого момента, согласно ст. 47 УПК РФ, лицо становится обвиняемым и его правовое и процессуальное положение качественно меняется, в частности, к нему могут быть применены процессуальные формы принуждения.. .»\

Еще большая степень разобщенности при решении этого вопроса в комментариях к уголовному законодательству. Так, в комментарии под редакцией П.Н. Панченко говорится, что преступление считается окончанным «с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения» . То есть здесь речь идет не только о вынесении постановления, но и о предъявлении его обвиняемому. В комментарии к УК РФ под редакцией А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.С. Устинова и В.В. Сверчкова, рассматриваемый состав считается выполненным с момента «...подписания компетентным лицом постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Именно с этого момента согласно ст. 47, 171 и др. УПК РФ гражданин приобретает права и обязанности.. . участника уголовного процесса»³.

Несколько иная точка зрения по рассматриваемой проблеме принадлежит авторам практического комментария под ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. В нем отмечается, что «объективная сторона прежде всего заключается в привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 143 УПК

¹ Курс уголовного права: В 5 т. Т. 5: Особенная часть. М., 2002. С. 187; см. также: Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2002. С. 848.

Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород, 1996. Т. 2. С. 304-305.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.С. Устинова и В.В. Сверчкова М., 2002. С. 884.

РСФСР)»¹. Автор (СВ. Милюков) полагает, что привлечение лица в качестве обвиняемого характеризуется лишь вынесением соответствующего постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Возникает вопрос, можно ли наполнить объективную сторону анализируемого состава преступления общественной опасностью при той ее конструкции и признаках наполняющих ее? Считаем, что нельзя. Этому, с нашей точки зрения, мешают два присутствующих в нем конструктивных элемента. Прежде всего речь идет о категории «привлечение к уголовной ответственности». Позиция автора настоящего исследования, касающаяся данной категории сводится к тому, что категорию «привлечение к уголовной ответственности» следует заменить категорией «уголовное преследование». Основания

такой замены диссертантом изложены и по его мнению, она и по существу, и по форме обеспечит наполнение деяния, общественной опасностью в соответствии с его объектом. Второй конструктивный элемент в части его объективности, нуждающийся в изъятии — это «заведомая невиновность лица». Его наличие, по нашему мнению, противоречит конституционной норме, регламентирующей презумпцию невиновности. Как известно, ст. 49 Конституции РФ гласит: «1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда². Из текста статьи Конституции РФ вытекает, что ни на каком этапе предварительного расследования лицо не может быть признано виновным в совершении преступления. Исходя из презумпции невиновности невозможно признавать лицо виновным в совершении преступления на всех этапах предварительного расследования.

Презумпция невиновности как бы постулирует, что все обвиняемые лица не виновны, пока суд в форме обвинительного приговора не установит

¹ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 737.

² См.: Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 19.

обратное. Отсюда уместен вывод о том, что лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, проводятся другие уголовно-процессуальные действия, заведомо невиновно в преступлении, в котором его обвиняют. Однако такого рода заведомая невиновность является таковой на объективном уровне, исходя из презумпции невиновности. На самом деле лицо вполне может быть виновным в совершении преступления. Однако фактическая виновность, не основанная на презумпции невиновности, юридического значения не имеет. Следовательно, законодатель, употребляя в исследуемом составе элемент «заведомо невиновный», становится на путь криминализации явления, которое по сути своей не может быть общественно опасным, а потому и не может быть противоправным и влечь за собой уголовную ответственность. Да и по сути фактически доказать заведомую невиновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, просто невозможно. И неспроста в уголовно-правовой литературе основанием для привлечения таких лиц к уголовной ответственности, служат не аргументы, свидетельствующие о заведомой невиновности привлекаемого к уголовной ответственности лица, а набор иных обстоятельств. Так, И.С. Власов и И.М. Тяжкова следующим образом аргументируют объективную сторону привлечения к ответственности невиновного: «Именно с момента вынесения этого постановления может быть причинен существенный ущерб интересам личности, ибо с этого момента в отношении лица, указанного в постановлении, возможно применение мер пресечения»¹.

Иное суждение принадлежит А.И. Чучаеву. Он отмечает, что объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в том, что должностное лицо, злоупотребляя должностными полномочиями, привлекает к уголовной ответственности человека за преступление, которое он не совершал...»². В обоих случаях авторы делают акцент не на отсутствие виновности привлекаемого лица, а на другие обстоятельства: причинение ущерба

¹ Власов И.С., Тяжкова И.М. Указ. соч. С. 57.

личности; злоупотребление должностными полномочиями. Таким образом, используемая законом категория «заведомая невиновность» объективно не отражает общественной опасности. Принимая во внимание, что категория «уголовная ответственность» как один из элементов состава преступления нами заменяется категорией «уголовное преследование», было бы правомерным, с нашей точки зрения, заменить понятие «заведомая невиновность» понятием «незаконность». Замену можно обосновать следующими аргументами: 1. Это слово для законодателя не ново. Он использует его в качестве признака состава ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности), ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) УК РФ. 2. Оно не противоречит презумпции невиновности. 3. Объективно позволяет наполнять данное понятие общественной опасностью. 4. Слово «незаконность» и словосочетание «уголовно-процессуальное преследование» создают «рабочий» уровень логической и смысловой связи, что позволяет проводить границу общественно опасного деяния, вычленять признаки, ее образующие и доказывать их наличие в деянии лиц. В теории уголовного права отмечается: «В случаях, когда формулировка диспозиции статьи уголовного закона не содержит возможности уголовно-процессуального доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания, возникают межсистемные коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального права...»¹. 5. Позволяет обеспечить исполнение задач уголовного законодательства по охране интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, предупреждение такого рода преступлений. И что особенно важно, названные задачи УК РФ будут обеспечиваться при неременной реализации всех уголовно-правовых принципов.

Итак, наименование ст. 299 может звучать примерно следующим образом: Незаконное уголовно-процессуальное преследование. Рассмотрим, что представляет собой незаконное уголовно-процессуальное преследование как признак объективной стороны преступления. Прежде всего следует опреде-

¹ Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 130.

литься с понятием «уголовно-процессуальное преследование». Как уже отмечалось, и уголовное право, и уголовно-процессуальное право оперируют категорией «уголовное преследование». Однако и в той, и в другой отрасли права их содержание носит уголовно-процессуальный характер, то есть уголовное преследование включает в себя комплекс действий по возбуждению уголовного дела, осуществление иных следственных и оперативно-розыскных мер по расследованию уголовного дела. И хотя уголовное преследование так же, как и всякое процессуальное действие¹, характеризуется и уголовно-правовым аспектом, тем не менее сущностью уголовного преследования является право не уголовное, а уголовно-процессуальное. То, что уголовное право характеризуется возможностью принуждения (об этом свидетельствует наличие в нем уголовной ответственности), сомнений не вызывает. «В уголовном праве, — пишет Т.А. Лесниевски-Костырева, — основной категориальный ряд выглядит следующим образом: «преступление» — «уголовная ответственность» — «наказание». Очевидно, что входящие в этот ряд категории являются фундаментальными для уголовно-правовой теории,,

концентрируют сущность уголовного права»².

В то же время необходимо учитывать специфику уголовно-правового принуждения. Оно, в широком смысле этого слова выливается в уголовную ответственность, которая, в свою очередь, дифференцируется на виды. В уголовно-правовой науке на этот счет представлены различные суждения. Мы же разделяем точку зрения Б.Т. Разгильдиева, который считает видами уголовной ответственности: «уголовную ответственность, не связанную с назначением наказания; уголовную ответственность, связанную с назначением

¹ См.: *Францифоров Ю.В.* Обвинение как средство обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10; см. также: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 322; *Корнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Учебное пособие. Волгоград, 1988. С. 49; *Якубович Н.А.* Гносеологические основы доказывания по уголовному праву. Курс советского уголовного процесса. Общая часть М., 1989. С. 541; *Печников Г.А.* Проблемы истины на предварительном следствии. Волгоград, 2001. С. 51.

² *Лесниевски-Костырева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 28.

124

наказания, без его исполнения в момент вступления приговора в законную силу; уголовную ответственность, связанную с принудительными мерами воспитательного характера (для несовершеннолетних); уголовную ответственность, связанную с назначением и исполнением наказания с момента вступления приговора в законную силу»¹.

Уголовно-правовое принуждение осуществляется судом в форме обвинительного приговора в отношении лица виновного, совершившего преступление. Само же принуждение (уголовно-правовое) осуществляется в рамках другой отрасли права — уголовно-исполнительного. Другое дело, когда речь идет об уголовно-процессуальном принуждении. По мнению Г.Н. Ветровой, уголовно-процессуальное принуждение представляет собой «совершающееся в сфере уголовно-процессуальных отношений воздействие со стороны государственных органов или должностных лиц на поведение субъектов уголовно-процессуальной деятельности, направленное на обеспечение выполнения процессуальных обязанностей, если они не выполняются добровольно, или на пресечение и предотвращение нежелательных, с точки зрения права, действий в целях обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства»². В уголовно-процессуальной литературе принуждение дифференцируется, исходя из различных критериев, на виды³. Нам, применительно к исследуемой уголовно-правовой проблеме, нет необходимости рассматривать существующие в теории уголовно-процессуального права виды принуждений.

В основе всех уголовно-процессуальных видов принуждения лежит уголовно-процессуальная ответственность за правонарушения, основанная на применении санкций, непосредственно предусмотренных уголовно-

¹ *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. С. 173.

² *Ветрова Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 27; см. так же: *Полунин С.А.* Уголовно-процессуальные санкции и особенности их применения: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 3.

См.: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 29-30; *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 25; *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 12-13; *Петрухин И.Л.* Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 79.

125

процессуальным законом¹. Отсюда вытекают несколько выводов: 1. Уголовно-процессуальное принуждение полностью основывается и вытекает из уголовно-процессуального законодательства. 2. Уголовно-процессуальное принуждение осуществляется в рамках уголовно-процессуального законодательства. 3. Уголовно-процессуальное принуждение направлено на обеспечение своего назначения.

Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение составляет основу уголовного преследования, в связи с чем такого рода преследование следует именовать не уголовным, а уголовно-процессуальным. С учетом выказанного, по нашему мнению, название гл. 3 «Уголовное преследование» следует заменить названием «Уголовно-процессуальное преследование». Соответственно в нормах уголовно-процессуальных, где ныне употребляется словосочетание «уголовное преследование» произвести замену на словосочетание «уголовно-процессуальное преследование». То же самое следует осуществить и в ч. 2 и 3 примечания к ст. 201 УК РФ.

Рассмотрим объективную сторону незаконного уголовно-процессуального преследования. Данное деяние может совершаться только посредством действия. Действия, характеризующие незаконное уголовное преследование, приобретают общественную опасность с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и продолжают совершением каждого следующего уголовно-процессуального действия, объективно направленного на уголовное-процессуальное преследование. Возбуждение уголовного дела, то есть вынесение соответствующего постановления, приобретает общественную опасность тогда, когда постановление о возбуждении подписано лицом, вынесшим его, и направлено прокурору, если оно

¹ См.: *Элькинд Я. С.* Цели и средства их достижения. М., 1976. С. 85-92; *Чечина Н.А., Элькин П.С.* Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 9; *Столмаков А.М.* Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Правоведение. 1980. № 1. С. 71-74; *Громов Н.А., Полунин С.А.* Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 31.

126

(постановление о возбуждении уголовного дела) возбуждено следователем или дознавателем. В случаях же, когда уголовное дело возбуждается прокурором, деяние приобретает общественную опасность с момента подписания постановления прокурором. Что служит основанием считать деяние общественно опасным с момента подписания постановления о возбуждении уголовного дела и отправки его в адрес прокурора (в случаях, когда дело возбуждается следователем или дознавателем)? Основанием является

тот факт, что именно с данного момента лицо посягает на охраняемые в этом плане отношения, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства. Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит нормы, регламентирующей задачи, стоящие перед названной отраслью права. В определенной мере такого рода функции выполняет ст. 6 (Назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ. В уголовно-процессуальной теории многие ученые отсутствие нормы о задачах уголовно-процессуального законодательства России рассматривают в качестве недостатка. Так, СВ. Бородин отмечает: «В новом УПК не определены задачи, которые он призван решать. Это прежде всего — преодоление преступности путем быстрого и полного раскрытия преступлений и обеспечение расследование преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден...»¹. Мы также полагаем, что любая отрасль права, носящая самостоятельный характер, что предполагает наличие в ней соответствующего предмета и метода правового регулирования², должна иметь и норму, регламентирующую ее задачи.

¹ *Бородин СВ.* О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 105; см. также: *Лунеев В.В.* Вступительное слово. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 91 и др.

² См.: *Петров Д.Е.* Отрасль права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 15-16.

Общественная опасность деяния, связанного с незаконным вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, выражается в том, что уголовное судопроизводство направлено на: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»¹. Принимая во внимание, что возбуждение уголовного дела является частью уголовно-процессуального преследования и охватывается понятием «уголовное судопроизводство», то оно должно быть направлено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Это означает, что уголовное судопроизводство выступает определенным гарантом общественной безопасности в России². Что происходит на самом деле, когда выносится незаконное постановление о возбуждении уголовного дела? Совершенно противоположное тому, что определено в ст. 6 (Назначение уголовного судопроизводства) УПК РФ. В этой ситуации законный правовой статус правоохранительных структур, их работников используется вопреки требованиям уголовно-процессуального законодательства. В нем начинают участвовать лица, по своему статусу, назначению обязанные не участвовать в такого рода уголовном судопроизводстве, поскольку в этой части оно незаконно. В этой связи деяние является общественно

опасным не только тогда, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного физического лица, но и тогда, когда оно возбуждается по факту обнаружения признаков преступления. Диссертант в полной мере разделяет мнение В.А. Лазарева о том, что «в механизме уголовно-процессуального регулиро-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 8.

² См.: *Касаткина С.* О соотношении публичных и личных интересов в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2003. № 3. С. 65.

128

вания решение о возбуждении уголовного дела играет роль юридического факта. Акт возбуждения уголовного дела является своеобразной точкой отсчета для ... применения мер процессуального принуждения. Он имеет гарантирующее значение в деле обеспечения прав, прежде всего конституционных, человека и гражданина ... решение о возбуждении уголовного дела дает импульс всей уголовно-процессуальной деятельности по ... обеспече-

« нию ... правового порядка в обществе»¹. В ситуациях, когда уголовное дело возбуждается незаконно, происходит прямо противоположное. Вся деятельность правоохранительных органов в части уголовного судопроизводства начинает действовать против интересов правосудия, происходит использование финансовых средств не в соответствии с назначением уголовного судопроизводства, а вопреки ему.

Установив начало общественной опасности уголовно-процессуального преследования временем подписания постановления о возбуждении уголовного дела и его отправкой в адрес прокурора, необходимо определить, в силу

м каких обстоятельств оно (деяние) становится общественно опасным. Таким обстоятельством выступает незаконность вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. По данным опроса, проведенного нами, 69% правоприменителей уголовного закона усматривают общественную опасность в факте незаконного возбуждения уголовного дела, и борьба с такого рода деяниями, по их мнению, должна осуществляться посредством уголовного закона. Постановление о возбуждении уголовного дела будет законным, если оно возбуждено в соответствии с требованиями, представленными в ст. 140 (Поводы и основания для возбуждения уголовного дела) УПК РФ. В названной статье отмечается: «1. Поводами для возбуждения уголовного дела служат: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. 2. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточ-

¹ *Лазарев В.А.* Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 12-13.

129

ных данных, указывающих на признаки преступления»¹. Рассмотрим каждый из поводов, представленных в уголовно-процессуальном законе. Первый повод — это заявление о преступлении. Постановление о возбуждении уголовного дела будет незаконным, если оно возбуждено без такого заявления, либо, хотя такое заявление имеется, но не известно лицо, представившее его в правоохранительный орган. Следующий повод — это явка с

повинной. По-

» становление считается возбужденным незаконно при отсутствии явки с повинной. И наконец, последний повод — это сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Постановление о возбуждении будет считаться незаконным, если оно возбуждено при отсутствии такого рода сообщения, либо, если полученное сообщение в соответствии со ст. 144 (Порядок рассмотрения сообщения о преступлении) УПК РФ не проверено должным образом, либо в сообщении указывается информация о готовящемся преступлении, относящемся к преступлениям небольшой или средней тяжести, то есть не являющимся общественно опасными и противоправными. Основанием же для возбуждения уголовного дела служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Если соотнести уголовно-процессуальные поводы и основания для возбуждения уголовного дела, то можно увидеть, что повод сам по себе не может являться основанием для возбуждения уголовного дела. Необходимо, чтобы любой из поводов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, содержал в себе признаки преступления. В ч. 2 ст. 21 (Обязанность осуществления уголовного преследования) УПК РФ указывается: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим

* Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления»². Таким образом, уголовное преследование начинается с вынесения постановления о возбуждении уго-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 71.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации.

130

ловного дела. Оно возбуждается прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем. Основанием для возбуждения уголовного дела является обнаружение признаков преступления.

Обобщая изложенное относительно основания для возбуждения уголовного дела, следует сказать, что в этом качестве выступает обнаружение признаков преступления. В соответствии со ст. 14 (Понятие преступления)

т УК РФ преступление характеризуется четырьмя признаками: виновностью;

общественной опасностью; противоправностью; угрозой наказания. Позиция законодателя в определенной мере находит отражение и в уголовно-правовой теории и в ней чаще всего речь идет о таких признаках, как общественная опасность, противоправность, виновность и уголовная наказуемость¹.

Вместе с тем важно отметить, что последовательность признаков преступления, заложенная в нынешнем варианте закона, регламентирующего понятие преступления, на наш взгляд, принципиально отличается от понятия преступления, формулируемого в уголовно-правовой доктрине. В доктрине

φ на первое место ставится признак материальный — общественная опас-

ность², а в законодательстве — виновность. В теории уголовного права высказано и другое понимание преступления. В частности, С. Пашин так определяет понятие преступления: «...Признанное судом в соответствии с материальным и процессуальным правом нарушение уголовного закона, когда суд находит целесообразным возложить на нарушителя специфические меры ответственности, позволяющие лишь при условии признания лица преступником»³. Представленное определение можно смело отнести к разряду оригинальных и заслуживающих самого пристального изучения. Поскольку целью нашего исследования не является формальное определение преступ-

*' ления, то мы ограничимся представленным суждением. Попутно отметим, что и формулировка С. Пашина в принципе содержит признаки, которыми

¹ См.: Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2001. С. 70-77; Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. М., 2000. С. 35-40 и др.

² См.: *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 117.

³ *Пашин С.* Понимание преступления // Уголовное право. 2000. № 3. С. 87.

оперирует закон при определении понятия «преступление». Делая этот вывод, мы руководствуемся тем, что автор вводит в понятие «преступление» признак «признание лица преступником». Данный признак означает наличие всех тех признаков, о которых говорится в ч. 1 ст. 14 (Понятие преступления) УК РФ. Вместе с тем в своем исследовании мы не можем обойти молчанием полемику, идущую в уголовно-правовой науке относительно такого признака преступления, как общественная опасность, поскольку оценка законности возбуждения уголовного преследования во много зависит от понимания этого признака, его значимости для преступления.

В теории уголовного права названному признаку придается особое значение. По мнению многих ученых, он является материальным и определяет как бы сущность преступления. «Основным материальным признаком преступления, — писал Ю.В. Солопанов, — характеризующим его сущность, является общественная опасность деяния. Она определяется прежде всего тем, что преступление посягает на важнейшие социальные ценности, провозглашенные и гарантируемые Конституцией РФ»¹. Вместе с тем в уголовно-правовой науке некоторые ученые-криминалисты не считают необходимым дальнейшее использование данного признака в понятии «преступление». Более того, в двух проектах УК (1993 и 1994 гг.) предполагалось не включать этот признак в понятие «преступление», ограничивая его формальным определением — деяние, запрещенное уголовным законом². Правда, в проекте УК РФ 1994 г. понятие «преступление», хотя и не содержало признака общественной опасности, однако включало в него вредоносность деяния³.

По мнению Ю.А. Красикова, понятие преступления должно отражать правовую характеристику, что предопределяет дальнейшую юрисдикцию других

¹ См.: Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рагога. М., 1996. С. 27.

² См.: *Дашков Г.В., Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Рагог А.И., Пашин С.А.* Уголовное Уложение вместо УК РФ // Записки криминалистов. 1993. № 1.

С. 219; Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть) Проект. Пояснительная записка. М., 1994. С. 8.

³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. С. 18.

132

уголовно-правовых институтов¹. Другой аргумент, используемый против признака общественной опасности — это сложность раскрытия его содержания².

Представленные аргументы относительно невключения признака «общественная опасность» в понятие «преступление» вполне можно оспорить. Так, использование в понятии «преступление» вместо признака «общественная опасность» признак «вредоносность» по существу ничего не меняет, поскольку вредоносность — это содержание общественной опасности. Кроме того, понятие «вредоносность» скорее отражает частный интерес в уголовном праве. Вредоносность в большей мере, по нашему представлению, связана с категориями «человек — гражданин — личность» и в меньшей степени — с категориями «общество — государство». «Преступление» же — категория публичная, сущность его состоит в создании опасности для всего общества, всего государства, и обойтись при определении понятия «преступление» признаком, не отражающим публичность уголовного права, на наш взгляд, едва ли возможно. Что касается того обстоятельства, что понятие «преступление» должно содержать правовую характеристику, то спорить здесь не с чем. Как известно, признаки преступления: противоправность, виновность, угроза наказуемостью все они в той или иной степени отражают правовые аспекты преступления. Однако такого рода отражение возможно лишь в том случае, когда определена материальная сущность анализируемого явления, то есть преступления. И эта материальная сущность и определяется признаком «общественная опасность». При отсутствии названного признака остается открытым вопрос: почему законодатель запретил то или иное деяние под угрозой уголовной ответственности? Что касается опасений, что данный признак не может быть легально истолкован, то оно, по нашему мнению, само по себе вполне уместно. Опасения должны быть и в этом, и в других случаях.

¹ См.: *Красиков Ю.А.* Уголовно-правовая реформа: Доктринальное обоснование и разработка концепции. Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации. М., 1992. С. 41.

² См.: *Кауфман М.А.* Некоторые вопросы применения норм Общей части УК РФ // Государство и право. 2000. № 6. С. 57.

133

Они позволяют развивать законодательство, совершенствовать уголовно-правовую науку. В настоящее время есть сложности с решением наполнения анализируемого вопроса конкретным содержанием. Однако он вполне может быть решен в более поздние сроки. Сегодня же того понимания, которое на этот счет дает законодатель, достаточно, чтобы реализовывать этот правовой институт, в том числе и в рамках уголовно-правовых принципов.

Таким образом, преступление характеризуется четырьмя признаками: общественная опасность; противоправность; виновность; угроза наказуемостью. Отсутствие в деянии любого из представленных признаков исключает в деянии лица преступление в целом. В

уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих уголовное преследование в части возбуждения уголовного дела, указывается, что основанием для возбуждения выступает наличие признаков преступления. Возникает вопрос: сколько и каких признаков преступления будет достаточно для начала уголовного преследования? В законодательстве и уголовном, и уголовно-процессуальном найти ответ на поставленный вопрос не представляется возможным. По нашему мнению, основанием для возбуждения уголовного дела служит не преступление в целом, а только отдельные его признаки. Если бы было иначе, то есть если бы дело возбуждалось при обнаружении всех признаков преступления, тогда законодатель при формировании основания для возбуждения уголовного дела ч. 2 ст. 140 (Поводы и основания для возбуждения уголовного дела) УПК РФ представил примерно в такой форме: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на преступления». На самом же деле в законе говорится о «... достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Представленная позиция уголовно-процессуального закона позволяет предполагать, что в качестве основания для начала уголовного преследования выступает не преступление в целом, а лишь отдельные его признаки. В определенной мере наша позиция находит подтверждение и в науке уголов-

134

но-процессуального права¹. Диссертант считает, что для возбуждения уголовного дела требуются не все, а минимум три признака. Это общественная опасность, противоправность преступления и угроза наказуемости за его совершение. В этом плане нами не называется четвертый признак преступления — виновность. Отсутствие на этом этапе виновности объясняется следующим образом. Виновность — категория, которая констатируется только судом. На этапе возбуждения уголовного дела о виновности не может быть и речи по нескольким причинам. В этот период еще может быть не известно лицо, которое совершило деяние, признаки которого свидетельствуют о преступлении. Однако, даже если такое лицо установлено, говорить о его виновности можно лишь предположительно и только применительно к подозрению данного лица в виновном совершении деяния, признаки которого обнаружены и составляют преступление.

Почему мы считаем достаточным для возбуждения уголовного дела трех признаков преступления? Логика нашего рассуждения на этот счет такова. Общественная опасность признак объективный, он в абсолютном большинстве случаев отражает характер совершенного не правонарушения а преступления. Наличие признака общественной опасности чаще всего свиде* тельствует о совершенном преступлении. И неспроста административный проступок, который ближе всего по своей вредоносности к преступлению, не наделен законодателем общественной опасностью².

Говоря о том, что общественная опасность во многом отражает преступление, мы вовсе не отождествляем ее (общественную опасность) с противоправностью, виновностью и угрозой наказания. Однако, как свидетельствует судебно-следственная практика, довольно часто именно признак общественной опасности — первый и наиболее очевидный признак, дающий основание для вывода о совершенном преступлении.

¹ См.: Лазарев В.А. Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства: Автореф. дис __ канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 16.

² См.: Кодекс Российской Федерации Об административных правонарушениях. М.,

По этой же логике для начала уголовного преследования требуется и второй признак преступления — это противоправность. Противоправность означает запрещенность данного общественно опасного деяния под угрозой уголовного наказания. Наличие общественной опасности автоматически не влечет за собой и признак противоправности. Однако по большинству составов преступлений, предусмотренных действующем уголовным законодательством РФ, общественная опасность — это следствие осознанного, волевого поведения человека. И наконец, третий признак преступления, который, по нашему мнению, необходим для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела — это угроза наказанием. Как представляется, угроза наказанием в определенной мере выступает свойством противоправности. Логика этого вывода такова. Если общественно опасное деяние запрещено уголовным законом, то уголовно-правовым механизмом этого запрета является угроза наказанием.

Изложенное позволяет констатировать, что основанием для начала уголовного преследования служит наличие трех признаков преступления: общественной опасности, противоправности, угрозы наказуемости. Что касается виновности, наличие которой, по мнению В.А. Лазарева, необходимо для возбуждения уголовного дела, то она не может появиться на этом и последующих этапах предварительного следствия. На предварительном следствии мы говорим не о виновности лица в совершенном преступлении, а о подозрении в совершении данным лицом преступления либо в обвинении этого лица в совершении преступления, но никак не можем констатировать вину лица в совершении расследуемого преступления. Начало уголовного преследования, выражающееся в вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, требует первой уголовно-правовой оценки деяния, в связи с которым оно возбуждается. Если такого рода деяние невозможно квалифицировать как конкретное преступление, то начинать уголовное преследование незаконно.

Возникает вопрос: можно ли на основании трех названных признаков преступления давать первую уголовно-правовую оценку совершенного дея-

ния? Думаем, что можно. На самом деле, если установлены три признака преступления, тем более, когда речь идет об общественной опасности преступления, характеризующей объект посягательства, противоправности, также ориентирующей на объект и не только на него, но и на другие признаки состава преступления, то ответ может быть только утвердительным. Вместе с тем, и это надо иметь в виду, что на данном этапе уголовно-правовая оценка носит не абсолютный, а весьма относительный характер¹.

Таким образом, наличие трех уголовно-правовых признаков преступления дает законное как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное основание для возбуждения уголовного дела, что означает начало уголовно-процессуального преследования.

Определившись с законным началом уголовно-процессуального преследования, необходимо решить вопрос о преследовании незаконном, то есть общественно опасном, образующем состав ст. 299 (Незаконное уголовно-процессуальное преследование) УК РФ. Мы полагаем, что преследование будет незаконным, если постановление о возбуждении уголовного дела ввѣ носителю при отсутствии любого из поводов, указанных в ч. 1 ст. 140

(Поводы и основания для возбуждения уголовного дела) УПК РФ. Оно будет незаконным и тогда, когда ни в одном из поводов нет оснований для вынесения такого постановления, то есть нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Речь идет о трех признаках преступления. Если они отсутствуют в таком объеме, но дело тем не менее возбуждается, то оно считается возбужденным незаконно. Постановление о возбуждении будет считаться незаконным и в случае, когда признаки преступления имеют место, однако лицам, начинающим уголовно-процессуальное преследование, известно, что лицо, совершившее общественно опасное и противоправное деяние, не достигло возраста уголовной ответственности. Оно будет незаконным

¹ См.: *Наумов А.В.* Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 47.

137

и тогда, когда постановление о возбуждении выносится при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Во всех нормах регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, прямо указывается — «не является преступлением». Отсюда следует вывод: причиненный в такой ситуации вред не содержит признаков преступления. Здесь нет общественной опасности, точно так же, как и противоправности. За такое деяние, поскольку оно не запрещено отсутствует угроза уголовным наказанием¹.

Изложенное относительно объективной стороны незаконного уголовно-процессуального преследования позволяет сформулировать следующие выводы: 1. Уголовно-процессуальное преследование заключается в вынесении соответствующим работником правоохранительной системы — прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем — постановления о возбуждении уголовного дела и его отправки в адрес прокурора, если такое постановление вынесено следователем, органом дознания или дознавателем. 2. Его общественная опасность характеризуется тем, что дело возбуждено незаконно, то есть в отсутствие основания для его возбуждения, и таким образом правоохранительная система начинает использоваться не в соответствии с назначением уголовно-процессуального законодательства России, а вопреки ему, что само по себе, не позволяет реализовывать уголовно-процессуальное законодательство по непосредственному обеспечению тех интересов, ради которых оно образовалось.

Незаконное уголовно-процессуальное преследование, начавшись вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, может на этом не закончиться, и продолжится. Суть продолжения может выражаться в проведении тех или иных следственных действий: обыска; допроса свидетелей, по-

¹ См.: *Рабданов А.С.* Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Саратов, 2000. С. 28; *Огурцов Н.А.* О категориях субъекта уголовного правоотношения в теории советского уголовного права и законодательстве. Проблемы уголовного и исправительно-трудового права // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР. 1975. Вып. 3. С. 20.

138

дозреваемых; ареста и выемки корреспонденции; задержания подозреваемого; предъявления обвинения; избрания меры пресечения; направления материалов дела прокурору и в суд; поддержания дела в суде. Представленные

уголовно-процессуальные действия будут незаконными не сами по себе, хотя могут быть таковыми и сами по себе, а главным образом по отсутствию законного основания для начала и продолжения преследования.. Все это
•> свидетельствует о том, что по своему характеру объективная сторона, исследуемого состава преступления, является продолжаемой. Однако не все уголовно-процессуальные действия, совершаемые после начала уголовно-процессуального преследования, по своему уровню общественной опасности равнозначны вынесению незаконного постановления о возбуждении уголовного дела. Прежде всего следует отметить, что все такого рода действия посягают на деятельность правоохранительных органов, обеспечивающих уголовно-процессуальное преследование в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства РФ в части его назначения. Вместе с тем

некоторые из этих уголовно-процессуальных действий причиняют ущерб" правам и свободам граждан. В такой ситуации характер причиняемого вреда изменяется, поскольку, помимо основного объекта осуществляется посягательство на объект дополнительный. В этом качестве и выступают права и свободы граждан, в отношении которых преследование ограничивает их права и свободы. Речь идет о незаконном задержании, а также предъявлении обвинения в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступлений, заключение под стражу либо содержание под стражей.

В настоящее время УК РФ отдельной статьей регламентирует уголовную ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или

* содержание под стражей (ст. 301). Мы же полагаем, что это часть незаконного уголовно-процессуального преследования, причем по уровню общественной опасности более значимая, нежели преследование, связанное с возбуждением уголовного дела. В этой ситуации значительно видоизменяется характер общественной опасности. Если применительно к простому преследо-

139

ванию (незаконное возбуждение уголовного дела) объектом выступает деятельность правоохранительных органов в части обеспечения назначения уголовно-процессуального права, то уголовное преследование, связанное с незаконным задержанием, дополнительно причиняет ущерб правам и свободам граждан, поскольку в этой части граждане незаконно лишаются свободы. Однако учитывая, что такого рода лишение свободы осуществляется долж-

»> ностными лицами, наделенными уголовно-процессуальными функциями

уголовного преследования, то и ответственность они должны нести не по ст. 127 (Незаконное лишение свободы) УК РФ, а по статье, предусматривающей ответственность за посягательство на правосудие. И объясняется это тем, что такое ограничение прав и свобод осуществляется работниками правоохранительных структур в процессе выполнения ими своих профессиональных функций.

На этот счет в уголовно-правовой теории высказаны иные суждения. Например, Л.В. Лобанова отмечает: «Именно потому, чтобы не допустить

φ произвольного применения мер принуждения к гражданам, служат составы

преступлений, предусмотренные ст. 301 и 302. С этих позиций можно объяснить помещение составов заведомо незаконного задержания или заключение под стражу в главу о преступлениях против правосудия, хотя ст. 301 УК и является одной из гарантий осуществления конституционного права на свободу и неприкосновенность... Указанная статья не соседствует с предписаниями ст. 126 и 127, поскольку объектом (основным) регламентируемого ею преступления является не свобода, не личная неприкосновенность как таковые, а общественные отношения, исключающие применение процессуального задержания... без предусмотренных на то процессуальным законом оснований или с нарушением данным законом порядка. Подобные отношения являются неотъемлемой частью нормально развивающейся процессуальной

140

деятельности. Личная свобода гражданина...выступает лишь в качестве дополнительного, хотя и обязательного объекта»¹.

Сама логика исследования проблемы представляется верной, однако, с нашей точки зрения, имеют место отдельные аспекты, которые нельзя обойти вниманием. На самом деле личная свобода применительно к рассматриваемому составу преступления выступает дополнительным объектом ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) УК РФ, однако названное деяние нельзя оценивать ни по признакам ст. 127, ни по ст. 126 (Похищение человека) УК РФ, но не потому, что данные отношения, по мнению автора, являются неотъемлемой частью развивающейся процессуальной деятельности. Здесь, скорее можно согласиться с авторами, считающими сущностью незаконного задержания отсутствие у задерживающего законных для задержания оснований². Речь в данном случае надо вести о том, что осуществляется не просто незаконное задержание, а нечто большее — незаконное уголовно-процессуальное преследование, а это означает, что соответствующие работники правоохранительных структур используют уголовно-процессуальное законодательство вопреки его назначению, и имеющееся при этом ограничение свободы выступает органической частью незаконного уголовно-процессуального преследования.

Автор настоящего исследования считает, что ответственность за незаконное задержание есть развитие незаконного уголовно-процессуального преследования. Оно осуществляется специальными субъектами и в рамках уголовного процесса, что означает специальный метод совершения незаконного лишения свободы. Вот почему такое деяние нельзя оценивать с позиции ст. 127 УК РФ. Оно должно быть предусмотрено ч. 2 ст. 299 (Незаконное

¹ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 109. На этот счет в определенной мере мы разделяем точку зрения А.К. Тихонова о том, что применительно к отдельным составам преступлений против правосудия объектом выступают охраняемые законом права и обязанности граждан,

способствующие обеспечению правильной деятельности органов правосудия (см.: Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М, 1994. С. 18).

² См.: Власов КС, Тяжкова ИМ. Указ. соч. С. 62.

уголовно-процессуальное преследование) УК РФ, и предусматривать в отличие от простого состава (ч. 1) более усиленную меру наказания. На наш взгляд, за простой состав (за незаконное уголовно-процессуальное преследование) наказание может быть в виде нынешней санкции ч. 1 ст. 301 УК РФ в виде ограничения свободы на срок до 3 лет, либо арестом на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет. Причем последний вид дополнительного наказания должен быть абсолютным, а не факультативным, как это заложено в санкции рассматриваемой нормы. Часть же 2 ст. 299 (в нашей интерпретации — незаконное уголовно-процессуальное преследование) УК РФ должна включать в себя незаконное задержание. При этом санкция заявленной части должна содержать в себе в качестве дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности. Основным же наказанием следует предусмотреть несколько альтернативных санкций: лишение права занимать определенные должности сроком на 5 лет; арест в 6 месяцев или лишение свободы от 2 до 3 лет. Названная санкция предполагает и наиболее суровый вид — лишение свободы. Включая в санкцию данной части ст. 299 УК РФ лишение свободы, мы не становимся сторонниками суждения о том, что «...нужно не только сохранить высокий процент приговоров к лишению свободы, но и пойти по пути дальнейшего усиления карательной политики»¹. Нам более импонирует позиция ученых, которые связывают рассматриваемый вид наказания с тяжкими преступлениями либо когда личность виновного требует длительного карательного воздействия². И хотя данный вид преступления не

¹ См.: *Карпец ИМ.* Наказание. М., 1973. С. 25.

² См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 2. С. 267; Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 81; *Стручков НА.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 190; *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 91; *Бышевский Ю.В., Марцев А.И.* Наказание и его назначение. Омск, 1975. С. 25; *Маликов Б.З.* Лишение свободы в России. Теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания. Саратов, 2001. С. 136; *Канунник А.И.* Наказание в виде лишения свободы. Теория и практика исполнения. Пенза, 2001. С. 5.

относится к разряду тяжких, тем не менее такое наказание, как лишение свободы, следует предусмотреть. Это вовсе не означает его постоянное применение судом. Однако сам факт его присутствия в санкции будет подчеркивать опасность анализируемого состава для личности, общества и государства.

Наряду с лишением свободы, на наш взгляд, следует предусмотреть и альтернативные виды, менее тяжкие, нежели лишение свободы. Именно они, эти альтернативные виды и должны стать основными видами наказаний, назначаемыми за квалифицированный вид уголовно-процессуального преследования. К ним мы отнесли лишение права занимать определенные должности сроком до 5 лет и арест сроком в 6 месяцев. При этом, если в качестве основного наказания назначается арест, тогда в обязательном порядке должно быть назначено и наказание дополнительное в виде лишения права занимать соответствующие должности на 3 года. Названный вид дополнительного наказания в большей мере обеспечит реализацию таких ее целей, как восстановление социальной справедливости и еще в большей мере предупредит совершение новых преступлений¹. В

Постановлении Пленума Верховного Суда России на этот счет указывается: «Исходя из того, что дополнительные меры наказания имеют важное значение в предупреждении совершения новых преступлений как самими осужденными, так и иными лицами, рекомендовать судам при постановлении приговора обсуждать вопрос о применении наряду с основным наказанием соответствующего дополнительного наказания. При этом следует иметь в виду, что дополнительные наказания могут быть назначены к любому виду основного наказания, предусмотренного санкцией закона. Однако лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может быть применено в качестве дополнительного наказания, если это наказание предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ как один из основных видов нака-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, СВ. Бородин. М., 2001. С. 239.

143

зания». Полагаем, что данное разъяснение Пленума Верховного Суда в определенной мере противоречит позиции закона. В ч. 3 ст. 47 (Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) УК РФ отмечается: «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Следовательно, если суд вправе назначать указанный вид наказания в качестве дополнительного, даже если он не предусмотрен санкцией соответствующей уголовно-правовой нормы. Тем более это возможно, если такая санкция содержит рассматриваемый вид наказания как в качестве основного, так и в качестве дополнительного.

Рассмотрим объективную сторону квалифицированного состава незаконного уголовно-процессуального преследования в виде незаконного задержания. В уголовно-правовой теории незаконное задержание рассматривается как процессуальное действие. Только оно рассматривается как общественно опасное и противоправное деяние¹. В то же время в специальной литературе высказано суждение, согласно которому задержание административное также образует состав ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) УК РФ². На самом деле такого рода задержание не может образовывать названный состав преступления по той простой причине, что задержание должно быть увязано с деятельностью правоохранительных структур в лице конкретных лиц: дознавателя, органа

¹ См.: Курс уголовного права: В 5 т. Т. 5: Учебник. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 189-190.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 472.

144

дознания, следователя и прокурора по применению уголовно-процессуального

законодательства России. При административном задержании уголовно-процессуальное законодательство не применяется.

Задержание приобретает общественную опасность, если оно осуществлено без наличия оснований, указанных в ст. 91 (Основания задержания подозреваемого) УПК РФ. Названная статья требует, чтобы орган дознания, следователь или прокурор задерживали лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы и при наличии одного из следующих обстоятельств: «1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу»¹.

Представленные законные уголовно-процессуальные основания для задержания подозреваемого лица являются исчерпывающими. Будет ли задержание незаконным в случаях несоблюдения требований, представленных в ст. 92 (Порядок задержания подозреваемого) УПК РФ? В уголовно-правовой литературе на этот счет высказаны различные точки зрения. Так, например, А.И. Чучаев отмечает: «Подпадает под признаки ст. 301 УК и задержание, произведенное с грубым нарушением установленной законом формы применения этой меры уголовно-процессуального принуждения (например, без составления протокола, без указания в нем времени задержания

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 50.

145

или его составления и т.д.)»¹. По мнению СМ. Рахметова и К.С. Карбекова, задержание признается незаконным лишь при нарушении оснований для задержания². По нашему мнению, задержание будет незаконным, то есть общественно опасным, когда нарушены уголовно-процессуальные основания для задержания. Что касается нарушения требований, связанных с порядком задержания, предусмотренных ст. 92 УПК РФ, то такого рода нарушения не образуют рассматриваемого состава преступления. И объясняется наша позиция следующими обстоятельствами. Уголовно-процессуальный кодекс РФ формирует две уголовно-процессуальные нормы, одна из которых называется: основания задержания подозреваемого, в то время как в другой определен порядок реализации установленного законом основания задержания. И хотя порядок реализации основания задержания важен, тем не менее он ни в коей мере не может заменить ни по значимости, ни по существу основания для задержания.

Изложенное служит основанием для следующего вывода: задержание

^ будет незаконным и достигает уровня общественной опасности преступления

лишь в том случае, когда задерживаемым нарушены, то есть не соблюдены основания для задержания, когда лицо не будучи процессуально подозреваемым задерживается в этом качестве.

Уголовно-правовая норма, регламентирующая ответственность за незаконное задержание, выступает в качестве простого состава ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) УК РФ. Квалифицированным же составом названной статьи законодатель предусмотрел норму, устанавливающую уголовную ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей. Логика действий законодателя в представленной ситуации очевидна. Лицо из подозреваемого становится обвиняемым. Его статус, хотя и не позволяет

¹ *Чучаев А.И.* Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 30; см. также: *Власов Т.С., Тяжкова ИМ.* Указ. соч. С. 62.

² См.: Уголовное право Казахстана. Особенная часть. Алматы, 2001. С. 474.

146

признать его виновным в совершении преступления, но достаточен для предъявления ему обвинения и в этом смысле служит основанием для признания его обвиняемым. Сам факт заключения под стражу, его содержание под стражей, осуществленные в отношении лица, не совершившего преступление, усиливают уровень общественной опасности по сравнению с незаконным задержанием. Несмотря на то, что и при задержании, и при аресте имеет место одно и то же явление — незаконное уголовное процессуальное преследование, однако они существенно отличаются друг от друга по степени общественной опасности. Подозреваемый по своему статусу как бы имеет возможность снять с себя подозрение, в то время как обвиняемый в совершении преступления, заключенный под стражу практически ассоциируется с преступником. У него уже меньше шансов уйти из-под влияния правоохранительных структур и статус его больше напоминает статус осужденного¹.

С учетом изложенного уместен вывод о том, что предъявление обвинения в отличие от начала уголовно-процессуального преследования, в том числе и задержания преступника, более опасное деяние и должно усиливать уголовную ответственность. Предъявление обвинения — этап, на котором, во-первых, лицо из подозреваемого становится обвиняемым. Его статус порождает определенную ассоциацию с лицом, действительно совершившим преступление. Во-вторых, этот статус позволяет многим правоохранительным структурам, их работникам усиливать свою деятельность по уголовно-процессуальному преследованию обвиняемого лица. И, наконец, в-третьих, само лицо оказывается в положении исключительно серьезном. Оно в этой ситуации обоснованно полагает, что если смогли предъявить обвинение, то смогут и привлечь к уголовной ответственности. Сказанное позволяет согласиться с законодателем, рассматривающим обвинение лица в качестве квалифицирующего обстоятельства применительно к привлечению заведомо-

¹ См.: *Жога Е.Ю.* Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная практика его законности и обоснованности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С 11.

147

мо невиновного лица к уголовной ответственности. Правда, законодатель связывает обвинение лица с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления, в то время как обвинение в совершении преступления небольшой и средней тяжести он рассматривает в

качестве простого состава. Полагаем, что в соответствии с изложенным, следует во всех случаях рассматривать предъявление обвинения как обстоятельство, существенно усиливающее

»» уровень общественной опасности уголовно-процессуального преследования.

Однако если предъявление незаконного обвинения лицу в совершении преступления небольшой и средней тяжести следует рассматривать наряду с незаконным задержанием в качестве квалифицированного состава, то незаконное обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления необходимо относить к особо квалифицированным обстоятельствам. Установив за это деяние наказание в виде лишения свободы от 6 до 10 лет с обязательным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности сроком до 5 лет.

ж Насколько правомерно в изложенной ситуации оставлять открытым

вопрос относительно ныне существующей в Уголовном кодексе ответственности за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей? На самом деле, выделив в качестве самостоятельного квалифицирующего признака состава незаконного уголовно-процессуального преследования признак незаконного задержания, мы тем самым как бы «разорвали» нынешний состав ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) УК РФ. Однако, по нашему мнению, такой разрыв в предложенном нами варианте весьма логичен. Кроме того, следует иметь в виду еще два обстоятельства, дополнительно обосновывающих нашу

* позицию. Первое заключается в том, что решение об аресте как меру про-

цессуального принуждения принимает не прокурор как представитель одной из правоохранительных структур, а суд как один из органов власти. Ответственность суда, точнее судьи, на сегодня установлена ст. 305 УК РФ. Названная статья устанавливает уголовную ответственность не только за вынесение

148

неправосудного приговора, решения, но и иного судебного акта. Судебным актом в этом плане, по нашему мнению, выступает и дача санкции на арест в качестве меры процессуального принуждения¹. Следовательно, в случаях, когда имеет место незаконный арест, ответственность за него несет судья, санкционирующий этот незаконный арест. Что касается работника правоохранительной структуры, по инициативе которого арест как мера процессуального принуждения был осуществлен, то он несет уголовную ответственность прежде всего за незаконное уголовно-процессуальное преследование, образующее квалифицированный либо особо квалифицированный состав. Если уголовно-процессуальное преследование осуществлено на уровне задержания подозреваемого или предъявления ему обвинения за совершение преступления средней тяжести, то будет иметь место квалифицированное уголовно-процессуальное преследование. Если предъявляется обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то речь пойдет об особо квалифицированном составе. Кроме того, это лицо по совокупности будет привлекаться в качестве соучастника вынесения заведомо неправосудного судебного акта.

Диссертант считает, что лица должны нести уголовную ответственность за деяния, непосредственно совершенные ими. Арест как мера процессуальная непосредственно осуществляется судом. Следовательно, и ответственность должен нести судья, а не

дознатель, следователь или прокурор. Дознаватель, следователь, прокурор должны нести уголовную ответственность за свои «собственные» действия, в частности за незаконное предъявление обвинения или незаконное задержание, которые и послужили основанием для незаконного ареста. В последнем случае за незаконный арест они несут также уголовную ответственность, но не за исполнение этого преступления. Они его исполнить не могут, поскольку не выступают в качестве специального субъекта — судьи, а за соучастие, разумеется, оно возможно при на-

¹ См.: Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2002. С. 853.

149

личии всех признаков соучастия в совершении незаконного ареста. Вид соучастника будет зависеть от функций, которые выполнило лицо. В случае, если имели место организация незаконного ареста или руководство по его осуществлению, тогда лицо привлекается к ответственности в качестве организатора. В других ситуациях речь может идти о подстрекательстве либо пособничестве. Другое обстоятельство заключается в том, что арест как мера

уголовно-процессуального принуждения осуществляется чаще всего на основании предъявленного лицу обвинения в совершении конкретного преступления. Отсюда вытекает вывод: по степени общественной опасности предъявление лицу обвинения не ниже ареста.

Действующее уголовное законодательство РФ, в частности ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) предусматривает уголовную ответственность не только за заключение под стражу, но и за содержание под стражей. Такая ответственность установлена ч. 2 названной статьи. По уровню общественной опасности они как бы тож-

дественны. Об этом свидетельствует тот факт, что и заключение, и содержание под стражей в законе размещены в одной и той же части (ч. 2) и санкция за них определена лишением свободы сроком до 4 лет. Может сложиться впечатление, что субъектом данной части ст. 301 УК РФ выступает одно и то же лицо: дознаватель, следователь, прокурор по ранее действующему уголовно-процессуальному законодательству; судья — по нынешнему Уголовно-процессуальному кодексу. При этом логика такова. Судья санкционирует арест, и лицо размещается в соответствующем следственном изоляторе. Сам факт его содержания в нем служит основанием для привлечения его не только за заключение, но и содержание в следственном изоляторе. Вместе с тем * субъекты этого состава преступления, на наш взгляд, различные. Судья будучи субъектом незаконного ареста как меры уголовно-процессуального принуждения, не может выступать в этом же качестве применительно к незаконному содержанию арестованного в следственном изоляторе. Незаконный арест — это длящееся преступление. Оно начинается с момента незаконного

ареста и длится далее, выливаясь в незаконное содержание под стражей. В этой связи

законодателю вряд ли имеет смысл устанавливать уголовную ответственность и за незаконный арест, и незаконное содержание под стражей. Установление ответственности за незаконный арест предполагает и уголовную ответственность за незаконное содержание под стражей. В уголовно-правовой литературе высказано на этот счет иное суждение. Так, например, Ю.А. Красиков пишет: «Содержание подозреваемого или обвиняемого будет незаконным, когда оно осуществляется при отсутствии оснований и условий, предусмотренных законом, а также сверх установленных УПК РФ сроков». Позиция автора, по нашему мнению, обоснована. Однако в этом плане правильнее говорить не о незаконном содержании, а о незаконном заключении под стражу, поскольку незаконное содержание вытекает из незаконного заключения под стражу. Вначале имеет место незаконное заключение под стражу, а затем как следствие незаконного заключения под стражу осуществляется незаконное содержание под стражей. Практически в качестве основания незаконного содержания под стражей и незаконного ареста Ю.А. Красиков рассматривает одни и те же обстоятельства. Что наиболее убедительно подтверждает высказанный нами тезис, так это авторское утверждение о том, что оконченным данное преступление он считает с момента заключения под стражу¹.

Таким образом, если заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей считается оконченным с момента заключения под стражу, тогда это одно длящееся преступление. В действительности вряд ли это так. Признавая названный состав преступления длящимся, какой смысл законодателю специально оговаривать не только начало выполнения состава, но и его следующие этапы, если они (эти этапы) по существу ничего не меняют. Ведь речь в этой ситуации идет о преступлении, которое длится не-

¹ См.: Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А.

¹ См.: Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2002. С. 853.

151

прерывно, образуя единое преступление¹. Полагаем, что суть дела заключается в другом, а именно в том, что субъектом незаконного заключения под стражу выступает судья. Субъектом же содержания под стражей выступает не судья, а работник мест, в которых содержатся лица, заключенные под стражу. В нашем представлении суть незаконного содержания под стражей заключается в том, что обвиняемый или подозреваемый, по указанию соот-

%> ветствующего должностного лица следственного изолятора, продолжает со-

держаться в нем, несмотря на отсутствие оснований для такого рода содержания. Ничего не меняется в этом плане и в случаях, когда содержание под стражей продолжается по указанию суда. И при таких обстоятельствах субъектом содержания под стражей выступает не судья, а должностное лицо следственного изолятора, по указанию которого подозреваемый или обвиняемый продолжает содержаться там, откуда он должен был бы быть освобожденным. Полагаем, что содержание под стражей — это длящаяся часть незаконного заключения под стражу. В том же случае, когда заключение под

ф, стражу было законным, а последующее содержание перешло в ранг неза-

конного, то ответственность за это должно нести лицо, посредством действий которого

заклученный продолжает пребывать в местах заключения.. Ясно, что реально это деяние может быть совершено должностным лицом следственного изолятора. По нашему мнению, такое деяние следует рассматривать как превышение должностных полномочий.

Незаконное предъявление лицу обвинения в совершении конкретного преступления будет считаться оконченным с момента наступления следующих обстоятельств: вынесение в отношении лица постановления о привлечении его в качестве обвиняемого; ознакомление лица с данным постановлением; избрание в отношении лица соответствующей меры пресечения; информирование об этом соответствующего надзирающего прокурора. В тех случаях, когда обвинение предъявляется заочно, преступление считается

См.: *Куриное Б.А.* Научные основы квалификации преступлений. М, 1976. С. 164—165.

152

оконченным при наличии всех других названных обстоятельств. Обвинение будет незаконным, когда оно вынесено в отношении лица, которое незаконно уголовно-процессуально преследуется, то есть имеется в виду ситуация, когда незаконно вынесено постановление о возбуждении уголовного дела либо лицо незаконно было задержано в качестве подозреваемого. Однако следует иметь в виду, что названные следственные действия, в том числе и задержание в качестве подозреваемого, вполне могут быть законными, в то время как предъявление обвинения в совершении конкретного преступления может быть незаконным. Такая ситуация возможна в случаях обвинения лица в преступлении, которого он не совершал, либо совершал, но в виде простого состава, в то время как его обвиняют в совершении квалифицированного или особо квалифицированного состава. Однако данного состава преступления не будет, если лицу предъявляют обвинение в совершении менее тяжкого преступления. Например, фактически лицо совершило квалифицированное убийство, но ему предъявляют обвинение в совершении простого или любого другого убийства, предусмотренного привилегированными составами¹. Такая ситуация, на наш взгляд, должна оцениваться как незаконное освобождение от уголовной ответственности по признакам ст. 300 УК РФ. Незаконное предъявление обвинения будет и в ситуации, когда лицо, выполнившее неоконченное преступление (приготовление к преступлению или покушение на преступление), обвиняется в преступлении оконченном. По этим же мотивам обвинение следует оценивать как незаконное, если оно предъявляется лицу, действовавшему в рамках обстоятельств, исключающих преступность

¹ В теории уголовного права высказано мнение о том, что к привилегированным составам убийства относится: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106), убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108) и убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108) УК РФ. См.: *Красиков А.Н.* Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 117; *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 92-121 и др.

153

деяния либо подлежащего освобождению от уголовной ответственности, либо от уголовного наказания.

Изложенное относительно квалифицирующих признаков состава, предусматривающего уголовную ответственность за заведомо незаконное уголовно-процессуальное преследование, по нашему мнению, должно выражать три части. Простой состав — состав, предусматривающий ответственность за уголовно-процессуальное преследование, выразившееся в незаконном задержании лица в качестве подозреваемого, в незаконном обвинении лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести. И состав, предусматривающий ответственность за уголовно-процессуальное преследование, выразившееся в незаконном обвинении лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно незаконном аресте, независимо от вида преступления, в совершении которого лицу предъявлено обвинение. Таким образом, заявленный состав должен состоят из трех частей: простой состав; квалифицированный состав; особо квалифицированный состав. Мы разделяем на этот счет точку зрения Т.А. Костаревой о том, что «количество частей в статье, содержащей основной и квалифицированные составы, не должно, как правило, превышать трех...При закреплении и устойчивых сочетаний в соответствующих частях статьи Особенной части возможны следующие варианты: во второй части статьи блок квалифицирующих, а в третьей — особо квалифицирующих признаков, усиливающих ответственность...Под упомянутыми блоками мы понимаем устойчивые сочетания квалифицирующих признаков»¹.

¹ *Костарева Т.А.* Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. С. 118; см. также: *Брайнин ЯМ.* Уголовный закон и его применение. М., 1963. С. 56.

154

Глава 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ВИНЫ

3.1. Уголовно-правовая характеристика субъекта привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности

Действующее уголовное законодательство России не формулирует понятие «субъект преступления против правосудия». Этот вопрос решается теорией уголовного права. И хотя по целому ряду важных аспектов категории «субъект преступления против правосудия» в уголовно-правовой теории достигнуто единство мнений, тем не менее существует немало вопросов, которые нуждаются в изучении, с тем чтобы повысить эффективность уголовно-правовой охраны личности, общества и государства от преступных посягательств. Однако прежде чем непосредственно приступить к исследованию заявленной проблемы, будет правомерно, хотя бы в общих чертах, остановиться и рассмотреть категорию «субъект преступления» вообще. Определение исходной позиции всякого научного исследования имеет исключительно важное значение, ибо, как отмечал В.И. Ленин, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»¹.

Понятие «субъект преступления» уголовному законодательству РФ известно, хотя данной категорией законодатель не пользуется. Ею широко пользуется теория уголовного права. Более того, многие аспекты названного понятия в доктрине уголовного права получили

обстоятельное освещение. Вместе с тем — это отнюдь не означает, что все стороны представленной темы перестали быть для теории уголовного права проблемными. Как представляется, нет должного единства среди ученых-теоретиков при определении понятия «субъект преступления». Так, по мнению Н.С. Лейкиной, поня-

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 15. С. 368.

155

тие «субъект преступления» включает в себя совокупность признаков, в соответствии с которыми физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. Постоянными же и всеобщими признаками выступает вменяемость и достижение лицом определенного возраста¹. Несколько иное понимание субъекта преступления дает С.В. Максимов: «...Субъект преступления, то есть лицо, способное нести уголовную ответственность за совершенное им умышленно или по неосторожности деяние, ответственность за которое установлена уголовным законом»². Более категоричен на этот счет Н.Г. Иванов: «Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее определенного в законе возраста»³.

Из представленных определений понятия «субъект преступления» видно, что первые два автора не расчленяют анализируемую категорию на конкретные признаки, а лишь ограничиваются указанием на то, что лицо подлежит уголовной ответственности либо оно способно нести уголовную ответственность. Последний, напротив, ничего не говоря об уголовной ответственности физического лица, в то же время называет конкретные признаки, характеризующие субъекта преступления. Позиция и тех, и других авторов, по нашему мнению, существенно отличается от позиции уголовного закона, регламентирующего заявленную категорию. В ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» говорится: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Содержание статьи показывает, что законодатель не включает ни в наименование, ни в ее текст словосочетание «субъект преступления». Он оперирует словосочетанием «физическое лицо», перечисляя при этом те признаки, которые по его мнению, должны характеризовать его в случаях привлечения лица к уголовной ответственности. Таким

¹ См.: Лейкина КС. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 37.

² Уголовное право. Общая часть / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2003 С. 90.

³ Российское уголовное право: В 2 т. Т. I: Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2003. С. 210.

156

образом, закон как бы подчеркивает неприемлемость использования категории «субъект преступления». В этом плане, на наш взгляд, законодатель совершенно прав. Оперировать исследуемой категорией не правомерно по нескольким обстоятельствам и прежде всего потому, что ею не пользуется уголовный закон. Другим обстоятельством служит тот факт, что соотносимость слов, образующих рассматриваемую категорию — субъект и преступление — противоречит уголовно-правовой логике. Ее суть заключается в том, что если есть преступление, то это предполагает и наличие лица, его совершившего. Стало быть, данное лицо уже соответствует стандартам, которые определены на этот счет законом, разумеется,

уголовным. Если же такого рода лица еще нет, то по вполне понятным соображениям, нет и преступления. И, наконец, третье обстоятельство, исходя из которого не следует пользоваться понятием «субъект преступления». Оно заключается в том, что названное словосочетание полностью акцентирует внимание на лице, совершившем преступление. Тем самым создается впечатление, что действующее уголовное законодательство РФ по своей правовой сущности направлено только лишь на привлечение лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности. На самом деле это не так. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на ст. 2 УК РФ, в которой законодатель сформулировал задачи, стоящие перед Уголовным кодексом России. В ч. 1 указанной статьи отмечается: «1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина ...от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений...».

Изложенное показывает, что одной из первых задач выступает охрана личности, общества и государства от преступных посягательств. В теории уголовного права понятие «уголовно-правовая охрана» рассматривается как сохранение определенной группы отношений от преступного воздействия на них путем возложения уголовно-правовой нормой определенных обязанно-

157

стей и предоставления определенных прав правоисполнителям и правоприменителям¹.

Таким образом, уголовно-правовая охрана как задача уголовного законодательства заключается прежде всего в удержании граждан от совершения преступления². Данное обстоятельство подтверждается и второй задачей, стоящей перед Уголовным кодексом. Речь идет о предупреждении совершения преступлений. Названная задача, как думается, решается посредством привлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности. Уголовная ответственность предупреждает совершение других преступлений как лицами уже привлеченными к ответственности, так и лицами на данном примере воздерживающимися от совершения преступлений. Следовательно, именно этот аспект (удержание от совершения преступления), по нашему мнению, и должен определять сущность рассматриваемой категории. В пользу этого следует привести и такой аргумент. Нынешний вариант определения общих условий уголовной ответственности не позволяет ответить на вопрос, почему лицо привлекается к уголовной ответственности. Тот факт, что в деянии такого рода лица имеются все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, а значит он должен понести уголовную ответственность, оставляет открытым вопрос: почему должен? Ответ на него следует включить в качестве самостоятельного признака в определение понятия «общие условия уголовной ответственности». Его суть заключается в том, что лица вменяемые и достигшие возраста, прямо предусмотренного уголовным законодательством РФ, в соответствии опять-таки с УК РФ, обязаны воздерживаться от совершения преступления под угрозой наказания. Эта обязанность вытекает непосредственно из уголовно-правовых норм Особенной части, в частности из гипотезы этих норм. Однако в них законодатель не оперирует непосредственно словосочетанием «обязан воздерживаться от совершения преступления». И это правильно. В противном случае УК РФ приобрел

¹ См.: *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 135.

² См.: Там же. С. 42.

бы излишнюю тафтологичность, в связи с чем утратил бы свою рациональность и компактность, что неизбежно осложнило бы его содержательное восприятие и правоисполнителями, и правоприменителями. Может ли УК РФ обойтись без указания на то, что соответствующие лица обязаны воздерживаться от совершения преступления? Полагаем, что нет, не может. Ситуация в этом плане не меняется и в связи с тем обстоятельством, что ч. 2 ст. 15 Конституции РФ провозглашает: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы»¹. Данное конституционное положение говорит о законах вообще, а не применительно к той или иной отрасли права. Оно (данное положение), как нам кажется, служит общей правовой базой для отраслей права, имеющих свою специфику, в связи с чем соответствующие отрасли права и должны, исходя из изложенного конституционного положения, формировать положения, обязывающие «своих» субъектов (граждан, соответствующие объединения) исполнять законы «своей» отрасли. Это, разумеется, относится и к такой отрасли права, как право уголовное, специфика которого заключается в том, чтобы обязывать граждан воздерживаться от совершения преступлений под угрозой уголовного наказания.

Как известно, субъект преступления выступает содержанием гипотезы уголовно-правовой нормы. В настоящее время в УК РФ нет специального положения, которое непосредственно возлагало бы на правоисполнителей (граждан) обязанность воздерживаться от совершения преступлений под угрозой уголовного наказания, а в случаях совершения ими конкретных преступлений возлагало бы уголовную ответственность, которую они обязаны будут исполнить. Такого рода обязанность может быть представлена в виде самостоятельного уголовно-правового положения, а местом ее расположения

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 8.

² См.: *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 23; *Петрова Г.О.* Норма и правоотношение — средство уголовно-правового регулирования. Н. Новгород, 1999. С. 109-111; *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. С. 179-182.

должна выступать статья, регламентирующая общие условия уголовной ответственности, то есть ст. 19 УК РФ.

Теория уголовного права, говоря о субъекте преступления, подразделяет его на субъекта общего и субъекта специального¹. Правильное решение данного вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В отношении общего субъекта законодатель определился, перечислив признаки, его характеризующие, в ст. 19 УК РФ. Это его физическая суть, вменяемость, достижение установленного уголовным законом возраста. В отношении же субъекта специального многие его аспекты законом не решены, что не может не порождать определенных трудностей для обеспечения задач по охране личности, общества и государства от преступных посягательств, в том числе и в части предупреждения такого рода преступлений. Недостаточная законодательная решенность

определения специального субъекта во многих случаях затрудняет реализацию не только принципа законности, неукоснительно требующего определения УК РФ и преступности деяния, и наказуемости, и иных уголовно-правовых последствий, но в равной мере и всех других уголовно-правовых принципов.

Действующее уголовное законодательство России предусматривает множество составов преступлений, исполнителем которых могут выступать не все физические лица, а только те из них, которые обладают специальными свойствами или качествами. Так скажем, если речь идет о составах преступлений, образующих главы Особенной части УК РФ, закон либо в форме примечания к соответствующей статье, либо непосредственно в виде самостоятельной статьи, а иногда, хотя и весьма редко, в самой уголовно-правовой норме определяет специальные свойства лиц, которые обязаны под угрозой уголовного наказания воздерживаться от совершения такого рода со-

¹ См.: *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 215; Курс советского уголовного права Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 289; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 155; Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой М., 1999. С. 178.

160

ставов преступлений в качестве исполнителей. Например, это касается гл. 30 (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления), гл. 33 (Преступления против военной службы) УК РФ, а также в уголовно-правовых нормах, устанавливающих уголовную ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300) УК РФ и в ряде других статей Особенной части УК РФ.

Вместе с тем ситуация, когда в качестве исполнителей соответствующих составов преступлений могут выступать не все вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного уголовным законом, по нашему мнению, требует внесения дополнения в ст. 19 УК РФ. В данном уголовно-правовом положении в качестве общих условий названы возраст физического лица и его вменяемость. Однако следует иметь в виду, что применительно к большой группе составов преступлений УК РФ этих условий недостаточно, чтобы совершить их в качестве исполнителей. Это порождает проблему, поскольку, с одной стороны, законодатель, предусматривая в Общей части специальную статью относительно общих условий уголовной ответственности, тем самым показывает, что применительно ко всем составам преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, действуют только эти условия. С другой стороны, оказывается, что есть немало составов, исполнителем которых не достаточно быть вменяемым физическим лицом и достигнуть определенного возраста. Они требуют наличия у субъекта и других качеств.

Все сказанное порождает необходимость внесения изменений и дополнений в ст. 19 УК РФ, в том числе и в наименование статьи. Предлагается указанную статью изложить в следующей примерной редакции: «Статья 19. Лица, обязанные воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных настоящим Кодексом. Вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного настоящим Кодексом, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных

ной частью настоящего Кодекса как в качестве их исполнителей, так и в качестве соучастников.

Вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста, обладающие другими специально предусмотренными соответствующими уголовно-правовыми нормами настоящего Кодекса свойствами или качествами, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения в качестве исполнителя деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса».

В связи с предложенной редакцией могут возникнуть соображения о том, что уж если вносить в уголовное законодательство в рассматриваемой части изменения, то уместнее как бы связать эти изменения с понятием «субъект преступления», потому что названная категория считается в уголовно-правовой доктрине устоявшейся. На самом деле категория «субъект преступления» в теории уголовного права признавалась и дореволюционными¹, и советскими², и современными юристами³ и в этом плане не подвергалась сомнению. Отмечая позитивность устоявшегося терминологического аппарата уголовного права, уместно признать, что она не может быть бесспорной, если в достаточной мере не отражает существа соответствующего явления.

Внесенные в ст. 19 УК РФ изменения, на наш взгляд, решают целый ряд вопросов, значительно усиливающих эффективность уголовного законодательства, в том числе в части реализации уголовно-правовых принципов. Прежде всего уголовный закон детализирует конституционную обязанность исполнения законов. Применительно к уголовному законодательству эта обязанность выступает в качестве воздержания от совершения преступлений

¹ См.: *Таганцев КС*. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 144. Следует все-таки отметить, что Н.С. Таганцев, характеризуя субъект преступления, пользовался понятием «виновник преступного деяния».

² См.: *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958.

³ См.: *Таганцев Я.С.* Указ. соч. С. 142; *Павлов ВТ.* Субъект преступления. СПб., 2001.

под угрозой уголовной ответственности. Вряд ли обоснованно рассматриваемое уголовно-правовое положение называть как общие условия уголовной ответственности при наличии ст. 8 УК РФ, предусматривающей единое основание уголовной ответственности. Основание уголовной ответственности не может не включать в себя и общие условия уголовной ответственности, а если это так, то выделять признаки, образующие общие условия уголовной ответственности, в самостоятельную статью вряд ли правомерно. Такая ситуация порождает проблему отграничения между общими условиями и общим основанием уголовной ответственности. Кроме того, посредством введенных в ст. 19 УК РФ изменений снимается проблема привлечения к уголовной ответственности специального субъекта, поскольку он (специальный субъект) прямо оговорен в ч. 2 представленной нами редакции анализируемого положения¹.

Кто же обязан воздерживаться от совершения преступления, предусмотренного ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) УК РФ? В самом уголовном законодательстве ответа на поставленный вопрос нет. И вообще позиция закона в рассматриваемой части вызывает некоторое недоумение. Если применительно к ст. 299 УК РФ вопрос о лицах, обязанных воздерживаться от такого рода деяния, оставлен законодателем открытым, то уже в следующей статье, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное освобождение от уголовной ответственности, субъекты перечислены. Так, в ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности) УК РФ отмечается: «Незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. — *А.Л.*)». Как видим, в уголовно-правовой норме дан исчерпывающий перечень лиц, обязанных воздерживаться от незаконного освобождения граждан от уголовной ответственности. Следует ли распространять

¹ См.: *Андреев Ю.В.* Основания уголовной ответственности сотрудников исправительно-трудовых учреждений за совершение преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Проблемы юридической ответственности: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2001. С. 109.

163

позицию закона в рассматриваемой части на ст. 299 УК РФ? Думаем, что этого делать нельзя, поскольку это будет противоречить ст. 3 (Принцип законности) УК РФ. В уголовно-правовой теории отмечается, что «безусловно, ясна невозможность полной аналогии закона применительно к установлению признаков состава преступления, содержанию наказания и иных уголовно-правовых последствий. В строгом смысле слова невозможно и приме-

«нение сходных уголовно-правовых норм, непосредственно не рассчитанных

на ситуации, оказавшиеся полностью или частично неурегулированными уголовным законом»¹. В ч. 2 указанного принципа прямо отмечается: «Применение уголовного закона по аналогии не допускается». Можно сказать, что распространение предусмотренных законом субъектов одних составов преступлений на другие составы, тем более, если они выступают родственными составами преступлений, не есть нарушение принципа законности. Полагаем, что это не так. Как известно, названный принцип гласит: «1.

Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последст-

вия определяются только настоящим Кодексом». Таким образом, законодатель связывает рассматриваемый принцип с тремя факторами: преступностью деяния; наказуемостью деяния; иными уголовно-правовыми последствиями. Лица, обязанные воздерживаться от совершения преступления, то есть субъекты преступления, являются частью состава преступления, следовательно, напрямую влияют и на преступность, и на наказуемость деяния, что и служит, по нашему мнению, достаточным аргументом в пользу высказанного нами суждения относительно нарушения принципа законности. Вместе с тем следует признать возможность распространения тех или иных признаков одних составов преступления на другие составы, если такая воз-

* возможность будет прямо предусмотрена законодательством. По форме это

уместно было бы делать либо посредством формирования примечания к соответствующей уголовно-правовой норме, например, как это сделал законо-

¹ Мальцев В.В. Принцип законности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовное право. 2003. № 1. С. 38.

164

датель применительно к ст. 285 (Злоупотребление должностными полномочиями) УК РФ, либо посредством формирования соответствующего положения, разместив его в самостоятельной статье, как это сделано в ст. 331 (Понятие преступлений против военной службы) УК РФ.

Если данный вопрос непосредственно не решен в законе, то уместно посмотреть его решение в судебной практике и теории уголовного права. Прежде всего следует отметить, что судебная практика не приводит ни одного примера, который бы свидетельствовал о случаях рассмотрения такого рода дел судами с вынесением обвинительных приговоров. При этом речь идет о судебной практике России, включающей в себя и советский период, когда к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц привлекали даже не десятками, а сотнями¹.

Иная картина по этому поводу наблюдается в уголовно-правовой теории. В ней названная проблема находит свое решение. Так, в уголовно-правовых комментариях признается, что субъектом преступления выступает должностное лицо, наделенное по закону правом привлечения в качестве обвиняемого (прокурор, следователь, лицо, производящее дознание), независимо от ведомственной принадлежности². Как видно, авторы, давая перечень должностных лиц правоохранительных органов, выступающих в роли обвиняемых по воздержанию от совершения анализируемого состава преступления лиц, его не обосновывают. Несколько иначе, но не по кругу лиц (он тот же), а с некоторым обоснованием этого круга решается названный вопрос другим источником. В нем в качестве субъектов выступают лица, уполномоченные процессуальным законом на вынесение соответствующего постановления: лицо, производящее дознание, следователь и прокурор³. В большинстве других учебников также не приводится какого-либо обоснования предла-

¹ См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева и С.В. Бородина. М., 2001. С. 1072-1073.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.Н. Панченко: В 2 т. Н. Новгород, 1996. С. 305.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. М., 2002. С. 884.

165

гаемых авторами работников правоохранительных структур. Они просто называют их — это прокуроры, следователи, лица, производящие дознание¹. Анализ монографической и главным образом учебной литературы, включающей в себя и комментарии Уголовного кодекса России, показывает, что все авторы рассматривают в качестве субъектов анализируемого состава преступления прокурора, следователя и лица, производящего дознание. По нашему мнению, круг лиц, обязанных под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения рассматриваемого преступления, должен определяться

каким-то единым критерием. Таким критерием, как представляется, должен выступать объект преступления. При исследовании объекта анализируемого состава преступления в этом качестве нами называлась деятельность правоохранительных структур по обеспечению задач уголовного законодательства России, осуществляемая в рамках назначения уголовного судопроизводства. Высказанное суждение относительно объекта предполагает, что работники правоохранительных структур, своей деятельностью реализуют соответствующие уголовно-правовые нормы, решают задачи уголовного законодательства в части охраны личности, общества и государства от преступных посягательств и таким образом предупреждают преступления. Основная масса работников правоохранительных органов обеспечивают задачи Уголовного кодекса РФ вне рамок уголовно-процессуальных отношений. И лишь некоторые из них, прямо обозначенные в Уголовно-процессуальном кодексе, делают это посредством реализации уголовно-процессуальных норм. В ст. 21 (Обязанность осуществления уголовного преследования) УПК РФ непосредственно указывается: «1. Уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. 2. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотрен-

¹ См.: Курс уголовного права: В 5 т. Т. 5: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова М, 2002. С. 187; Курс уголовного права: В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 2002. С. 848; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 556 и др.

166

ные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления...»¹. Изложенная статья Уголовно-процессуального кодекса России дает исчерпывающий перечень лиц, которые обязаны осуществлять уголовное преследование. Следует иметь в виду, что уголовное преследование начинается возбуждением уголовного дела, а оно в соответствии со ст. 146 (Возбуждение уголовного дела публичного обвинения) УПК РФ может быть осуществлено только дознавателем или следователем с согласия прокурора, а также прокурором в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом.

Таким образом, уголовное преследование посредством возбуждения уголовного дела не может исходить от органа дознания. Только перечисленные лица при осуществлении уголовного преследования осуществляют реализацию уголовно-правовых норм посредством исполнения уголовно-процессуальных норм, и следовательно, обеспечивают задачи, стоящие перед Уголовным кодексом России. Однако это возможно, если их деятельность, во-первых, основывается на уголовно-правовых принципах: законности, равенства граждан перед уголовным законом, виновности, справедливости и гуманизма. И, во-вторых, свою уголовно-процессуальную деятельность указанные лица осуществляют с учетом уголовно-процессуальных принципов. Первая группа принципов (уголовно-правовая) позволяет обеспечить, как уже говорилось, задачи уголовного законодательства России, вторая — действия такого рода лиц в рамках назначения уголовного судопроизводства. Без реализации уголовно-правовых принципов невозможно обеспечить задачи, стоящие перед уголовным законодательством².

В свою очередь, уголовно-процессуальная деятельность, не основанная на принципах

уголовно-процессуального права, будет в той или иной ме-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 12-13.

² См.: *Гринберг М.С.* Уголовное право как феномен культуры // Правоведение. 1992. № 2. С. 57; *Мальцев В.В.* Категория «общественно опасное поведение». Волгоград, 1995. С. 176-181; *Демидов Ю.А.* Основные принципы советского уголовного права // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1969. Вып. 9. С. 21; *Кригер Г.А.* Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 106; *Фефелов П.А.* Принципы советского уголовного права // Правоведение. 1989. № 2. С. 37.

167

ре противоречить назначению уголовного судопроизводства, что будет означать не защиту личности от необоснованного уголовно-процессуального преследования, а, наоборот, уголовно-процессуальное преследование, противоречащее назначению уголовного судопроизводства. В этой связи вряд ли можно согласиться с суждением В.Т. Томина о том, что «защита законных интересов гражданина и человека в сфере уголовного судопроизводства подменяется защитой «прав и свобод» лица, нарушившего чужие «права и свободы... При этом элементарно игнорируется то грустное обстоятельство, что сегодня в России серьезный преступник не нуждается в защите от органов уголовного судопроизводства, им до него просто не добраться»¹. Действующее уголовно-процессуальное законодательство России не проводит отграничений при защите прав и свобод законопослушного гражданина от прав и свобод гражданина, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Исходя из изложенного, логично сделать вывод о том, что в качестве субъектов анализируемого состава преступления могут выступать лишь прокурор в рамках предоставленных ему полномочий, следователь и лицо, производящее дознание. Именно названные лица своей профессиональной деятельностью решают уголовно-правовые задачи и обеспечивают назначение уголовного судопроизводства. Если их деятельность осуществляется в заявленных пределах, то она соответствует требованиям объекта уголовно-правовой охраны. Если же их деятельность осуществляется вопреки охраняемому объекту и при этом имеют место все другие признаки рассматриваемого деяния, тогда налицо состав преступления, предусмотренный ст. 299 УК РФ.

Вот та уголовно-правовая логика, которая, по нашему мнению, должна лежать в основе установления круга лиц, обязанных воздерживаться от привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

¹ *Томин В.Т.* Уголовный процесс России на рубеже XX-XXI веков: аспекты взаимодействия с международным правом // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 1998. Ч. 2. С. 4.

168

Заявленный круг лиц, выступает в качестве субъектов исследуемого состава независимо от видов уголовного преследования. В соответствии со ст. 20 (Виды уголовного преследования) УПК РФ существуют три вида уголовного преследования: публичное, частно-публичное и частное. В основу такой диф

ференциации закон положил такой критерий как «характер и тяжесть совершенного преступления»¹. Что касается критерия «характер совершенного преступления», то он и по форме, и по содержанию является уголовно-правовым.

В теории уголовного права понятие «характер» связывается с общественной опасностью и предопределяется объектом преступления².

Несколько сложнее обстоит дело с другой категорией, которая также положена уголовно-процессуальным законодателем в основу дифференциации на виды уголовного преследования. Речь идет о «тяжести совершенного преступления». Данное понятие уголовным законодательством не используется и в этом плане наполнить его материальным содержанием не представляется возможным. Полагаем, что в этом нет острой потребности. Вышена-

званная дифференциация основывается не столько на характере и тяжести совершенного преступления, сколько на поводах и основаниях возбуждения уголовных дел. Так, перечисленные в ч. 2 ст. 20 УПК РФ составы преступлений по характеру общественной опасности, а значит по тяжести преступлений выше многих других составов, расположенных, например, в разд. «Преступления в сфере экономики». Однако по первым — уголовные дела возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего, в то время как по преступлениям названной группы, они могут быть возбуждены и без заявления потерпевшего. Так называемые частные дела могут по инициативе потерпевшего (до удаления суда в совещательную комнату) быть прекращены.

* Именно этот критерий позволил законодателю отнести названную категорию дел к делам, по которым уголовное преследование осуществляется в частном

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 12.

² См.: *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 25; *Мальцев В.В.* Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 27.

порядке. Составы преступлений, по признакам которых уголовные дела также возбуждаются по заявлению потерпевших (предусмотрены ч. 3 ст. 20 УПК РФ), однако от первой категории они отличаются одним: не могут быть прекращены по инициативе потерпевшего. По таким уголовным делам осуществляется частно-публичное преследование. В отношении всех остальных деяний уголовное преследование носит публичный характер.

По всем такого рода преступлениям субъектами, обязанными воздерживаться от их совершения, выступает в качестве исполнителя и прокурор, и следователь, и лицо, производящее дознание. Объясняется это тем, что (как уже отмечалось), состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности считается оконченным с момента предъявления потерпевшему обвинения в совершении преступления. Каждый из названных лиц по своему уголовно-правовому статусу может выносить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявлять ему обвинение. Именно поэтому названная категория лиц признается в качестве субъекта деяния, предусмотренного ст. 299 УК РФ. Значительно сложнее решается вопрос о субъекте применительно к новой

редакции ст. 299 УК РФ, данной нами в гл. 2 настоящего исследования. В соответствии с данной редакцией деяние приобретает общественную опасность с начала уголовно-процессуального преследования, то есть с момента возбуждения уголовного дела. Именно это обстоятельство (возбуждение уголовного дела) и осложняет определение субъекта данного состава. Рассмотрим этот вопрос применительно к каждому из возможных субъектов: прокурору, следователю, лицу, производящему дознание. *Прокурор* в соответствии с ч. 1 ст. 37 (Прокурор) УПК РФ «...является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью и органов предварительного следствия... возбуждать уголовное дело и в порядке, установленном настоящим Кодексом, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоя-

170

щему прокурору либо принимать его к своему производству...»¹. Как видим, уголовно-процессуальное законодательство России непосредственно возлагает на прокурора осуществление уголовного преследования, в том числе и в части возбуждения им уголовного дела.

Уголовно-процессуальный статус *следователя* определен ст. 28 (Следователь) УПК РФ. В ч. 2 указанной статьи отмечается: «При осуществлении предварительного следствия по уголовному делу следователь уполномочен: 1) возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом...»². Таким образом, исходя из своих уголовно-процессуальных полномочий, он начинает уголовное преследование лица вынесением постановления о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 37, 146 УПК РФ уголовное дело считается возбужденным, если на этот счет получено согласие прокурора. Так, в частности, в п. 4 ч. 2 ст. 37 (Прокурор) указывается: «Давать согласие дознавателю, следователю на возбуждение уголовного дела в соответствии со ст. 146 настоящего Кодекса»³. Более четко эта мысль представлена в ч. 1 ст. 146 (Возбуждение уголовного дела публичного обвинения) УПК РФ. В ней прямо постулируется, что «при наличии поводов и оснований, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, дознаватель или следователь с согласия прокурора... возбуждают уголовное дело...»⁴. Справедливости ради необходимо отметить, что предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством РФ согласие прокурора на возбуждение уголовного дела в теории уголовного процесса подвергается сомнению. «Введение института получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, — пишет Д.И. Дзюба, — создает серьезные препятствия к своевременному возбуждению уголовного преследования... Процедура возвращения следователя с места происшествия за получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела влечет за

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 21.

² Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. М., 2002. С. 12,22.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 21.

⁴ Там же. С. 73.

171

собой упущенные время и инициативу по сбору и закреплению доказательств»¹.

Мы не разделяем высказанных опасений автора. Возбуждение уголовного дела, то есть начало официального уголовного преследования, включает в орбиту этого процесса множество людей и нередко — организаций. При этом создаются правовые основания для уголовно-процессуального принуждения. В уголовно-процессуальной теории, по нашему мнению, верно отмечается: «Принуждение является необходимым элементом механизма уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающим реализацию предусмотренных нормой права предписаний даже в случае отказа от их добровольного исполнения»². В этой связи исключительно важно предусмотреть правовые условия, выступающие как бы определенными правовыми гарантиями от не только необоснованного, но и поспешного возбуждения уголовного дела. Согласие прокурора на возбуждение уголовного дела в известной мере и выступает такой гарантией. Однако такое согласие прокурора создает некоторые уголовно-правовые осложнения при определении субъекта анализируемого состава преступления. В ситуации, когда речь идет о заведомо незаконном уголовном преследовании, его субъектами могут выступать и следователь, и прокурор, и оба одновременно.

Рассмотрим все три названных ситуации.

Ситуация первая, когда субъектом выступает только следователь, согласовавший постановление о возбуждении уголовного дела с прокурором. При этом прокурор не осведомлен о намерении следователя осуществить таким образом заведомо незаконное уголовное преследование. Представленные следователем материалы, обосновывающие правомерность уголовного преследования, объективно не вызывают сомнений. При таких обстоятельствах субъектом рассматриваемого состава может выступать лишь следователь.

¹ Дзюба Д.И. Криминологическая обусловленность нового уголовно-процессуального законодательства в аспекте борьбы с терроризмом (проблемные вопросы) // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 131.

² Полунин С.А. Уголовно-процессуальные санкции и особенности их применения: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. С. 10.

172

Ситуация вторая, когда субъектом может выступать лишь прокурор. Она возможна в случаях, когда прокурор сам возбуждает уголовное преследование, а материалы уголовного дела для дальнейшего производства передает следователю, который, исходя из полученных материалов, не осознает наличие заведомо незаконного уголовного преследования. Субъектом данного состава будет прокурор и когда он дает указание следователю о возбужде-

φ нии уголовного дела, тем самым дает согласие в форме возложения на следователя обязанности по незаконному уголовному преследованию. Здесь возможны несколько вариантов уголовно-правовой оценки действий следователя. Первый, когда следователь не осознает общественной опасности своего участия в заведомо незаконном уголовном преследовании. Если это так, то по вполне понятным соображениям он (следователь) не выступает в качестве субъекта преступления. Второй — следователь осознает уголовную противоправность совершаемого им и прокурором незаконного уголовного преследования, но продолжает выполнять указания прокурора. В этом случае он —

« субъект совершаемого преступления. И тот факт, что следователь выполняет приказ прокурора, не освобождает его, как и других субъектов, обязанных понести уголовную ответственность за заведомо незаконное уголовное преследование.

И, наконец, третья ситуация, когда в качестве субъектов (соисполнителей) выступают одновременно и следователь, и прокурор. Если роль прокурора ограничивается только дачей согласия на возбуждение уголовного дела, то и в этом случае он является соисполнителем заведомо незаконного уголовного преследования. И объясняется это тем, что такого рода согласием прокурор выполняет объективную сторону заведомо незаконного уголовного преследо-

* вания. В тех же случаях, когда участие прокурора в совершении названного преступления продолжается, то, естественно, он тем самым соисполнительствует в продолжаемом заведомо незаконном уголовном преследовании.

Лицо, производящее дознание также может выступать субъектом заведомо незаконного уголовного преследования. При этом следует иметь в виду,

173

что уголовно-процессуальный статус дознавателя существенно отличается от аналогичного статуса следователя, в том числе и в части возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальная норма ст. 41, регламентирующая уголовно-процессуальное положение дознавателя (Дознаватель) УПК РФ не уполномочивает дознавателя к принятию решения о возбуждении уголовного дела. Это позволяет предполагать, что данное должностное лицо, в отличие от следователя, не может непосредственно выносить постановление о возбуждении уголовного дела. Для этого требуется согласие начальника органа дознания. На самом деле ст. 40 (Орган дознания) УПК РФ в ч. 3 формулируется положение о возложении на орган дознания: «Возбуждение уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса...»¹.

Исходя из представленной ситуации, видно, что указание на возбуждение уголовного дела, а значит на начало осуществления уголовного преследования, дает орган дознания. Дознаватель же выполняет полученное указание о возбуждении уголовного дела. В то же время в законе непосредственно не определен круг должностных лиц органа дознания, которые вправе давать дознавателю указание о возбуждении уголовного дела. Необходимость в этом, на наш взгляд, весьма очевидна, поскольку сам факт возбуждения создает уголовно-процессуальные основания для уголовно-процессуального принуждения граждан². Речь в данной ситуации идет не только о лицах, в отношении которых возбуждается уголовное дело, но и многих других граждан, которые в этой связи начинают выступать в роли свидетелей, потерпевших и т.д. Мы полностью соглашаемся с точкой зрения В.А. Лазарева о том, что в законе следует точно оговорить круг должностных лиц органа дознания, которые вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 24.

² См.: *Смординова А.Г.* Проблемы использования специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела в Российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 11.

³ См.: *Лазарев В.А.* Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на

При сложившейся на этот счет уголовно-процессуальной ситуации, субъектом рассматриваемого состава преступления может выступать орган дознания (в лице должностного лица, давшего дознавателю указание о возбуждении уголовного дела). В этом качестве может выступать и сам дознаватель, когда своими уголовно-процессуальными действиями совершает уголовно-процессуальное преследование. Уголовно-процессуальное преследование будет осуществляться; двумя субъектами в форме соисполнительства, когда и соответствующее должностное лицо органа дознания, и дознаватель действуют совместно. Должностное лицо дает указание о возбуждении уголовного дела, а дознаватель выносит постановление о возбуждении и получает санкцию прокурора о его возбуждении, если при этом они (орган дознания и дознаватель) совершают это для заведомо необоснованного уголовно-процессуального преследования. В том же случае, когда и прокурор, давая согласие на возбуждение уголовного дела, делает это для заведомо необоснованного уголовно-процессуального преследования, тогда такого рода преступление выполняется тремя соисполнителями: органом дознания в лице соответствующего должностного лица, давшего указание о возбуждении уголовного дела; дознавателем, вынесшим постановление о возбуждении уголовного дела; прокурором, санкционировавшим его возбуждение.

Все сказанное о субъектах, обязанных воздерживаться от совершения преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ в предложенной нами редакции, позволяет сформулировать ряд выводов: 1. Действующее уголовное законодательство России не совсем обоснованно употребляет категорию «общие условия уголовной ответственности». Вызывает возражение и оперирование уголовно-правовой теорией категорией «субъект преступления». По нашему мнению, ни одна из этих категорий не отражают сущности того явления, для характеристики которого они предназначены, в связи с чем предлагается другая категория — «лица, обязанные воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных настоящим Кодексом». Данное словосочетание предлагается использовать в качестве наименования ст. 19 УК РФ.

Кроме того, положение, устанавливающее общие условия уголовной ответственности, оставляет открытым вопрос о специальных свойствах и качествах, которые должны характеризовать обязанных под угрозой уголовного наказания лиц воздерживаться от совершения деяний. В данном положении (ст. 19 УК РФ) на этот счет ничего не говорится, хотя, как нам думается, именно в ней такое указание должно быть сформулировано. Указанный пробел мы предлагаем устранить посредством формулирования соответствующего положения и рекомендуем расположить его в качестве ч. 1 ст. 19 УК РФ. В этом же параграфе делается вывод относительно круга лиц, обязанных воздерживаться от совершения деяния, предусмотренного ст. 299 УК РФ. При этом субъекты данного состава рассматриваются применительно как к законодательному варианту состава, так и варианту, предлагаемому нами. Определяясь с кругом лиц, обязанных воздерживаться от анализируемого состава преступления, автором настоящего исследования формулируется критерий, исходя из которого правомерно решать данную проблему. В этом качестве нами предлагается использовать объект преступления.

3.2. Вина лица, совершившего деяние, предусмотренное ст. 299 Уголовного кодекса РФ

Прежде чем приступить к непосредственному исследованию проблемы вины лица, совершающего привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного, необходимо определиться с вопросом о месте вины в субъективной стороне состава преступления, о соотношении вины с другими признаками субъективной стороны; выявить признаки, характеризующие вину, сформулировать ее понятие.

Вина, как известно, характеризует субъективную сторону любого состава преступления. В то же время в теории уголовного права ряд авторов ограни-

176

чивают субъективную сторону только виной¹. Другие, включают в нее (субъективную сторону) не только вину, но и мотив, цель², а некоторые дополняют ее и таким признаком, как эмоциональное состояние³. Как представляется, субъективная сторона состава преступления характеризуется тремя признаками: виной, мотивом и целью. Объясняется это тем, что состав преступления — это некая законодательная модель преступления, в которой законодатель сосредоточил минимум уголовно-правовых признаков. Отсутствие любого из них равнозначно отсутствию уголовно-правового основания для привлечения лиц, в деянии которых эти признаки имеют место, к уголовной ответственности. Именно поэтому в уголовно-правовой норме, описывающей состав соответствующего преступления, могут присутствовать лишь отдельные признаки. Вина, например, является всегда обязательным признаком. Что касается цели и мотива, то они могут быть заложены законодателем в норму в качестве обязательных признаков, но могут быть и не заложены в нее. Когда же речь идет о субъективной стороне любого преступления, то во всех такого рода ситуациях субъективная сторона характеризуется только виной. Мы объясняем это обстоятельство тем, что вина по своему содержанию не может не включать в себя и мотив, и цель. На наш взгляд, мотив и цель преступления чаще всего предшествуют вине. Они всегда сопровождают ее и поэтому не могут выступать в качестве самостоятельных признаков преступления. В этом плане следует полностью согласиться с позицией П.С. Дагеля, который полагал, что суждение, в соответствии с которым субъективная сторона преступления включает в себя вину, мотив, цель осно-

¹ См.: *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления. Воронеж, 1974. С. 41-42; *Ворошилин Е.В., Кригер ЛЛ.* Субъективная сторона преступления. М., 1987. С. 6-7; *Злобин Г.А.* Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 23; *Российское уголовное право: Курс лекций.* Владивосток, 1999. Т. 1. С. 385 и др.

² См.: *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть.* Саратов, 1997. С. 183; *Афян Э.* Мотив и цель незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Уголовное право. 2003. № 2. С. 9 и др.

³ См.: *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 201; *Коршиков И.В., Щербаков В.В.* Уголовное право. Общая часть: Учебное пособие. Самара, 2000. С. 35; *Иногамова-Хегай Л., Жовнир С.* Субъективная сторона лжепредпринимательства // Уголовное право. 2001. № 4. С. 29 и др.

177

ываается «... на смешении субъективной стороны преступления (вины) и признаков состава преступления, характеризующих эту субъективную сторону (умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект, заведомость и др.)...»¹.

Ярким оппонентом представленной позиции выступает А.И. Рарог. По его мнению, «отождествлению вины с субъективной стороной преступления не соответствует законодательной характеристике вины... Законодатель от-

«, носит к содержанию вины, то есть умысла и неосторожности, лишь сознание и волю, не оставляя места для мотива, цели и иных признаков, характеризующих психическую активность субъекта в связи с совершенным преступлением... Включение в вину мотива, цели, эмоций, заведомости и других психологических признаков, круг которых точно не определен, вносит путаницу в решение вопроса о форме вины и лишает эти признаки самостоятельного значения как признаков субъективной стороны, хотя в законе такое значение им нередко придается...»².

Диссертант считает, что применительно к преступлению вина, независимо от ее формы или вида, всегда сопровождается и целью, и мотивом. В

этом плане, видимо, можно усмотреть определенную специфику применительно к преступлениям, характеризующимся неосторожной формой вины. Что же касается преступлений умышленных, то вина сопряжена с мотивом и целью. Для того чтобы убедиться в этом, можно пойти от обратного и поставить вопрос иначе, возможно ли, чтобы мотив и цель совершения преступления не сопровождалась виной? Ответ, по нашему мнению, достаточно очевиден — такого быть не может. Однако это вовсе не означает, что во всех подобного рода ситуациях мотив и цель совершения преступления, что называется, сливается с виной лица. Думаем, что этого не происходит. И если за-

* кон применительно к отдельным ситуациям выделяет тот или иной мотив или цель, а иногда и то, и другое одновременно в качестве самостоятельного

¹ *Дагель П.С.* Понятие вины в советском уголовном праве // *Материалы XIII научной конференции ДВГУ. Владивосток, 1968. Ч. IV. С. 123.*

² *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 7-8.

и обязательного признака, то это, как нам представляется, свидетельствует о том, что влияние данных признаков на вину лица чрезвычайно велико.

В этом смысле заслуживает внимания позиция А.И. Рарога. С одной стороны, он — сторонник выделения в субъективной стороне преступления в качестве самостоятельных признаков вины мотива и цели; с другой — утверждает, что «вина — определенная форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию — составляет ядро субъективной стороны преступления, но не исчерпывает полностью ее содержание... Однако вина не содержит в себе ответа на вопросы, почему и для чего виновный совершил преступление. Это устанавливается с помощью таких признаков субъективной стороны преступления, как мотив и цель»¹.

Если согласиться с автором, что вина — это определенная форма психического отношения лица к совершаемому им преступлению, то ее содержание должно составлять все, что

характеризует это психическое отношение, в том числе мотив и цель преступления. На наш взгляд, отнесение к вине мотива и цели совершения преступления наполняют вину, то есть форму субъективной стороны преступления, всеми необходимыми признаками, совокупность которых позволяет оценить глубину зла, характеризующую лицо, совершившее преступление. Если же согласиться со сторонниками самостоятельного существования наряду с виной и других вышеназванных признаков, тогда вопрос о мотивах и целях лиц, совершивших преступление, будет представлять интерес только в случаях, когда они указаны в качестве обязательных признаков в соответствующих составах преступлений, в то время как уголовно-процессуальное законодательство РФ в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию называет не только виновность лица в совершенном преступлении, но и формы его вины и мотивы². Правда, позицию УПК РФ на этот счет можно интерпретировать и в пользу сторонников признания самостоятельного существования анализируемых признаков субъек-

¹ Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. С. 10.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 44.

ективной стороны преступления, мотивируя это тем, что уголовно-процессуальный законодатель в качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию, называет не только виновность лица, совершившего преступление, но и его мотивы. При этом он ничего не говорит о целях совершения преступления и эмоциональном состоянии лица в период совершения преступления. Действительно, закон оставляет открытым вопрос об эмоциональном состоянии преступника и целях совершения преступления. Однако позиция уголовно-процессуального закона в большей мере подтверждает правомерность нашей позиции. Мотив и цель совершения преступления — это компоненты вины, без наличия которых установить и дать оценку виновности лица вряд ли возможно. И прав в этой связи А.И. Рарог, утверждая, что именно мотив и цель совершения преступления отвечают на вопрос, почему и для чего виновный совершил его. Что касается отсутствия среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, цели совершения преступления и эмоционального состояния лица, то это следует рассматривать как пробел в уголовно-процессуальном законодательстве. Без установления цели совершения преступления достаточно сложно определить с точным установлением мотива совершения преступления, что не может не затруднить установление формы и вида вины, которые характеризуют лицо, совершившее преступление. Требование уголовно-процессуального законодателя доказывать мотив совершения преступления без доказывания цели совершения преступления можно объяснить его непоследовательностью. В уголовно-процессуальной литературе, несмотря на отсутствие среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, цели совершения преступления, тем не менее она рассматривается в этом качестве. Так, например, Н.П. Кузнецов пишет: «Подлежит доказыванию также цель преступления... эмоциональное состояние обвиняемого до, в момент и после совершения преступления»¹. В другом учебнике в качестве предмета доказывания не упоминается эмоциональное состояние лица, со-

¹ Уголовный процесс России: Учебное пособие / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 117.

вершившего преступление. В частности, отмечается, что «преследуемая лицом цель, так же как и мотив совершения преступления, должна устанавливаться независимо от того, имеют ли они уголовно-правовое значение для квалификации деяния»¹.

Таким образом, с одной стороны, закон не включает в предмет доказывания цель совершения преступления и эмоциональное состояние лица, сопровождающее его в процессе совершения преступления. С другой, учебники по уголовно-процессуальному праву занимают по этому вопросу противоположную позицию. Такого рода дуализм совершенно не допустим. Как известно, одним из принципов уголовно-процессуального законодательства РФ является принцип законности. В ч. 3 ст. 7 (Законность при производстве по уголовному делу) УПК РФ указывается: «Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств»².

Сложившаяся и представленная ситуация вряд ли допустима, поскольку порождает целый ряд проблем как уголовного, так и уголовно-процессуального характера. Если закон не рассматривает цель преступления в качестве предмета доказывания, то как быть в случаях, когда цель выступает обязательным признаком состава соответствующего деяния? Могут сказать, что в этой ситуации, коль скоро речь идет о преступлении, необходимо устанавливать все признаки состава преступления, в том числе и цель совершения преступления. Наверное, это так. Однако из содержания ст. 73 (Обстоятельства, подлежащие доказыванию) УПК РФ такой вывод непосредственно не вытекает. В ней говорится; «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления(время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, харак-

¹ Рыжаков А.П. Уголовный процесс: Учебник для вузов. М., 2002. С. 212.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002.С. 8.

теризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. 2. Подлежат выявлению также и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления»¹.

Содержание представленной статьи весьма своеобразно. В ней практически отсутствует то, что в уголовном праве рассматривается как основание уголовной ответственности (речь идет о составе преступления). Как это ни странно, но предметом доказывания выступают только отдельные элементы и признаки состава преступления, в то время как состав в целом обстоятельством, подлежащим доказыванию, не является. Полагаем, что представленную ситуацию следует рассматривать как пробел в уголовно-процессуальном законодательстве России. В уголовно-процессуальной литературе справедливо отмечается, что «предмет доказывания... включает обстоятельства, установление которых должно иметь место в процессе доказывания по каждому уголовному делу...В него входят все обстоятельства дела, имеющие уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение» .

В связи с изложенным считаем необходимым дополнить ст. 73 (Обстоятельства,

подлежащие доказыванию) УПК РФ следующим обстоятельством: «соответствие совершенного деяния составу конкретного преступления, предусмотренного УК РФ». Данное обстоятельство разместить под п. 2 ч. 1 анализируемой статьи. Из п. 2 ч. 1 ст. нынешней редакции ст. 73 УПК РФ следует изъять следующие слова: «форма его вины», в то же время дополнить его фразой: «и цели совершения преступления, а также обстоятельства, характеризующие эмоциональное состояние лица». В целом, с учетом изменений и дополнений анализируемого обстоятельства, оно может быть представлено под п. 3 в следующей редакции: «виновность лица в соверше-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2002. С. 44-45.

² Уголовный процесс: Учебник. 3-е изд. / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 155.

нии преступления, его мотивы, цели и эмоциональное состояние». Из данного пункта изымается фраза «форма его вины». Она в данном тексте, где говорится о виновности лица в совершенном преступлении, неуместна. Наличие в одном обстоятельстве и виновности, и форм вины порождает видимость, что виновность — это нечто, что выходит за пределы вины. На самом деле это вовсе не так. В ч. 1 ст. 24 (Формы вины) УК РФ отмечается: «1. Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Вывод из изложенного достаточно очевиден. Вина как таковая может быть либо в форме умысла, либо в форме неосторожности. Просто же вина или виновность вне этих форм не существует, что и обосновывает изъятие вышеназванной фразы из исследуемого обстоятельства, подлежащего доказыванию.

Выявленный уголовно-процессуальный пробел, по нашему мнению, является следствием пробела на этот счет в законодательстве уголовном.

В настоящее время уголовное законодательство РФ не придает основополагающего значения мотиву, цели, эмоциональному состоянию лица, совершившего преступление, хотя именно эти признаки, по нашему мнению, в большей степени отражают степень его социальной адаптированности лица к условиям демократического, правового государства. Чем в большей степени его мотивы и цели противоречат нравственным мотивам и целям общества, тем больше он социально дезориентирован в обществе, тем вероятнее он станет на путь совершения правонарушений, в том числе преступлений¹.

Признавая правомерность высказанного тезиса, нетрудно предположить, что социальная дезориентация, если она связана с совершением преступления, должна учитываться при назначении лицу наказания. В этой си-

¹ См.: Нравственная жизнь человека, искания, позиция, поступки. М., 1982. С. 96-97; Злобин Г.А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяния // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 105; Кар-пец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 37; Варыгин А.Н., Громов ВТ., Шляпникова О.В. Основы криминологии и профилактики преступлений. Учебное пособие. Саратов, 2000. С. 66; Мельник В.И. Наркотизм и образовательная среда: пути решения проблемы. Криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2003. С. 92.

туации наказание выступает одним из необходимых обстоятельств для обеспечения задач, стоящих перед уголовным законодательством России. В частности, это средство, которое

непосредственно предупреждает совершение новых преступлений. Наказание в данном случае — это некий правовой стимул, который побуждает человека к действиям, отвечающим требованиям нравственности. Однако такого рода действия как следствие позитивного поведения возможны при определенных ситуациях. «Правовой стимул, — пишет А.В.Малько, — только тогда становится побудительной силой, когда «затронет» интерес субъекта и превратится в позитивный мотив» .

В свете сказанного было бы, по нашему мнению, обоснованным предусмотреть в уголовном законодательстве России стимулирующее значение мотива и цели совершения преступления, а также эмоционального состояния лица в период совершения преступления. В ныне действующем Уголовном кодексе РФ нет уголовно-правовой нормы или положения, которые решали бы заявленную проблему. Правда, в положениях, регламентирующих перечень обстоятельств, смягчающих (ст. 61, 62) и отягчающих (ст. 63 УК РФ) наказания, есть ряд пунктов, которые так или иначе рассматривают эти обстоятельства либо как смягчающие, либо как отягчающие. В частности, п. «з» ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, рассматривает противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления». Таким образом, законодатель говорит об аморальности поведения, но не лица, совершившего преступление, а потерпевшего от него, что, конечно же, не одно и то же. Могут сказать, что целый ряд обстоятельств, смягчающих наказание, как бы предполагает нравственный мотив, скажем, п. «и» (явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления») и п. «з» («оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 149.

морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему»). Есть на этот счет и положения, которые отягчают наказание. Например, п. «е» («совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение»).

Перечисленные обстоятельства и смягчающие, и отягчающие наказания лишь в какой-то мере позволяют придать мотивам уголовно-правовое значение. Однако этого, как представляется, явно не достаточно. К тому же в представленных обстоятельствах речь идет главным образом о мотиве. Что касается целей совершения преступления, то их присутствие, а следовательно, значение еще менее существенно. Эмоциональное состояние лица, совершившего преступление, представлено лишь в качестве обязательного признака некоторых уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность, скажем, за убийство в состоянии аффекта (ст. 107) и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113) УК РФ. Считаем, что мотив, цель совершения преступления и эмоциональное состояние лица в период совершения преступления должны иметь более важное уголовно-правовое значение, что означает следующее: названные обстоятельства должны сопровождать вину. Там, где речь идет о вине, там же следует говорить и о перечисленных обстоятельствах,

если без их наличия, во-первых, невозможно установить вину; во-вторых, без присутствия мотива и цели совершения преступления, без эмоционального состояния лица невозможно назначить справедливое наказание.

В этой связи при изложении принципа вины считаем обоснованным включить в него и рассматриваемые признаки, для чего редакцию ст. 5 (Принцип вины) УК РФ дополнить следующей фразой: «а также мотив и цель совершения преступления, эмоциональное состояние лица в период совершения преступления». Данное дополнение следует разместить в ч. 1 указанной статьи, после фразы «его вина». Предложенное нами дополнение к

185

принципу вины должно выступать правовой основой для обязательной «привязки» мотива и цели совершения преступления, эмоционального состояния лица в период совершения им преступления к вине. Поскольку принцип вины включает в себя и названные признаки, то во всех других случаях, в которых закон оперирует понятием «вина», следует понимать под ней и мотив, и цель, и эмоциональное состояние лица.

В представлении автора настоящего исследования именно вина, сопровождаемая мотивом и целью совершения преступления, эмоциональным состоянием лица в период совершения им преступления, служит базовым основанием для индивидуализации уголовного наказания. Основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, которая довольно часто связана с назначением наказания, служит деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством России. На этом настаивает закон (ст. 8 «Основание уголовной ответственности» УК РФ), позиция которого разделяется многими учеными-криминалистами¹. Вместе с тем уместно отметить, что в теории уголовного права на этот счет отсутствует единство мнений. В частности, некоторые исследователи проблемы оснований уголовной ответственности не признают в этом качестве состав преступления, полагая, что основанием ответственности является само преступление². В то же время ни состав преступления, ни преступления сами по себе не могут служить основанием для индивидуализации наказания при назначении ее судом лицу, совершившему преступление. Эту функцию не может выполнить состав преступления, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, поскольку он является типовым для всех лиц, привлекаемых на ее основании к уголовной ответственности.

Едва ли можно индивидуализировать наказание и руководствуясь понятием «преступление». Вместе с тем отдельные признаки преступления —

¹ См.: Российское уголовное право. Учебник: В 2 т. Общая часть / Под ред. А.И. Рагога. М., 2003. С. 90.

² См.: *Щербаков В.В.* Уголовная ответственность и ее основание: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 20-22.

186

вина и сопровождаемые ее мотив и цель преступления, эмоциональное состояние лица в период совершения конкретного преступления — вполне могут обеспечить должный уровень индивидуализации ответственности. В дореволюционной России известный специалист в области уголовно-правовой и психологической науки Г.С. Фельдштейн

считал, что вина служит основным фактором при назначении наказания . В этой связи представляется обоснованным включить названные признаки в норму, регламентирующую общие начала назначения наказания (ст. 60 «Общие начала назначения наказания» УК РФ). Предлагаемое дополнение может быть изложено в следующей редакции: «В том числе его вина, мотив и цель совершения преступления, эмоциональное состояние в период его совершения, а также». Данное дополнение логично разместить в ч. 3 названной статьи после слов: «При назначении наказания учитывается характер и степень общественной опасности преступления». Далее следует наше дополнение. После дополнения опускается союз «и» и дополнение сопровождается оставшимся в ч. 3 законодательным текстом.

Содержание изложенного дополнения ч. 3 ст. 60 УК РФ не меняет законодательной логики по назначению обвиняемому наказания. В то же время оно позволяет максимально учесть факторы для максимального субъективного вменения². Максимальное субъективное вменение, как представляется, и есть инструмент для максимальной индивидуализации наказания. Максимально индивидуализируя наказания, суд тем самым получает возможность и реализует принцип справедливости³. Говоря о возможности максимальной индивидуализации наказания лиц, совершивших преступления, следует

¹ См.: *Фельдштейн Г.С.* Психологические основы и юридические конструкции форм виновности в уголовном праве. М., 1903. С. 35.

² См.: *Шаталова Л.И.* Правовые, психологические и этические аспекты субъективного вменения в уголовном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 10.

См.: *Лесниевски-Костырева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности: Ав-рореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 1999. С. 25; *Верша Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: Аврореф. дис.... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 3.

иметь в виду, что это возможно, когда вина, обстоятельства, ее сопровождающие, действительно выступают бесспорным критерием, отражающим грубую безнравственность виновного лица. Только такого рода безнравственность, по нашему мнению, обосновывает назначение уголовного наказания. Назначенное при этом наказание не ожесточает преступника и окружающих, а, напротив, служит определенным основанием для восприятия добродетельности мира, что позитивно влияет на процесс нравственного самовоспитания. Конфуций писал: «Если люди управляются по правовым нормам и дисциплинируются наказанием, то они будут беззастенчиво искать пути, чтобы обойти и то, и другое. Если же они будут управляться добродетелью и дисциплинироваться традициями, то они признают стыд и будут вести себя по справедливости»¹.

Сказанное предполагает наполнение вины всеми теми свойствами, которые свидетельствуют об игнорировании преступниками устоявшихся в обществе ценностей и их стремлении причинить личности, обществу и государству зло. В этой связи возникает вопрос, наполнена ли вина такого рода содержанием? Ответ на поставленный вопрос может быть отрицательным. Во-первых, потому что законодатель вообще не формулирует определение понятия «вина». Этот вопрос решается уголовно-правовой доктриной, но и на этом уровне единства среди ученых-криминалистов нет. Во-вторых, те определения

понятия «вина», которые существуют в теории уголовного права, по нашему мнению, явно не отражают действительной сущности данной категории, а потому лишь отчасти обосновывают справедливость наказания при его индивидуализации.

В науке уголовного права отсутствие законодательного определения вины расценивается как серьезная уголовно-правовая проблема². Представляется, что в значительной степени следствием этой проблемы являются дискуссионные вопросы вины и виновности в уголовном праве. По мнению А.И.

¹ Саидов Д.Х. Сравнительное правоведение. М, 2000. С. 329-330.

Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления про-Проблемы теории и практики. Саратов, 2003. С. 169.

² См.: Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления собственности. Проблемы теории и практики. Саратов, 2003. С. 16?

188

Марцева, названные категории не идентичны: «...Под виновностью в уголовном праве следует понимать совершение конкретным лицом конкретного общественно опасного деяния с определенным психическим отношением к своему деянию и его последствиям, выраженным в форме умысла или неосторожности. При этом вина выступает важнейшим элементом виновности...»¹.

Еще раньше концепция «двух вин» в теории уголовного права поддерживалась Т. Л. Сергеевой² и обосновывалась неудовлетворенностью ученых относительно понимания вины только как умысла и неосторожности³. Прежде чем анализировать позицию А.И. Марцева и его сторонников, необходимо попытаться определиться с содержанием вины. В теории уголовного права принято считать сформировавшимися два положения относительно содержания вины: психологическая и оценочная. Психологическая теория вины оценивает ее как психическое отношение лица к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности. Автором такого понимания вины был А.А. Пионтковский⁴. Следует признать, что значимость представленного понимания оказалась столь велика, что практически и поныне данное определение является господствующим⁵. Именно так или почти так определяется вина в абсолютном большинстве учебников по уголовному праву, в том числе современных. При этом чаще всего в качестве обязательных признаков вины называют ее формы: умысел или неосторожность.

Таким образом, получается, что сущность вины заключается в психическом отношении лица к деянию и его последствиям в форме умысла или

¹ Марцев А.И. О вине и виновности в уголовном праве // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, • 2002. С. 19.

² См: Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам М., 1950. С. 34; Ной КС. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 93.

³ См.: Ной КС. Указ. соч. С. 95.

⁴ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть: Учебник М., 1925.

С.131.

⁵ См.: Уголовное право России. Учебник. Общая и Особенная части / Под ред. В.П. Ревина. М., 1998. С. 40.

189

неосторожности. Но ведь само по себе психическое отношение не позволяет оценивать его ни положительно, ни отрицательно. Такую оценку дать невозможно до тех пор, пока психическое отношение не будет наполнено определенным содержанием. И только исходя из этого содержания, возможна оценка. Именно поэтому был совершен прав К.Ф. Тихонов, который еще в 60-е годы прошлого века отмечал: «...Указание на психическое отношение лица к совершаемому им деянию, является недостаточным без выяснения того социального содержания, которое проявляется в факте умышленного или неосторожного совершения лицом общественно опасного деяния и на котором основывается порицание человека за совершенное им преступление. Таким содержанием и является отрицательное отношение к интересам ...государства»¹.

Полагаем, что отрицательное отношение лица, совершившего преступление, к соответствующим позитивным ценностям признавать содержанием вины едва ли правильно. Во-первых, отношение, независимо от того оценивается оно как отрицательное или как положительное, фактор субъективный. Когда же идет речь о содержании вины, то речь, на наш взгляд, идет о признаках объективных. Во-вторых, лицо, причинившее зло посредством совершения преступления, заслуживает наказания, а это и есть объективное выражение упречности в целом за все деяния, а не только за вину², которое, как известно, включает в себя все элементы и признаки объективного и субъективного порядка. Вина же выступает только одним из элементов состава преступления, хотя, по своей значимости, вполне может превосходить все другие элементы и признаки. В связи с этим можно предположить, что содержанием вины должно являться нечто, характеризующее вину, с одной стороны, и выделяющее ее значимость среди других элементов и признаков состава преступления, с другой.

¹ Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления: Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве. Саратов, 1967. С. 65.

² См.: Баршев СИ. О преступлениях и наказаниях. М., 1841. С. 2.

190

Представленные требования к содержанию вины вызывают вопрос, насколько действующее уголовное законодательство и наука уголовного права России обеспечивает эти или другие требования по наполнению содержанием исследуемой категории? Считаем, что ответа на него уголовное законодательство РФ не дает. В настоящее время УК РФ имеет принцип вины (ст. 5) и самостоятельную гл. 5, которая в Законе названа «Вина». Названные уголовно-правовые обстоятельства сами по себе как бы предполагают возможность дать законодательное определение понятия «вина». Например, принцип вины гласит: «1. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия(бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина...». Важность заявленного принципа совершенно очевидна. Закон однозначно определяет, что преступление не может состояться, если не установлена вина лица, его совершившего. Уголовно-правовая логика вместе с тем столь же однозначно диктует необходимость законодательного определения того явления, посредством которого

лицо признается лицом, совершившим преступление. Однако законодатель этого не делает, чем, по нашему мнению, сводит на нет рассматриваемый принцип вины¹.

При отсутствии законодательного понимания вины, она может толковаться правоприменителями по-разному. Могут сказать, что ситуация с разными толкованиями практически равна нулю, поскольку в главе, специально посвященной опять-таки вине, законодатель разясняет формы и виды вины. Действительно, в гл. 5 (Вина) определены формы вины, дана характеристика ее видов, невиновного причинения вреда и установлена ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины. Уместен вопрос: можно ли, исходя из законодательной характеристики форм и видов вины, определить содержание вины как родового для них понятия? Считаем, что сделать это невозможно.

¹ См.: *Трухин А.М.* Принцип вины в российском уголовном праве // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Красноярск, 1997. С. 54.

191

Таким образом, УК РФ не позволяет решить проблему содержания вины. Сложно решает данную проблему и теория уголовного права. В значительной степени поэтому в теории уголовного права сформировалась оценочная категория вины. Основоположителем оценочной категории вины в советском уголовном праве был Б.С. Утевский. Он воспринимал вину как бы на двух уровнях: как родовое понятие умысла и неосторожности и как общее основание уголовной ответственности. При этом вина как общее основание уголовной ответственности характеризует объективные и субъективные обстоятельства всего состава преступления¹. Вина и виновность рассматривались как явления разнопорядковые. Уже в то время по поводу такого разделения Н.Н. Полянский писал: «Вина в советском уголовном и процессуальном праве есть единый институт. Понятия «вина» и «виновность» представляют собой не наименование двух различных институтов, а только различные термины для выражения единого понятия...Различение понятия «вина» и «виновность» в итоге приводит к схоластическому различению материально-правового и процессуального понятия, обозначенного или термином «вина», или термином «виновность», что решительно противоречит практически целесообразному требованию, чтобы каждое понятие использовалось по возможности в одном и том же значении как в теории, так и в практике его применения»². Автор настоящего исследования в полной мере разделяет позицию Н.Н. Полянского в том, что вину и виновность нельзя наполнять различным содержанием.

Однако для того чтобы убедиться в этом, по нашему мнению, недостаточно просто говорить об этом. Необходимо понятие «вина» наполнить «собственным содержанием». И если это осуществить, тогда и проблема отпадет сама по себе. В этом плане интересна позиция ГЛ. Злобина. Он отмечал: «И действующий закон, и теория советского уголовного права безогово-

¹ См.: *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 59-60; *Дурманов Н.Д.* Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. М., 1944. № 1. С. 52.

² *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса М., 1956. С. 246-248.

192

рочно сходятся в том, что умышленная вина предполагает сознание виновным общественно опасного характера своего действия или бездействия. Но сознавать общественную опасность несомненно означает не только отражать, но и оценивать социальную сущность соответствующих действий... Таким образом, общественная оценка деяния входит в содержание вины, является ее необходимым элементом, относится к числу моментов, формирующих вину, определяющих ее социальную природу... вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает целостной характеристикой преступления... При всем этом... вина не тождественна преступному деянию...»¹.

Позиция Г.А. Злобина в определенной мере отражает в рассматриваемой части действующее уголовное законодательство России. Чтобы убедиться в этом, следует обратиться к ст. 14 (Понятие преступления) УК РФ. Закон так определяет преступление: «1. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой уголовного преследования». Как видно, вина в норме поставлена на первое место, в том числе и по смысловой значимости. С учетом всего этого вина как бы охватывает и общественную опасность деяния, и противоправность, и угрозу наказуемостью. Однако и в этом плане следует в полной мере согласиться с Г.А. Злобиным, вина не тождественна преступлению. Признаки преступления существуют независимо от вины, объективно, но они приобретают качество преступления, когда каждый из них и все вместе взятые отражают содержание вины. Можно ли высказанное суждение относительно осознаваемых лицом признаков преступления, рассматривать в качестве содержательных признаков вины? Считаем, что можно. Вместе с тем следует подчеркнуть, что перечисленные признаки еще не составляют полного содержания исследуемого понятия. Оно будет полным лишь тогда, когда вина в этом плане действительно станет явлением родовым для всех ее форм и ви-

¹ Злобин Г.А. Виновное вменение и уголовная ответственность (статья подготовлена к печати научным сотрудником ИГПАН СССР СВ. Полубинской) // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 45.

дов. Это возможно, когда вина в полном объеме наполняет субъективную сторону преступления и столь же полно отражает объективные признаки соответствующего состава преступления, установленного в деянии лица. Сказанное означает, что содержательно вина должна включать в себя такой набор и такую совокупность признаков, которые обосновывали существование законодательных форм и видов вины.

Какие же признаки должны наполнять содержание родового понятия вины? Ответом на этот вопрос может быть позиция Г.А. Злобина, который утверждал, что «категория вины выполняет в обществе определенную оценочную функцию. Быть виновным — значит заслуживать осуждения, упрека за определенное поведение, «плохое в себе»... или за его результат»¹. В представленном смысле вина действительно выступает субъективным (внутренним) основанием для осуждения лица и привлечения его к уголовной ответственности.

Сказанное позволяет включить в содержание вины следующие признаки. Прежде всего речь должна идти об осознанно-волевом восприятии лицом своего деяния, выразившемся в действии или бездействии. Вина — это одновременное проявление и сознания, и воли. В

теории уголовного права вину определяют посредством категории «психика». СВ. Векленко отмечает: «Отечественное уголовное право в основном стоит на позиции, что центральное место в понятии вины принадлежит психическому отношению человека к совершенному им общественно опасному деянию, выраженному в форме умысла или неосторожности»².

Однако такая позиция, по нашему мнению, не в той мере отрицает уголовный закон в части регламентации им умысла: Как известно, раскрывая содержание прямого и косвенного умыслов, законодатель оперирует словами «осознание» и «воля». Осознание — это и есть «работа» психики, но

¹ Злобин Г.А. Виновное вменение и уголовная ответственность. С. 41.

² Векленко СВ. О психическом отношении лица к совершаемому преступлению // Вестник Южно-Уральского государственного университета Сер. «Право». 2001. Вып. 1. №8. С158.

оно(осознание) не включает в себя компонент воли, в то время как психика есть «особое свойство, присущее живым организмам, основанное на высшей нервной деятельности и выражающееся в наличии способности отражения действительности в ощущениях, восприятиях, чувствах, а у людей также в мышлении и воле»¹. Психика всегда включает в себя волю. Осознание происходит от глагола «осознать», что означает «понять, уразуметь»

Закон при решении вопросов видов вины использует понятия: осознание и воля. Следовательно, ими и необходимо пользоваться формулируя вину на уровне родового понятия. Осознанно-волевое отношение означает, во-первых, что в основе осознания лежат психика и воля. С одной стороны, это предполагает физиологически и социально «созревшую» психику и волю. Это возможно, когда лицо, совершившее деяние, достигло возраста, с наступлением которого оно обязано под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения преступления. С другой — не нарушенное сознание и волю, что, в свою очередь, предполагает вменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние. Невменяемый человек осуществлять осознанно-волевое восприятие совершаемого деяния не в состоянии. Во-вторых, осознанно-волевое восприятие должно как бы сопровождать совершаемое лицом деяние. Кроме того, осознанно-волевое восприятие должно сопровождаться мотивом и целью как неотъемлемыми частями, обосновывающими совершаемое лицом деяние. Последнее обстоятельство означает, что всякое психико-волевое осознание всегда предполагает мотив, который субъективно обосновывает, в силу чего лицо совершает это деяние и цель, субъективно также определяющая, ради чего человеком совершается такого рода деяние.

Мотив и цель, таким образом, характеризуют «рабочее» состояние психико-волевого осознания. И, наконец, осознанно-волевое восприятие, включая в себя осознание совершаемого деяния, тем самым должно вклю-

¹ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 553.

² См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 652.

чать и его уголовно-правовые характеристики: общественную опасность, противоправность, наказуемость. Когда речь идет об осознании общественной опасности, то имеется в виду не только непосредственное осознание, что совершаемое лицом деяние создает опасность для личности, общества или государства, но и осознание реальной возможности создания опасности для перечисленных объектов уголовно-правовой охраны. В случаях же отсутствия реального осознания такого рода опасности говорить о наличии вины не представляется возможным.

Осознанно-волевое отношение включает в себя и противоправность своего деяния, то есть необходимо, чтобы лицо, совершающее деяние, осознавало, что оно (деяние) выливается в преступление, поскольку совершается виновно¹ и которое напрямую запрещено действующим уголовным законодательством России, о чем свидетельствует и наказание, предусмотренное за него. Осознание наказания за совершаемое преступление не означает, что лицо представляет себе виды и объем наказания, предусмотренные санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Важен сам факт осознания ответственности. Данная точка зрения представляется спорной, главным образом потому, что категории «запрещенность» и «вина» разнятся между собой как объективное (запрещенность) и субъективное(вина) и не могут сливаться в одно целое без предварительного самостоятельного выделения каждого из них. Кроме того, следует иметь в виду, что вина, которой оперирует закон при формировании понятия «преступление» является родовой, в то время как умысел или неосторожность выступают его видами. Следовательно, они не могут сливаться будучи понятиями разными по объему.

¹ В науке уголовного права высказана точка зрения, в соответствии с которой виновность не является самостоятельным признаком преступления, «...так как уголовно-противоправное деяние изначально включает психическое отношение к этому деянию в форме умысла или неосторожности. Виновность характеризуется запрещенным уголовным законом психическим отношением к совершенному деянию и его последствиям» (см.: *Львова Е.Ю.* Социальная и юридическая сущность преступления. Вопросы теории: Автореф. дис.... канд. юр. наук. М., 2003. С. 17.

В теории уголовного права достаточно широко распространена точка зрения о том, что вина должна включать в себя социально-правовую оценку антисоциального, когда речь идет о преступлениях умышленных. А в преступлениях, совершенных с неосторожной формой вины, имеет место пренебрежительное отношение виновного к охраняемым уголовным законом интересам¹. Думаем, что необходимость такого включения не бесспорна. Мы включаем в родовое понятие «вина» осознанно-волевое отношение лица не только к совершаемому им деянию, но и к уголовно-правовым и социальным свойствам, характеризующим преступление: общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Каждое из названных свойств преступления и все вместе, конечно же, отражают то зло, которое несет лицо, совершающее преступление. Оно объективно (общественная опасность, противоправность, наказуемость) и субъективно(виновность) является не только асоциальным, но и безнравственным. И если в понятие «вина» включать асоциальность, то сразу возникнет вопрос: обладают ли перечисленные признаки преступления аморальностью? В настоящее время такой вопрос, по нашему мнению, неуместен, поскольку все преступления аморальны. Вместе с тем, учитывая, что вина всегда характеризуется мотивами и целями, то следует именно их

оценивать с позиции уголовно-правовых принципов. Мы делаем акцент на мотивах и целях и при этом исходим из того, что именно они являются формирующими и стимулирующими вину факторами. В науке отмечается, что «эмоции, вызывающие желания, хотения и страсти, являются энергетическим компонентом мотива»². Представленное суждение, хотя и акцентирует внимание на эмоциях и мотиве, тем не менее непосредственно влияет на формирование, укрепление вины лица.

Все изложенное относительно содержательных признаков вины, позволяет сформулировать ее понятие. Вина — это осознанно-волевое отношение

¹ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М, 1998. С. 244; Рарог АМ. Общая теория вины в уголовном праве. М, 1980. С. 21; Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968. С. 54.

² Зелинский А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 19.

197

лица к совершаемому им общественно опасному, непосредственно запрещенному настоящим УК РФ под угрозой уголовного наказания, деянию, основанная на мотивах и целях, противоречащих общеправовому принципу справедливости и выливающаяся в предусмотренные законом формы и виды. Сформулированное определение понятия вины позволяет выявить признаки, ее характеризующие. Это прежде всего осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. Данный признак предполагает, что вина всегда складывается из двух компонентов: осознания и воли. В зависимости от их сочетания она дифференцируется на формы и виды. Осознанно волевое отношение жестко увязывается с совершаемым лицом деянием, которое должно быть общественно опасным. При этом общественная опасность может быть непосредственной: причинять вред охраняемым уголовным законом личности, общества и государства либо создавать угрозу причинения этого вреда, а может быть опосредованной, когда вред причиняется в силу самонадеянности, недостаточной внимательности и предусмотрительности. Осознанно-волевое отношение включает в себя не только общественную опасность, но и запрещенность данного деяния настоящим УК РФ и его наказуемость. Это означает, что лицо правильно оценивает совершаемое им деяние в смысле его запрещенности и предусмотренной законом ответственности за его совершение. Осознанно-волевое отношение должно основываться на мотивах и целях совершения преступления, которые по своей сути должны противоречить требованию общеправового принципа справедливости, сущность которого представлена ч. 3 ст. 17 Конституции России, которая гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»¹. И последний признак анализируемого определения выражается в том, что осознанно-волевое отношение выливается в предусмотренные законом формы и виды вины. Названный признак предполагает, что на уровне конкретных составов преступлений,

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 9.

198

предусмотренных действующим уголовным законодательством РФ, вина может быть реализована только в качестве определенных форм (умысла или неосторожности) и определенных видов (умысел прямой и косвенный, неосторожность в виде легкомыслия

или небрежности).

Представленное определение вины, на наш взгляд, следует расположить в гл. 5 (Вина) УК РФ под наименованием «Понятие вины» в статье, которая должна предшествовать ст. 24 (Формы вины) УК РФ. В этом случае ст. 24 и последующие статьи рассматриваемой главы приобретут завершенность и логичность. Вначале дается в ст. 24 УК РФ родовое понятие вины, в следующих за ней статьях идет реализация общего понятия вины посредством формирования ее отдельных форм и видов.

Определившись с содержанием субъективной стороной преступления и родовым понятием вины, образующей названный элемент состава преступления, логично перейти к анализу субъективной стороны состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Субъективная сторона названного состава характеризуется виной, сопровождающейся соответствующими мотивами и целями совершения преступления, то есть речь идет о вине лица, который привлекает к ответственности заведомо невиновного. В этой ситуации сознательно-волевое отношение лица включает в себя следующие обстоятельства. Лицо, совершающее деяние, предусмотренное ст. 299 УК РФ осознает, что привлекает к уголовной ответственности невиновного; что в этой связи своим деянием непосредственно противодействует правоохранительным органам по реализации уголовно-процессуального законодательства в части его назначения; что совершаемое им деяние запрещено уголовным законодательством РФ под угрозой уголовного наказания. Данное деяние всегда сопровождается определенными мотивами и целями совершения преступления, исходя из которых, субъект осознает внутреннее побуждение, стимулирующее его к совершению данного преступления (мотив), и внешний фактор, к достижению которого лицо стремится, совершая

199

его (цель). Мотивы совершения анализируемого преступления могут быть самыми разными, столь же разными могут быть и его цели. Однако всех их объединяет то, что они, во-первых, характеризуют лицо, совершающее данное преступление; во-вторых, так или иначе, но отражают интересы (законные или незаконные) субъекта, совершающего преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ; в-третьих, независимо от их законности или незаконности, лицо удовлетворяет эти мотивы и цели посредством нарушения прав, свобод или законных интересов других лиц.

В теории уголовного права рассматриваемый состав сконструирован по формальному принципу, что означает, отсутствие в составе преступных последствий, представленных самостоятельным уголовно-правовым признаком¹. В этом случае сознательно-волевое отношение следует сосредоточить на деянии, непосредственно связанном с привлечением заведомо невиновного к уголовной ответственности. В итоге получается: лицо, деяние которого объективно и субъективно направлено на выполнение состава, предусмотренного ст. 299 УК РФ, совершает его с прямым умыслом. В соответствии со ст. 25 (Преступление, совершенное умышленно) УК РФ «2. Преступление признается совершенным прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». Представленная формула прямого умысла, как видно из текста, формирует вину, исходя из признака общественной опасности.

Думается, что позиция закона в рассматриваемой части не безупречна. Нами уже

отмечалось, что вина должна основываться на сознательно-психическом восприятии лицом не только общественной опасности, но и в обязательном порядке противоправности деяния и его уголовной наказуемости. В такой ситуации лицо, совершающее деяние, осознает его преступ-

¹ См.: Курс советского уголовного права Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 270.

200

ность, поскольку осознает все признаки, характеризующие преступление. При этом мотив и цель совершаемого деяния связываются в сознании не с преступлением вообще, а с преступлением, направленным на привлечение к ответственности заведомо невиновного лица. При таких обстоятельствах субъект анализируемого деяния осознает все признаки преступления, которое оно совершает. Изложенный тезис подтверждается и определением понятий «мотив» и «цель» преступлений, высказанных в уголовно-правовой литературе. Мотив преступления «это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления. Цель представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности, то есть идеальную мысленную модель будущего конечного результата, к достижению которого стремится субъект преступления»¹.

Как видно, теория уголовного права и мотив, и цель увязывает с преступлением, а не вообще с действием или бездействием. Следовательно, мотив и цель преступления, которые сопровождают совершение конкретного преступления, максимально индивидуализируют вину. Все это, по нашему мнению, предполагает- сознательно-волевое_ восприятие всех признаков преступления вообще и конкретных признаков конкретного преступления в частности.

В связи со сказанным возникает вопрос: почему законодатель при характеристике вины, в частности умысла, отдает предпочтение осознанию лицом только общественной опасности? Ответа на поставленный вопрос нет ни в самом уголовном законодательстве РФ, ни в теории уголовного права. Считаем, что такое законодательное понимание умысла в определенной степени противоречит ч. 2 ст. 5 (Принцип вины) УК РФ, в которой говорится, что «...объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Однако это может быть только в

¹ См.: *Рарог А.М.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. С. 10; *Викторов Б.А.* Цель и мотив в тяжких преступлениях. М., 1963. С. 15.

201

случаях, когда уголовный закон, в частности вина, будет включать в себя обязательность осознания не только общественной опасности деяния, но и всех других признаков преступления. На самом деле законодательное определение умысла включает в себя осознание других, кроме общественной опасности, признаков преступления или не включает? Считаем, что не включает. Во-первых, это так, исходя из содержания и прямого, и косвенного умыслов. В них закон оперирует только категорией «общественная опасность», в то время как противоправность, наказуемость не обозначены. Если исходить из того, что законодательное определение понятия «преступление» (ст. 14 УК РФ) в обязательном порядке предполагает все признаки: общественную опасность, противоправность, виновность и угрозу наказуемости, то осознание лицом только одного

из них не образует преступления. И если все-таки при таком ограниченном осознании лицом признаков оно привлекается к уголовной ответственности, то, как мы уже констатировали, возникает проблема объективного вменения. Думаем, что с учетом уголовно-правовых принципов, органически выступающих частью уголовного законодательства РФ, такая ситуация недопустима. Правда, в учебной литературе относительно осознания признака-противоправности¹ высказано следующее мнение: «...Уголовный закон указывает на осознание именно общественно опасного, а не противоправного характера деяния. Вот почему для наличия данного интеллектуального момента не требуется, чтобы виновный осознавал запрещенность совершаемого действия или воздержания от него уголовным законом. Это положение соответствует принципу, согласно которому незнание закона не освобождает от уголовной ответственности»¹.

Полагаем, что трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой, осознание лицом противоправности своего деяния противоречит принципу «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности». Уголовное

¹ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Л.Д. Гаухмана, СВ. Максимова М., 2003. С. 106-107.

законодательство РФ такого принципа не знает. Кроме того, следует иметь в виду, что речь идет не о знании противоправности деяния, а о его осознании. Второе отличается от первого тем, что осознающий может не знать нумерации статьи, которой регламентировано преступление, ее уголовно-правовые характеристики, но он осознает запрещенность совершаемого им деяния уголовным законом. Поэтому при расследовании уголовных дел, едва ли суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, напрямую уточняют о знании лицом запрещенности совершенного им деяния. Это устанавливается посредством доказывания в деянии лица соответствующих признаков преступления. Их установление в деянии виновного свидетельствует, на наш взгляд, об осознании лицом не только общественной опасности, но и противоправности деяния, что и предполагает поиск варианта решения.

Выход из сложившейся ситуации может иметь несколько вариантов.. Первый заключается в том, чтобы в признак общественной опасности включать противоправность и угрозу наказуемостью. Такой вариант возможен, однако он потребует кардинальных изменений в науке уголовного права и законодательстве. Второй вариант потребует внесения изменений в ст. 25 (Преступление, совершенное умышленно) и ст. 26 (Преступление, совершенное по неосторожности) УК РФ, тем более, что изменения и дополнения в названные уголовно-правовые нормы, требуются и по ряду других причин. Их суть заключается в следующем. Применительно к ст. 25 УК РФ Закон, помимо осознания лицом общественной опасности своих действий (бездействий), требует еще и предвидения возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. Такая законодательная конструкция умысла порождает вопрос, какую общественную опасность осознает лицо, совершающее то или иное действие, а равно бездействие? Включает ли в себя такого рода осознание общественно опасные последствия? Или общественная опасность в этом плане исключает названные последствия из сознания виновного? Решать эти вопросы, думается, будет правильно, исходя из

сложившейся по этому поводу уголовно-правовой доктрины. В юридической литературе общественная опасность, характеризующая преступление, увязывается с общественно опасными последствиями либо угрозой их наступления¹. Мы считаем, что лицо, осознающее общественную опасность своего действия или бездействия, непосредственно связывает это осознание с общественно опасными последствиями, которые наступили либо могут наступить от его деяния. Если осознание лицом общественной опасности своего деяния не основывается на жесткой связи между совершаемым им деянием и наступающим от него ущербом либо угрозой его наступления, тогда возникает резонный вопрос: на чем же основывается такого рода осознание? В силу каких обстоятельств осознания лицом своего деяния закон оценивает как общественно опасное? Ответить положительно на поставленные вопросы вряд ли возможно, пока в содержание общественной опасности мы не включим и осознание лицом наступивших общественно опасных последствий или угрозы их наступления.

В науке уголовного права высказано на этот счет два несовпадающих мнения. По мнению В.А. Якушина, сознание общественной опасности «явля-

¹ См.: *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1961. С. 60; *Кудрявцев В.Н.* Социологический аспект преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 18. С. 5; *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 58; *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 95; *Марцев А.И.* Вопросы совершенствования норм о преступлении // Советское государство и право. 1988. № 11. С. 85; *Фефелов П.А.* Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности // Основные методологические проблемы. М., 1972. С. 11; *Смирнов В.Т.* Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965. С. 65; *Панченко П.Н.* Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 7; *Тимейко Г.В.* Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 34; *Сабитов Р.А.* Общественная опасность как критерий криминализации // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 17; *Осинов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 122; *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 39; *Мальцев В.В.* Категория «Общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995. С. 63.

ется основой ...предвидения, его базой и отправной точкой»¹. Иначе считает В.А. Нерсесян. Он пишет: «...Сознавать общественную опасность деяния можно лишь при предвидении общественно опасных последствий, поэтому не предвидение производно от сознания общественной опасности, а наоборот» . А.М. Емельянов же считает, что «умысел охватывает собой сознание лицом общественно опасного характера(вредности) совершаемых им действий. В отношении преступлений с формальным составом это вытекает из самого закона. В тех случаях, когда умысел выражается в отношении к последствиям, предвидение их общественно опасного характера означает и сознание общественно опасного деяния, которым эти последствия причинены»³. Позиция этого автора искажает законодательное понимание умысла. Законодатель при характеристике

умысла на первое место ставил осознание лицом общественной опасности своего деяния. И если это осознание включает в себя осознание его вредности, то возникает вопрос: какие смысловые функции несет слово «предвидение»? А если оно тафтологично в этом смысле, тогда зачем оно? Ответы на поставленные вопросы у А.М. Емельянова, судя по представленному тексту, найти невозможно.

Рассматриваемая ситуация порождает другой вопрос: не является ли признак «предвидение» содержательным признаком «осознание»? Для ответа на этот вопрос уместно обратиться к толковым словарям и теории уголовного права. Осознать означает «понять, уразуметь...»⁴. Исходя из представленного варианта толкования анализируемого понятия, уразуметь общественную опасность лицом совершаемого деяния можно, как представляется, только тогда, когда это лицо осознает общественно опасные последствия. Если ли же такого осознания нет, то нет и понимания или уразумения общественной

¹ Якушин В.А. Ошибка и её уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С. 23,

² Нерсесян В.А. О концепции вины в уголовном праве // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., 1996. С. 65.

³ Емельянов А.М. К уточнению понятий умышленного и неосторожного преступного поведения // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 112.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 652.

опасности своего деяния. Слово «предвидеть» означает: «предполагать, видеть заранее, что должно произойти; предугадывать...»¹.

Таким образом, перенося изложенный вариант толкования названного слова применительно к умыслу, можно предположить, что человек, который предвидит, предполагает наступление общественно опасных последствий либо угрозу их наступления. Исходя из представленных вариантов толкования, можно с большой долей уверенности заключить, что содержательно толкуемые понятия идентичны и не могут выступать частью друг друга. В противном случае одновременное употребление законодателем обоих понятий при характеристике умысла нарушает его логику.

Если лицо осознает общественную опасность своего деяния, то только потому, что оно предвидит наступление от этого деяния общественно опасных последствий либо угрозу их наступления. Когда же лицо не осознает общественной опасности своего деяния, то оно и не может их заранее предвидеть. Таким образом, при уголовно-правовой характеристике умысла семантически правильно пользоваться только одним признаком интеллектуального момента, в частности «сознанием общественной опасности своего деяния». Что касается предвидения наступления общественно опасных последствий, то этот признак следует изъять из конструкции ст. 25 УК РФ. Его наличие в названной статье лишь искажает ее уголовно-правовое содержание, создает впечатление, что названный признак имеет иное уголовно-правовое значение, а потому в каждом случае нуждается в исследовании при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. Подтверждением этому в определенной степени выступает и уголовно-правовая теория. При уголовно-правовой характеристике умысла исследователи, как правило, не «опускаются» до уровня анализа видов предвидения. И если такое положение дел было оправдано в период действия УК РСФСР 1960 г., когда закон не подразделял предвидение на виды, то сейчас

такая ситуация не правомерна, поскольку в законе предвидение разбито как бы на два вида,

¹ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 363.

206

что и должно обосновывать необходимость специального исследования названной дифференциации. В противном случае имеет место нарушение уголовно-правовых принципов, по крайней мере принципа законности.

Так, А.Н. Красиков отмечал: «Прямой умысел предполагает, что субъект осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность или неизбежность лишения жизни потерпевшего в результате своего деяния и желает смерти другого лица»¹. Как видим, автор воспроизвел законодательное понимание прямого умысла, не наполнив при этом соответствующим содержанием ни одного из названных им признаков. Однако в представленной ситуации автор, как и подобает в таких случаях, позицию закона изложил точно и полно. Однако многие авторы нередко вообще не представляют позицию закона, хотя при этом констатируют наличие соответствующей формы и вида вины.

«Вовлекая несовершеннолетнего в занятие проституцией, — пишет Е.Н. Федик, — взрослый, безусловно, предвидит, что своим воздействием на несовершеннолетних он может выработать у них вредные привычки, поставить их на путь совершения проступков. Преступник предвидит возможное нравственное перерождение несовершеннолетнего. Всякий совершеннолетний хорошо знает... и осознает общественно опасный характер вовлечения. ...обнаруживая тем самым свое желание действовать именно таким образом...Все сказанное позволяет заключить, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий может быть совершено только умышленно, и умысел при этом возможен только прямой»².

Изложенный материал, по нашему мнению, лишь отдаленно напоминает позицию закона. Автор, в отличие от законодателя, начинает анализ умысла не с сознания общественной опасности своего деяния, а с предвидения. Предвидение при этом не дифференцируется, а волевой момент увязывается

¹ Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 73.

² Федик Е.Н. Субъективная сторона и субъект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы юридической ответственности: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2001. С. ПО; см. также: Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003. С. 75-76.

207

не с общественно опасными последствиями, а с действиями. Не выглядит убедительной на этот счет и позиция Пленума Верховного Суда РФ. Так, в одном из своих постановлений он отметил, что «квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность преступления, должны вменяться в вину и соучастникам получения взятки, если эти обстоятельства охватываются их умыслом»¹. В представленном положении Постановления совершенно не ясно, как следует понимать фразу «охватываются их умыслом». Идет ли речь в этом случае о законодательных признаках, характеризующих прямой и косвенные умыслы? Если это так, то почему об этом прямо не говорится в постановлении?

Все изложенное относительно содержания умысла, на наш взгляд, служит определенным обоснованием для изменения законодательного понимания видов умысла. Было бы правильным изъятие из признака фразы «предвидение наступления общественно опасных последствий». Примерная редакция ст. 25 (Преступления, совершенные умышленно) УК РФ могла быть следующей: «Статья 25. Преступление, совершаемое умышленно.

Первая часть остается без изменений. 2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и желало их наступления. 3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), не желало, но допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». Из законодательной конструкции, регламентирующей косвенный умысел, нами изымается слово «сознательно». Названное слово сопровождает глагол «допускало». Думаем, необходимости в этом нет, потому что допускать или не допускать можно лишь посредством осознания. Кроме того, наличие слова «осознание» по смыслу сливается со словом «сознание». В результате создается ситуация тавтологичности.

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2001. С. 215.

208

Предложенные изменения касаются не только умысла, но и неосторожной формы вины. В настоящее время интеллектуальный момент неосторожности не включает в себя осознание общественной опасности. Вместе с тем применительно к легкомыслию требуется наличие признака «предвидение». Исходя из вышеизложенных рассуждений, такого быть просто не может. Поэтому, по нашему мнению, было бы обоснованным включить в рассматриваемый вид неосторожной формы вины признак «осознание общественной опасности», изъяс при этом из него признак «предвидело наступление общественно опасных последствий». При такой реконструкции вина в виде легкомыслия будет выглядеть следующим образом: «2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало общественную опасность своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий».

Что касается небрежности как вида неосторожной формы вины, то в законодательной конструкции необходимо заменить фразу «предвидеть эти последствия» на фразу «осознавать эти последствия» и изъять фразу «не предвидело» и слово «предвидеть». В этом случае вина в виде небрежности в целом будет выглядеть так: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не осознавало возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их осознавать».

Предложенные изменения законодательной позиции вины, как представляется, придадут понятию «общественная опасность» ее действительное содержание, обеспечат ей большую системность и логичность, устроят достаточно бесплодные дискуссии относительно того, осознает ли лицо при преступном легкомыслии общественно опасный характер своего деяния¹.

¹ См.: Чучаев А.И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1988. С. 78; Трухин А.М. Интеллектуальные критерии разграничения форм вины в

советском уголовном праве // Вестник Московск. ун-та. Сер. Право. 1976. № 1. С. 78; *Угрехелидзе М.Г.* Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1974. С. 66-68; *Гринберг М.С.* Преступное невежество // Правоведение. 1989. № 5. С. 77; *Нерсе-сян В.А.* Некоторые проблемы неосторожной формы вины // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 111.

209

Все изложенное относительно содержания умысла максимально упрощает его установление в деянии лица, совершившего привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. При совершении названного преступления субъект осознает общественно опасный характер своего действия. При этом содержание его осознания характеризуется рядом признаков, отражающих общественную опасность в собственном смысле этого слова, его противоправность и наказуемость. Прежде всего лицо осознает, что свое поведение осуществляет вопреки назначению уголовного судопроизводства. И как следствие этого привлекается к уголовной ответственности лицо, не виновное в том деянии, которое ему инкриминируется. При этом оно осознает, что совершаемое им деяние прямо предусмотрено как преступление (осознает противоправность) и что за его совершение предусмотрено уголовное наказание (осознает наказуемость).

Вот те признаки, которые составляют содержание осознания лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ. Следует иметь в виду, что, говоря об осознании лица, мы говорим не только об интеллектуальном моменте вины, но в определенной степени и о моменте волевым¹.

Таким образом, характеризуя осознание лицом общественной опасности своего деяния, мы включаем в него и волевой аспект, а при характеристике аспекта волевого исходим из наличия в нем аспекта осознания. Именно поэтому логично характеризовать вину лица посредством категории «осознанно-волевое отношение». Второй аспект осознанно-волевого отношения при привлечении заведомо невиновного лица к уголовной ответственности следует определять и посредством желаний наступления общественно опасных последствий, и посредством их допущения, и посредством безразлично-

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. С. 412; *Никифоров Б.С.* Об умысле по действующему уголовному законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 31; *Анашкин Г.З.* О формах умысла при посягательствах на безопасность СССР // Советское государство и право. 1964. № 5. С. 81; *Скляр С.* Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России // Уголовное право. 2003. № 2. С. 72.

210

го к ним отношения, то есть вина лица при совершении названного преступления может характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом.

Как известно, исходя из действующего уголовного законодательства России, для прямого умысла, помимо всего прочего, требуется желание наступления общественно опасных последствий. В теории высказано мнение о нецелесообразности законодательного использования признака «желания наступления общественно опасных последствий»¹. Полагаем, что едва ли это обоснованно, поскольку в этом случае волевой аспект, а значит в значительной мере и интеллектуальный утрачивают свою значимость как параметры, посредством которых характеризуется вина². А для умысла косвенного, опять-таки с позиции волевого аспекта, требуется сознательное допущение лицом наступления

общественно опасных последствий либо безразличное отношение к их наступлению. Возникает вопрос: каким образом лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд констатируют наличие прямого или косвенного умыслов? Наверное, самый простой путь — это собственное признание самого лица относительно его сознательно-волевого отношения к общественно опасным последствиям. Однако, как свидетельствует судебно-следственная практика, такое бывает редко. Но даже, если оно все-таки имеет место, все равно, такое признание необходимо закреплять установлением мотивов и целей, которыми руководствовалось лицо при совершении данного преступления и какими-либо объективными обстоятельствами.

Что касается объективных обстоятельств, то чаще всего в этом качестве выступают обстоятельства, характеризующие объективную сторону привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Когда речь идет о желании привлечения, то, наверное, это предполагает более интенсивное совершение действий по выполнению объективной стороны преступления. Однако установить четкие критерии, на основании которых можно было

¹ *Иванов Н.Г.* Умысел в уголовном праве Российской Федерации // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 16-18.

² См.: *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 40.

бы с точной уверенностью констатировать наличие прямого умысла, в отличие от умысла косвенного, практически невозможно. В этом качестве выступает уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РФ. Применительно к рассматриваемому составу преступления Закон использует фразу «заведомо невиновного», тем самым как бы подчеркивая, что названный состав преступления может быть выполнен только с прямым умыслом. В литературе отмечается: «Заведомость — это не самостоятельный элемент психической деятельности человека, а особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъект при совершении деяния достоверно знал о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания». И можно как бы предполагать, что если лицо заведомо знает о наличии какого-либо обстоятельства, то такого рода знание формирует в нем большую уверенность.

В принципе с таким предназначением слова «заведомость» можно согласиться, однако по существу это не может служить основанием для отграничения одного вида умысла от другого, в частности умысла прямого от умысла косвенного. Возникает вопрос: каково семантическое значение слова «заведомость»? Заведомый — «хорошо известный, заранее известный, несо-мненный». Исходя из представленного толкования, слово «заведомость» имеет два значения. Первое предполагает наличие у лица ясного представления относительно того или иного явления. Второе свидетельствует о том, что такое ясное представление у лица появилось заранее. Заранее, то есть до начала принятия решения, либо до начала выполнения того или иного действия.

Уместно рассмотреть оба этих значения применительно к составу привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Итак, лицо в полной мере осведомлено, что

обвинение, которое оно предъявляет гражда-

¹ *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступления. М, 2001. С. 12; см. также: *Новиков В.* Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) // Уголовное право. 2003. № 1. С. 46.

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985. Т. I. С. 500.

212

нину не имеет под собой ни уголовного, ни уголовно-процессуального основания. И тем не менее постановление о предъявлении обвинения все-таки выносится. В этом случае лицо осознает общественно опасный характер своего поведения, которое заключается в деянии, противоречащем назначению уголовного судопроизводства. Поскольку к уголовной ответственности привлекается лицо, которое не должно было оказаться в таком состоянии, тако- го рода деяние запрещено под угрозой уголовного наказания.

Другая ситуация, когда лицо, предъявляющее обвинение, не осведомлено о невинности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Может ли оно в этом случае осознавать общественную опасность своего деяния, то есть осознавать, что таким образом создается реальная опасность привлечения к ответственности заведомо невинного? Полагаем, что нет, не может. Если дознаватель, следователь или прокурор не имеют представления о невинности привлекаемого к ответственности лица, то констатировать осознание им общественной опасности своего деяния вряд ли возможно. Но значит ли это, что только наличие признака «заведомость» предполагает осознание общественной опасности деяния? Положительный ответ на поставленный вопрос ставит под сомнение возможность осознания общественной опасности тех составов преступления, в которых отсутствует признак заведомости. В самом деле, например, в составах хищения законодатель не использует признак заведомости применительно к похищаемому чужому имуществу, хотя важность признака в рассматриваемом аспекте исключительна. Если имущество для виновного не чужое, то деяние не является общественно опасным. Следовательно, можно было бы и в этом плане в Законе употребить названный признак, но этого Закон не делает. И это правильно. Объясняется это тем, что, независимо от наличия рассматриваемого признака, в составе преступления во всех случаях необходимо устанавливать факт осознания лицом общественной опасности своего деяния. Сам факт наличия в составе признака «заведомость» не упрощает наполнение соответствующим субъективным содержанием осознание лицом общественной опасности деяния.

213

Другое семантическое значение рассматриваемого признака означает предварительную осведомленность дознавателя, следователя или прокурора о невинности привлекаемого ими к уголовной ответственности лица. Предполагается при этом, если лицо не обладает такого рода предварительной осведомленностью, то оно, надо думать, не может осознавать общественной опасности своего деяния. И это, на наш взгляд, совершенно правильно. Действительно, в случаях, когда вышеперечисленным лицам заранее не известно о невинности лица, привлекаемого ими к уголовной ответственности, то установить осознание этими лицами общественной опасности своих деяний вряд ли возможно. Они могут осознавать общественную опасность деяния лишь тогда, когда им известно о невинности лица, которому они предъявляют обвинение. Следовательно, во всех такого

рода случаях требуется в процессе предварительного расследования устанавливать степень осведомленности лица о невинности потерпевшего, что и позволит определиться со степенью осознания им общественной опасности своего деяния.

Возникает вопрос: установление предварительной осведомленности о невинности привлекаемого к уголовной ответственности лица — обязательное требование применительно к любому составу преступления или только к составам, в которых в качестве обязательного признака указана «за-ведомость»? С полной уверенностью можно сказать, что это следует делать применительно к любому составу преступления. В противном случае наполнить необходимым содержанием «осознание лицом общественной опасности своего деяния» невозможно.

Все сказанное относительно признака заведомости приводит к выводу о том, что его наличие в составе преступления в качестве обязательного признака не снимает необходимости установления содержания осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния. Следовательно, наличие этого признака лишь в отдельных составах порождает видимость, что в составах, где он отсутствует, отсутствует и необходимость установления осоз-

214

нания лицом общественной опасности, что означает нарушение принципа вины, поскольку возникает возможность объективного вменения.

Многие криминалисты признак «заведомость» связывают с решением вопроса о содержании волевого аспекта умысла. Если названный признак является обязательным для соответствующего состава, тогда умысел может быть только прямым. Во всех остальных случаях умысел может быть и прямым, и косвенным.

Анализ семантического содержания признака «заведомость» показал, что он имеет «прямое» отношение к содержанию признака «осознание общественной опасности». Сам по себе факт осознания лицом общественной опасности своего деяния не предрешает содержание волевого аспекта вины. В его основе, по нашему мнению, лежит мотив и цель совершения общественно опасного деяния, причем определяющим выступает мотив. В литературе совершенно справедливо, по нашему мнению, отмечается, что «именно мотив является связывающим звеном между сознанием и волей индивида. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава в единое целое»¹. Вот почему мы полагаем, что мотив и цель совершения преступления выступают содержательными характеристиками вины. Без их установления определить с содержанием собственно волевого момента не представляется возможным. Так, если привлечение заведомо невинного к уголовной ответственности, мотивировано и сопровождается целью его совершения, то волевой момент может характеризоваться только прямым умыслом², то есть желанием лица совершить осознаваемое им общественно опасное деяние.

Рассмотрим логику нашего суждения. Мотивы привлечения к уголовной ответственности заведомо невинного могут быть различными: позитивными и негативными. Представляется, что в абсолютном большинстве случаев мотив может быть только негативным. Любой мотив, в том числе и

¹ Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С. 61.

² См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Владивосток, 1999. Т. 1. С. 385.

негативный, предполагает осознание лицом характера общественной опасности совершаемого деяния. Мотив как бы энергетически обеспечивает принятие решения о совершении преступления. Он в большей степени связан с совершением деяния, в то время как последствия этого деяния главным образом увязываются с целью, ради достижения которой оно совершается. Цель при этом может совпадать с преступным результатом, обозначенным в качестве обязательного признака состава, а может выходить за его пределы.

Мы не можем согласиться с точкой зрения А.И. Рарога о том, что «цель никогда не совпадает с последствием и отделена от него во времени»¹. Последнее обстоятельство особенно важно иметь в виду, когда выполняемый состав преступления носит формальный характер. С учетом всех перечисленных обстоятельств и: следует определяться с содержанием волевого аспекта умысла. В ситуации, когда цель совершения преступления совпадает с преступными последствиями, прямо предусмотренными соответствующими составами преступления, умысел следует оценивать как прямой.

Аналогичный вывод последует и тогда, когда цель совершения преступления не совпадет с преступными последствиями, однако без наступления преступных последствий лицо не достигнет цели преступления. В тех же случаях, когда состав преступления носит формальный характер, умысел прямой будет иметь место в случае, когда достижение цели предполагает совершение лицом деяния: действия или бездействия. Ситуаций подобного рода может быть несколько. Первая, когда цель привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, скажем, связана с тем, чтобы не допустить включения его в список для замещения соответствующей должности. Описанная гипотетическая ситуация может быть выполнена только с прямым умыслом. Вторая ситуация, когда цель привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности связана с выполнением, например заказа о содержании лица в течение определенного времени в следственном изоляторе. И в этом случае прямой умысел очевиден. Иной вывод в ситуации, когда

¹ Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступления. С. 71.

цель привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного лица, отсутствует, хотя к уголовной ответственности привлекается именно заведомо невиновное лицо. Субъект просто действует в рамках полномочий по реализации своего уголовно-процессуального статуса, хотя и осознает общественно опасный характер своего поведения. Можно ли в предложенном случае усматривать прямой умысел? Думаем, что нельзя. Здесь имеет место допущение привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или безразличное отношение к данному обстоятельству.

В предыдущей главе нами была выдвинута и обоснована позиция, согласно которой состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности меняется на незаконное уголовно-процессуальное преследование, что порождает необходимость уголовно-правового анализа вины лиц, совершающих незаконное уголовно-процессуальное преследование.

Вина лица, осуществляющего незаконное уголовно-процессуальное преследование,

характеризуется только умыслом. Умысел предполагает, что субъект, совершающий незаконное уголовно-процессуальное преследование, осознает общественно опасный характер своего деяния. В частности, его сознательно-волевой аспект включает в себя осознание уголовно-процессуального преследования лица (возбуждение уголовного дела, задержание лица в качестве подозреваемого, проведение любых других следственных действий). Это осознание основывается на незаконности такого рода преследования, то есть отсутствии оснований или поводов для такого преследования. Скажем, дело возбуждено, однако признаки преступления отсутствуют либо отсутствует заявление потерпевшей, в случаях, когда оно возбуждается только по жалобе потерпевшей или потерпевшего, либо, когда установлены признаки одного преступления, а дело возбуждается, расследуется по признакам другого преступления. При этом совершенно не имеет значения, в какую сторону, худшую или лучшую для обвиняемого лица, осуществляется уголовно-процессуальное преследование. Важно, чтобы имела место незаконность преследования и это обстоятельство осознавалось субъектом.

217

Осознание, кроме того, должно включать в себя противоправность уголовно-процессуального преследования, то есть его запрещенность УК РФ под угрозой уголовного наказания. Таким образом, лицо осознает, что совершаемое им уголовно-процессуальное преследование осуществляется вопреки назначению уголовного судопроизводства. Если реализация его мотивов и целей непосредственно связаны с совершением незаконного уголовно-процессуального преследования, то волевой аспект может характеризоваться желанием наступления преступного результата, то есть желанием таким способом противодействовать назначению уголовного судопроизводства. В случаях же, когда мотивы и цели напрямую не связаны с совершаемым уголовно-процессуальным преследованием, то имеет место допущение либо безразличное отношение лица к факту противодействия назначению уголовного судопроизводства.

Сказанное допускает совершение анализируемого состава преступления как с прямым, так и косвенным умыслом.

Проведенное исследование вины лица, совершившего деяние, предусмотренное ст. 299 УК РФ, позволило сформулировать новое определение понятия «вина» и определить место его расположения в законодательстве, внести изменения в законодательные виды умысла и неосторожности, увязать новую трактовку вины, ее видов с законодательным вариантом ст. 299 УК РФ и вариантом, предложенным нами.

218

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование состава, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, позволило сформулировать следующие выводы:

1. Анализ точек зрения, существующих в теории уголовного права относительно объекта преступлений, позволяет вычленить следующие его виды: объект как общественные отношения; объект как интерес, не связанный с общественными отношениями; объект как правовое благо; объект как люди.
2. Признание людей объектом преступлений не согласовывается с дей

ствующим уголовным законодательством России, не позволяет использовать его в качестве критерия для формирования разделов, глав Особенной части УК РФ, проводить отграничения одних составов преступлений от других. Такое понимание объекта ставит под сомнение возможность деления объекта по вертикали и горизонтали на: общий, родовой, видовой и непосредственный, основной, дополнительный и факультативный.

3. Нынешний уровень теоретической разработки проблемы увязки объекта с правовым благом не позволяет считать ее обоснованной.

4. Вряд ли логично рассматривать в качестве объекта и интерес. В отличие от объекта интерес является категорией субъективной, в связи с чем причинить ему вред или ущерб невозможно. Ущерб или вред можно причинить лишь объекту преступления, и только через объект можно посягнуть на интерес. Интересу причинить вред невозможно, он может быть удовлетворен или неудовлетворен. Такого рода объект не может быть «внедрен» в уголовное законодательство без изменения его логики. Ту часть уголовного законодательства, в которой категория «интерес» используется (ст. 37, 39⁴² УК РФ) законодателем целесообразно изменить.

5. Нуждается в корректировке и позиция, согласно которой объектом выступают общественные отношения. Сторонники названной позиции полагают, что вред причиняется общественным отношениям. Думается, что об-

219

щественные отношения сами по себе вреда или ущерба не терпят. Общественные отношения существуют не сами по себе, а применительно к каким-либо ценностям, являющимся физическими субстратами. В этом качестве могут выступать: человек, его жизнь, здоровье, в определенной мере — его честь и достоинство, имущество, деятельность по достижению определенного результата и т.д. Причиняя вред этим физическим явлениям, преступник тем самым причиняет вред общественным отношениям, которые возникают и существуют благодаря названным физическим явлениям.

6. Физическое явление выступает предметом преступления, в связи и по поводу которого возникают соответствующие общественные отношения

7. Предмет общественных отношений, в совокупности образующих объект уголовно-правовой охраны — это люди, их правовой статус, юридические лица, деятельность, информация, окружающая природная среда, звери, животные и другое, что обладает физическими и социально значимыми свойствами, придающими предмету объективный характер, и в этом плане вызывающие потребность у других лиц: физических, юридических, общества и государства при удовлетворении ими своих интересов.

8. Объектом преступления выступают предметы материального или нематериального мира, характеризующиеся физическими признаками, обладающие социально значимыми свойствами, способными удовлетворять общественно полезные потребности личности, общества, государства и взятые под охрану уголовного закона.

9. Считаем, что гл. 31 (Преступления против правосудия) УК РФ сформирована законодателем не по видовому, а по родовому объекту, что позволяет рассматривать ее в качестве раздела Особенной части УК РФ. Названный раздел в соответствии с видовыми объектами «разбивается» на три главы: преступления против правосудия; преступления против органов расследования; преступления против органов, исполняющих уголовные наказания. Родовым же объектом названного раздела выступают: суд, органы расследования и органы, исполняющие наказания, обеспечивающие защиту прав и

220

законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

10. В главе «Преступления против правосудия» должны быть размещены следующие статьи: 294 (Воспрепятствование осуществлению правосудия), 297 (Неуважение к суду), 305 (Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного служебного акта), 315 (Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта) УК РФ. Главу 2 образуют преступления против органов расследования. Она образуется из составов преступлений: самостоятельная статья, выделенная из ст. 294 УК РФ и предусматривающая уголовную ответственность только за воспрепятствование осуществлению предварительного расследования, ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности), ст. 301 (Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), ст.302 (Принуждение к даче показаний), ст. 303 (Фальсификация доказательств), ст. 304 (Провокация взятки или коммерческого подкупа), ст. 306 (Заведомо ложный донос), 307 (Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод), ст.308 (Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний), ст. 309 (Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонение от дачи показаний либо неправильный перевод), ст. 310 (Разглашение данных предварительного расследования), ст. 312 (Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащее конфискации) УК РФ. Глава «Преступления против органов, исполняющих уголовные наказания» включает в себя: ст. 313 (Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из под стражи), ст. 314 (Уклонение от отбывания лишения свободы). Здесь же должна быть размещена норма, устанавливающая уголовную ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, которая в настоящее время расположена в главе «Преступления против порядка управления».

221

11. Объективная сторона состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности — это предусмотренное уголовным законом общественно опасное действие, непосредственно направленное на конкретное уголовно-процессуальное преследование конкретного человека.

12. Содержание категории «уголовная ответственность» с позиции отражения границ ее действия дает определенные основания полагать о ее недостаточной разработанности, в связи с чем неправомерно ее использование в тех нормах УК РФ, которые регламентируют составы преступлений, ответ

ственность за совершение которых непосредственно связана с понятием «уголовная ответственность». Речь идет о ст. 299 и 300 УК РФ.

13. Из наименования и содержания названных статей следует изъять фразу: «уголовная ответственность», введя в них словосочетание «уголовно-процессуальное преследование».

14. В основе всех уголовно-процессуальных видов принуждения лежит уголовно-процессуальная ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения. Она основывается на санкциях, непосредственно предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

15. Уголовно-процессуальное принуждение полностью основывается и вытекает из уголовно-процессуального законодательства. Оно осуществляется в рамках уголовно-процессуального закона. Уголовно-процессуальное принуждение направлено на обеспечение своего назначения. Именно поэтому уголовное преследование следует именовать «преследованием уголовно-процессуальным».

16. Уголовно-правовое действие — это предусмотренное соответствующей уголовно-правовой нормой физическое поведение, причиняющее вред охраняемым уголовным законом отношениям либо создающее непосредственную угрозу причинения вреда.

17. Действие применительно к составу привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности — это предусмотренное ст. 299 УК РФ физическое поведение, выражающееся в незаконном уголовно-процессуальном

преследовании и таким образом причиняющее вред отношениям, обеспечивающим деятельность правоохранительных структур РФ по решению задач, стоящих перед ними в части борьбы с преступностью.

18. Содержанием категории «уголовно-процессуальное преследование» выступают следующие ее основные элементы: возбуждение уголовного дела, изобличение в совершении преступления подозреваемого, изобличение в совершении преступления обвиняемого, поддержание обвинения лица в суде.

19. Незаконное уголовно-процессуальное преследование приобретает общественную опасность с момента подписания постановления о возбуждении уголовного дела и его отправки в адрес прокурора. Оно продолжается совершением каждого следующего уголовно-процессуального действия, объективно направленного на уголовно-процессуальное преследование.

20. Для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела требуется минимум три признака преступления: общественная опасность, противоправность, угроза наказуемостью.

21. Наличие трех уголовно-правовых признаков преступления дает законное уголовно-правовое и уголовно-процессуальное основание для возбуждения уголовного дела, что означает начало уголовно-процессуального преследования.

22. Уголовно-процессуальное преследование будет незаконным, то есть общественно опасном, образующим состав ст.299 УК РФ, если постановление о возбуждении уголовного дела выносится при отсутствии любого из видов, указанных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Оно будет незаконным и тогда, когда ни в одном из поводов нет оснований для вынесения такого постановления, то есть ни в одном из поводов нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

23. Квалифицированными видами незаконного уголовно-процессуального преследования выступают: незаконное задержание лица в качестве подозреваемого (оно считается общественно опасным и противоправным, если задержание осуществлено без наличия оснований, указанных в ст. 91 УПК РФ);

223

незаконное предъявление обвинения в совершении преступления небольшой или средней тяжести.

24. Особо квалифицирующим видом незаконного уголовно-процессуального преследования следует рассматривать незаконное обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

25. Нынешний состав преступления, предусматривающий ответственность за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, не может выступать в качестве самостоятельной статьи, поскольку незаконное задержание является квалифицированным видом незаконного уголовно-процессуального преследования. Заключение под стражу (оно ныне осуществляется судом) становится частью ст. 305 УК РФ, а содержание под стражей есть злоупотребление должностными полномочиями.

26. Общими условиями уголовной ответственности исполнителей преступлений могут выступать не все вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного уголовным законом, на чем настаивает ст. 19

УК РФ. Применительно к большой группе составов преступлений УК РФ

требуется еще ряд обстоятельств, без наличия которых привлечь лицо за исполнительскую деятельность невозможно, что порождает необходимость внесения изменений в ст. 19 УК РФ.

27. Ее примерное наименование и редакция может быть следующей:

Статья 19. Лица, обязанные воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных настоящим Кодексом. «Вменяемые, физические лица, достигшие возраста, установленного настоящим Кодексом, обязаны под угрозой уголовного наказания воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных Особенной части настоящего Кодекса как в качестве исполнителей, так и в

* качестве соучастников. Вменяемые физические лица, достигшие определен-

ного возраста, обладающие другими специально предусмотренными соответствующими уголовно-правовыми нормами настоящего Кодекса, свойствами или качествами, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздержи-

ваться от совершения в качестве исполнителя деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса».

28. Лицами, обязанными воздерживаться от незаконного уголовно-процессуального преследования под угрозой уголовного наказания, могут выступать только прокурор в рамках предоставленных ему полномочий, следователь и лицо, производящее дознание.

29. Мотив, цель совершения преступления, эмоциональное состояние лица в период совершения преступления должны иметь более важное уголовно-правовое значение. Без учета таких обстоятельств невозможно назначить справедливое наказание. В этой связи представляется обоснованным включить в принцип вины рассматриваемые признаки, для чего редакцию ст. 5 УК РФ следует дополнить следующей фразой: «а также мотив и цель совершения преступления, эмоциональное состояние лица в период совершения преступления».

30. Родовое понятие вины можно сформулировать следующим образом: «Вина — это осознанно-волевое отношение лица к совершаемому им общественно опасному, непосредственно запрещенному настоящим УК РФ под угрозой уголовного наказания деянию, основанному на мотивах и целях, противоречащих общеправовому принципу справедливости и выливающаяся в предусмотренные настоящим законом формы и виды».

31. Считаем, что наличие в умысле и легкомыслии признака «предвидение» содержательно ничего не добавляет им, поскольку признак «осознание общественной опасности» есть не что иное, как предвидение наступления общественно опасных последствий либо угрозы их наступления, в связи с чем названный признак следует из ст. 25 УК РФ изъять. Что касается ч. 2 ст. 26 УК РФ, то в нее следует включить признак «осознание общественной опасности своего деяния (действия или бездействия)», изъав из нее фразу: «предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействий)».

225

32. Вина лица, совершающего незаконное уголовно-процессуальное преследование, характеризуется только умыслом. Лицо осознает общественно опасный характер своего деяния. Его сознательно-волевой аспект включает в себя осознание незаконности уголовно-процессуального преследования лица. При этом не имеет значения, в какую сторону (худшую или лучшую для преследуемого лица) осуществляется уголовно-процессуальное преследование и желание такого преследования при условии реализации мотивов и целей посредством совершения преступления. В случае, если мотивы и цели напрямую не связаны с совершаемым уголовно-процессуальным преследованием, имеет место умысел косвенный.

226

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законы, иные нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть) Проект. Пояснительная записка. М., 1994.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. М., 2002.
4. Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях». М., 2002.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания».
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001.
7. Уголовное право Казахстана. Особенная часть. Алматы, 2001.
8. Уголовный кодекс Кореической Народной Республики. СПб., 2001.
9. Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001.

Монографии, учебники и учебные пособия

10. *Алексеев И.С., Лукашевич В.З.* Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970.
 11. *Баршев СИ* О преступлениях и наказаниях. М., 1841.
 12. *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995.
 13. *Бородин СВ., А.И. Трусова.* Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2001.
 14. *Брайнин ЯМ.* Уголовный закон и его применение. М., 1963.
- 227
15. *Брайнин ЯМ.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.
 16. *Брайнин ЯМ.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965.
 17. *Бышевский Ю.В., Марцев А.И.* Наказание и его назначение. Омск, 1975.
 18. *Варыгин А.Н., Громов ВТ., Шляпникова О.В.* Основы криминологии и профилактики преступлений: Учебное пособие. Саратов, 2000.
 19. *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности. Проблемы теории и практики. Саратов, 2003.
 20. *Ветрова Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987.
 21. *Викторов Б.А.* Цель и мотив в тяжких преступлениях. М., 1963.
 22. *Власов КС, Тяжкова ИМ.* Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968.
 23. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1950.

24. *Ворошилин Е.В., Кригер Г.А.* Субъективная сторона преступления. М., 1987.
25. *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Краснодар, 1999.
26. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1997. Т. 3.
27. *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979.
28. *Громов Н.А.* Институт привлечения к уголовной ответственности. Саратов, 1991.
29. *Громов Н.А., Полунин С.А.* Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998.
30. *Дагель П. С.* Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968.

228

31. *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления. Воронеж, 1974.
32. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I.
33. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
34. *Дорошков В.В.* Частное обвинение. Правовая теория и судебная практика. М., 2000.
35. *Дювернуа Н.Л.* Чтение по гражданскому праву «Введение и общая часть». СПб., 1898. Т. I.
36. *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
37. *Зелинский А.Ф.* Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990.
38. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981.
39. *Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права: В 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 2001.
40. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875.
41. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881.
42. *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб., 1895.
43. *Иоффе О. С, Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961.
44. *Каиржанов Е.К.* Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973.
45. *Канунник А.И.* Наказание в виде лишения свободы. Теория и практи

ка исполнения. Пенза, 2001.

46. *Карпец И.И.* Наказание. М., 1973.

47. *Карпец И.И.* Уголовное право и этика. М., 1985.

48. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974.

229

49. *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987.

50. *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975.

51. *Коган В.М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.

52. *Козаченко И.Я.* Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Текст лекций. Свердловск, 1987.

53. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996.

54. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. М., 2002.

55. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Мозякова. М., 2002.

56. *Коржанский Н.И.* Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. Волгоград, 1976.

57. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.

58. *Коржанский Н.И.* Предмет преступления. Волгоград, 1976.

59. *Корнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Учебное пособие. Волгоград, 1988.

60. *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

61. *Кортиков И.В., Щербаков В.В.* Уголовное право. Общая часть: Учебное пособие. Самара, 2000.

62. *Костырева Т.А.* Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993.

63. *Костырева Т.А.* Практикум по уголовному праву / Под ред. Л.Л. Крутикова. М., 1997.

230

64. *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999.

65. *Красиков А.Н.* Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999.
66. *Красиков Ю.А.* Уголовно-правовая реформа: Доктринальное обоснование и разработка концепции. Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации. М., 1992.
67. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960.
68. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1961.
69. *Кульберг ЯМ.* Преступления против правосудия. М., 1962.
70. *Куриное Б.А.* Научные основы квалификации преступлений. М., 1976.
71. Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968.
72. Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999.
73. Курс российского уголовного права: В 2 т. М., 2001. С. 70-77.
74. Курс российского уголовного права: В 2 т. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. Особенная часть. М., 2002. Т. 2.
75. Курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002.
76. Курс уголовного права: В 5 т./ Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.
77. Курс советского уголовного процесса. Общая часть М., 1989.
78. *Ларин АМ.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
79. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968.
- S>0. Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 15.

81. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998.
82. *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999.
83. *Лукашевич В.З.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985.
84. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976.
85. *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 39.
86. *Маликов Б.З.* Лишение свободы в России. Теоретико-правовые про

блемы сущности и целей наказания. Саратов, 2001.

87. Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. В.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. М., 1997.

88. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М., 2003.

89. *Мальцев В.В.* Категория «Общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995.

90. *Мальцев В.В.* Введение в уголовное право. Волгоград, 2000.

91. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3.

92. *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.

93. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987.

94. *Мельник В.И.* Наркотизм и образовательная среда: пути решения проблемы. Криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2003.

95. *Миньков Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П.* Уголовное право России: Учебник Общая и Особенная части / Под общ. ред. В.П. Ревина. М., 1998.

96. *Мотовиловкер Е.Я.* Об институте «привлечения к уголовной ответственности» и содержании уголовно-процессуальной деятельности. Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев, 1979.

97. *Наташев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.

232

98. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996.

99. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации; В 2 т. / Под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород, 1996.

100. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.

101. *Никифоров Б.С., Фролов Е.А., Кауржанов Е.К., Глистин В.К., Коржанский Н.И., Тацкий В.А.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.

102. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. М., 2001.

103. Нравственная жизнь человека, искания, позиция, поступки. М., 1982.

104. *Огуцов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976.

105. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.

106. *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958.

107. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
108. *Павлов ВТ.* Субъект преступления. СПб., 2001.
109. *Перфильев М.Н.* Общественные отношения: методологические и социологические проблемы. М., 1974.
- ПО. *Петрова Г.О.* Норма и правоотношение — средства уголовно-правового регулирования. Н. Новгород, 1999.
111. *Петрухин И.Л.* Презумпция невиновности и вопросы доказывания на предварительном следствии. Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990.
112. *Печников Г.А.* Проблемы истины на предварительном следствии. Волгоград, 2001.

233

113. *Пикуров Н.И.* Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998.
114. *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть: Учебник М., 1925.
115. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961.
116. *Пионтковский А.А.* Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 2: Часть общая. М., 1970.
117. *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д.* Курс советского уголовного права. Т. I: Особенная часть. М., 1995.
118. *Познышев СВ.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912.
119. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
120. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. М., 2001.
121. *Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н.* Механизм уголовно-правового регулирования Красноярск, 1989.
122. *Прохорова М.И.* Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 200 Г.
123. *Рабаданов А.С.* Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Саратов, 2000.
124. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981.
125. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993.
126. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими

задач уголовного права Российской Федерации. Саратов, 1995.

127. *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980.

128. *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.

234

129. *Ракунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.

130. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.В. Наумова, М., 1994.

131. Российское уголовное право: Курс лекций. Владивосток, 1999. Т. 1.

132. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. I: Преступление / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999.

133. Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2003.

134. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940.

135. *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс: Учебник для вузов. М., 2002.

136. *Сабитов Р.А.* Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003.

137. *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. М., 1987.

138. *Саидов Д.Х.* Сравнительное правоведение. М., 2000.

139. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

140. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953.

141. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2001.

142. *Сенцов А.С.* Проблемы реализации уголовной ответственности и правового статуса ее субъектов на предварительном следствии. Права человека и правоохранительная деятельность. Волгоград, 1995.

143. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.

144. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985.

145. *Смирнов ВТ.* Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965.

235

146. *Соловьев А.Б.* Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса. Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. М., 1997. С. 144.

147. *Соловьев А.Б., Якубович Н.А.* К вопросу о концепции правового обеспечения. Функции уголовного преследования. Современные процессы уголовного права, процесса и криминалистики. М.; Кемерово, 1996.
148. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
149. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
150. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
151. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
152. *Стручков Н.А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.
153. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, СВ. Бородина. М., 2001.
154. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1.
155. *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977.
156. *Тарбагаев А.Н.* Пределы уголовной ответственности Вопросы уголовной ответственности. Красноярск, 1986.
157. *Тацкий В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
158. *Тихенко СИ.* Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогами документов. Киев, 1959.
159. *Тихонов К.Ф.* Субъективная сторона преступления: Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве. Саратов, 1967.
160. *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.

161. *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
162. Уголовный закон и преступление / Под ред. Э.С. Тенчева. Иваново, 1997.
163. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1993.
164. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. МП. Журавлева, А.И. Рарога. М., 1996.
165. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997.
166. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997.

167. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова М., 1998.
168. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М., 1998.
169. Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. М., 1999.
170. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999.
171. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева и А.Н. Красикова. Саратов, 1999.
172. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Л.Д. Гаухмана, СВ. Максимовым М., 2003.
173. Уголовный процесс: Учебник. 3-е изд. / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002.
174. *Угрехелидзе М.Г.* Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1974.
175. *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 59-60.
176. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1953. Т. 2.

177. *Фельдштейн Г.С.* Психологические основы и юридические конструкции форм виновности в уголовном праве. М., 1903.
178. *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
179. *Халиулин А.Г.* Осуществление функций уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997.
180. *Чинакова Л.И.* Интерес как движущаяся сила развития общества. Красноярск, 1966.
181. *Чинакова Л.И.* Общественные интересы и личность. Свердловск, 1967.
182. *Чувилев А.А.* Оперативно-розыскное право. М., 1999.
183. *Чучаев А.И.* Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997.
184. *Чучаев А.И.* Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1988.
185. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997.
186. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1947.
187. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973:

188. *Элькин П.С.* Цели и средства их достижения. М., 1976.
189. Энциклопедический словарь. М., 1989.
190. *Якубович Н.А.* Гносеологические основы доказывания по уголовному праву.
191. *Якубович Н.А.* Процессуальные функции следователя. Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. М., 1980.
192. *Якушин В.А.* Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.
193. *Яцеленко Б.В.* Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996.

238 Научные статьи

194. *Анашкин Г.З.* О формах умысла при посягательствах на безопасность СССР // Советское государство и право. 1964. № 5.
195. *Анащенкова С.В.* Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 10.
196. *Андреев Ю.В.* Основания уголовной ответственности сотрудников исправительно-трудовых учреждений за совершение преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Проблемы юридической ответственности: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2001.
197. *Асанов В.* О содержании уголовного преследования // Уголовное право 2000. № 4.
198. *Афян Э.* Мотив и цель незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Уголовное право. 2003. № 2.
199. *Божьев В.П.* К вопросу о соотношении уголовного и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. № 9.
200. *Бойков А.Д.* Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.
201. *Бородин С.В.* О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.
202. *Векленко С.В.* О психическом отношении лица к совершаемому преступлению // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». 2001. Вып. 1. № 8.

203. *Власов КС* Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1963. Вып. 1.
204. *Власов И. С* Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. М., 1964. Вып. 1/18.
205. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основания уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3.
206. *Головко Л.В.* Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6.
207. *Голоднюк М.* Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Серия II, Право. 1996. №6.
208. *Горелов А.П.* Уголовно-правовая охрана отношений в сфере предпринимательства и реализация принципа диспозитивности в УПК РФ. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 10.
209. *Гринберг М.С* Преступное невежество // Правоведение. 1989. № 5.
210. *Гринберг М.С.* Уголовное право как феномен культуры // Правоведение. 1992. №2.
- 21 *Х.Дагель П.С.* Проблемы вины в советском уголовном праве. Ученые записки Дальневосточного ун-та. Владивосток, 1960. Вып. 21. Ч. 1. С. 21.
212. *Дагель П.С* Понятие вины в советском уголовном праве // Материалы XIII научной конференции ДВГУ. Владивосток, 1968. Ч. IV. С. 123.
213. *Дашков Г.В., Здравомыслов Б.В. Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Рарог А.И., Пашин СА.* Уголовное Уложение вместо УК РФ // Записки криминалистов. 1993. № 1.

214. *Демидов Ю.А.* Основные принципы советского уголовного права // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1969. Вып. 9.
215. *Дзюба Д.И.* Криминологическая обусловленность нового уголовно-процессуального законодательства в аспекте борьбы с терроризмом (проблемные вопросы) // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003.
216. *Добровольская Т.Н.* Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки ВИЮН. М., 1963. Вып. 6.
217. *Дурманов Н.Д.* Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. М., 1944. № 1.
218. *Емельянов А.М.* К уточнению понятий умышленного и неосторожного преступного поведения // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.

219. *Ефимичев С.П.* Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого — этап стадии предварительного расследования // Правоведение. 1985. № 5. С. 31.
220. *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978.
221. *Злобин Г.А.* Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
222. *Злобин Г.А.* Виновное вменение и уголовная ответственность (Статья подготовлена к печати научным сотрудником ИГПАН СССР СВ. Полушинской) // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988.
223. *Иванов Н.Г.* Умысел в уголовном праве Российской Федерации // Российская юстиция. 1995. № 12.
224. *Иногамова-Хегай Л., Жовнир С.* Субъективная сторона лжепредпринимательства // Уголовное право. 2001. № 4.
225. *Корнеева ИМ.* Привлечение к уголовной ответственности // Законность и обоснованность. М., 1971.

241

226. *Касаткина С.* О соотношении публичных и личных интересов в российском уголовном процессе // Уголовное право. № 3.
227. *Кауфман М.А.* Некоторые вопросы применения норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2000. № 6.
228. *Коржанский НИ.* Ценностная характеристика объектов уголовно-правовой охраны и степень их преступного повреждения // Этика предварительного следствия. Волгоград, 1976. Вып. 15.
229. *Кригер Г.А.* К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского ун-та. 1955. № 1.
230. *Кригер Г.А.* Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 106.
231. *Кудрявцев В.Н.* О соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8.
232. *Кудрявцев В.Н.* К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1958. № 8.
233. *Кудрявцев В.Н.* Социологический аспект преступления.. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 18.
234. *Лунеев В.В.* Вступительное слово. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.
235. *Малько А.В., Кучинский В.А.* Законные интересы личности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М., 1982.

236. *Мальцев В.В.* Принцип законности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовное право. 2003. № 1.
237. *Марцев А.И.* Вопросы совершенствования норм о преступлении // Советское государство и право. 1988. № 11.
238. *Марцев А.И.* О вине и виновности в уголовном праве // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, 2002.

242

239. *Наумов А.В.* Некоторые аспекты соотношения УК РФ и УПК РФ. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценки нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 10.
240. *Нерсесян В.А.* О концепции вины в уголовном праве // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., 1996.
241. *Никифоров Б. С.* Об умысле по действующему уголовному законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6.
242. *Новиков В.* Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) // Уголовное право. 2003. № 1.
243. *Ной И.С.* Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7.
244. *Огурцов Н.А.* О категориях субъекта уголовного правоотношения в теории советского уголовного права и законодательстве. Проблемы уголовного и исправительно-трудового права // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР. 1975. Вып. 3. С. 20.
245. *Панченко П.Н.* Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980.
246. *Пашин С.* Понимание преступления // Уголовное право. 2000. № 3.
247. *Петрухин И.Л.* Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности // Советское государство и право. 1984. № 4.
248. *Пионтковский А.А.* Система особенной части уголовного права // Советское государство и право. 1926. № 2.
249. *Пионтковский А.А.* Правоотношение в уголовном праве // Право ведение. 1962. № 2. С. 89.
250. *Рахметов СМ.* Ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по УК Республики Казахстан. Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства

243

Российской Федерации // Научно-практическая конференция, посвященная памяти проф. А.Н. Красикова. Саратов, 2002.

251. *Рашиковская Ш.С.* Правосудие под охраной закона // Труды ВИОН, М., 1970. Т. XVI. Ч. II.
252. *Рыжаков А.П.* Виды уголовного преследования // Юридический мир. 2002. № 12.
253. *Сабитов Р.А.* Общественная опасность как критерий криминализации // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980.
254. *Сахаров А., Носкова Н.* Преступления против правосудия // Социалистическая законность. 1987. № 11.
255. *Склярлов С.* Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России // Уголовное право. 2003. № 2.
256. *Столмаков А.И.* Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Правоведение. 1980. № 1.
257. *Сухарева Н.Д.* О понятии «уголовного преследования» // Российский следователь. 2002. № 10.
258. *Тер-Акопов А.А.* Защита личности — принцип уголовного закона // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М, 1994.
259. *Томин В. Т.* Уголовный процесс России на рубеже XX-XXI веков: аспекты взаимодействия с международным правом // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 1998. Ч. 2.
260. *Трухин А.М.* Интеллектуальные критерии разграничения форм вины в советском уголовном праве // Вестник Московского ун-та. Сер. Право. 1976. №1.
261. *Трухин А.М.* Принцип вины в Российском уголовном праве // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового уголовного кодекса Российской Федерации. Красноярск, 1997.

262. *Федик Е.Н.* Субъективная сторона и субъект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы юридической ответственности: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 2001.
263. *Федоров М.И.* Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1957. Т. II. Кн. 2.
264. *Фефелов П.А.* Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности // Основные методологические проблемы. М., 1972.
265. *Фефелов П.А.* Принципы советского уголовного права // Правоведение. 1989. № 2.
266. *Фролов Е.А.* Спорные вопросы ученика об объекте преступления //

Сб. ученых трудов. Свердловск, 1968. Вып. 10.

267. *Чечина Н.А., Элькин П.С.* Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. №9.

268. *Шаргородский М.Д.* Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. 1941. № 4.

269. *Шаргородский М.Д.* Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966.

Диссертации, авторефераты диссертации

270. *Верша Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.

271. *Гаранта М.А.* Система преступлений против правосудия: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1995.

245

272. *Дьяченко А.П.* Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.

273. *Жога Е.Ю.* Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная практика его законности и обоснованности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

274. *Кан М.П.* Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1998.

275. *Кан М.П.* Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1998.

276. *Корэюанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1981.

277. *Лазарев В.А.* Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

278. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

279. *Львова Е.Ю.* Социальная и юридическая сущность преступления. Вопросы теории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

280. *Мальцев В.В.* Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1993.

281. *Петров Д.Е.* Отрасль права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

282. *Полунин С.А.* Уголовно-процессуальные санкции и особенности их

применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997.

283. *Смородинова А.Т.* Проблемы использования специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

246

284. *Тимейко Г.В.* Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М, 1986.

285. *Тихонов А.К.* Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

286. *Францифоров Ю.В.* Обвинение как средство обеспечения прав и законных интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

287. *Шаталова Л.И.* Правовые, психологические и этические аспекты субъективного вменения в уголовном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002.

288. *Щербаков В.В.* Уголовная ответственность и ее основание: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.